

Енисей

№ 2
2020

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Енисей

№2
2020

Красноярский литературно-художественный
и краеведческий альманах

Михаил ТАРКОВСКИЙ главный редактор

заместители
главного редактора:

Александр Ёлтышев по прозе

Сергей Кузнечихин по поэзии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр АСТРАХАНЦЕВ прозаик, член Союза
российских писателей

Леонид БЕРДНИКОВ краевед, председатель
историко-патриотического
общества «Краевед»

Иван БУЛАВА прозаик, первый секретарь
Сибирского представительства
Союза писателей России и Белоруссии

Марина МОСКАЛЮК доктор искусствоведения, профессор,
ректор ФГБОУ ВО «Сибирский
государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского»

Михаил СЕВЕРЬЯНОВ заведующий кафедрой истории
России Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
доктор исторических наук,
профессор

Красноярск
«Знак»

ББК 84 (2 Рус = Рос)

Е 63

Альманах выходит благодаря
финансовой поддержке министерства
культуры Красноярского края.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением авторов.

Редакция не вступает в переписку.
Тексты не рецензируются.

В оформлении обложки
использован фрагмент картины
Вольдемара Бурмакина «Грачи прилетели. Март».

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3,
Дом искусств

Вёрстка: Олег Наумов
Корректор: Андрей Леонтьев

Подписано в печать: 6.12.2020

Тираж: 500 экз.

Формат: 70 × 100 / 16

Объём: 17,88 усл. печ. л.

Отпечатано в ООО «Знак»:
660028, г. Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21
тел.: 8 (391) 290-00-90, znak24.ru

ISBN 978-5-6044837-3-2

Содержание

ЮБИЛЕЙ

- Эльдар Ахадов 5
Светлана Мель 12
Зинаида Кузнецова
Дети маршала 18
Александр Ёлтышев 23

ПРОЩАНИЕ

- Поэт-романтик 11

ПРОЗА

- Сергей Кузнечихин
Никола зимний 30
Владимир Ярош
Спокойной ночи 102

ПОЭЗИЯ

- Александр Кобелев 103
Дарья Лысенко 109
Екатерина Малиновская 113
Виталий Овчаренко 117

ДРАМАТУРГИЯ

- Ольга Немежикова
Чистая Пядь 121
Игорь Герман
Миссионеры и язычники 167

РУССКАЯ БАЛТИЯ

Мировой чемпионат поэзии 211

Елена Наильевна 212

Анна Германова 215

Ирина Ремизова 217

СЛОВЕСНОСТЬ

Николай Юрлов

Что сказали «тени»? 219

ВОСПОМИНАНИЕ

Аделя Броднева

Поэт и муза 229

Авторы 236

Эльдар Ахадов

* * *

Обратившись в клубящийся медленный взгляд,
Из безмолвия бездны небесный простор,
Словно лава из ветром терзаемых врат,
Изливается в чаши очей и озёр.
Облачившись в резиновый плащ-макинтош,
В ночь сырую уходит поэт навсегда:
Останавливать словом невидимый дождь
И шагать по воде неизвестно куда.

* * *

Летит Земля в просторе необъятном
Вселенского, как радость, бытия,
Мерцающая голубым невероятным
Сиянием, которым ты, и я,
И все мы каждый миг благословенны,
Как волны, ветер, камни и трава,
Покуда жизнь, как музыка, нетленна
И молода, как вечные слова!

НИЧЕГО, КРОМЕ НЕБА

Земля находится
посреди неба.
Небо —
и над землёй,
и под землёй,
и даже внутри земли.
Небо и снаружи,
и внутри нас.
Если приглядеться,
и это — не вся правда.
На самом деле,
кроме неба,
вообще ничего нет.

* * *

Многое,
о чём мне прежде хотелось сказать тебе,
так и осталось невысказанным.
И покрылось оно печалью белого цвета —
цвета чистого листа бумаги.
Вглядись: все мои слова — здесь.
Перед тобой.
Невидимые,
они продолжают напоминать о себе.
Даже там, где уже нет ни меня, ни тебя.

* * *

Не существует ни добра, ни зла.
И счастье часто там же, где и беды...
Добра ль та сила, что превозмогла?
И зла ль — не одержавшая победы?
Нам истины конечной не познать:
Мир — перемен извечная обитель.
Что б ни случилось завтра, но опять:
Добром себя объявит победитель.
Пока стрела времён не истекла,
Блуждая по артериям и венам,—
Не существует ни добра, ни зла...
Не верите?
Готовьтесь к переменам.

* * *

Туда, где ангел пролетел
И зверь крылатый возносился,
Я в бездну звёздную глядел —
Глядел, и плакал, и молился,
Взывая истово всю ночь
К Тому, Кто милостив и светел
И в силах каждому помочь...
И я просил. И Он ответил...
Волной вздымается заря,
И небом вспыхивают горы,
И, воздухом животворя,
Сияют вечные просторы.

* * *

Разве стихи — это только слова?
Нет. Стихи — это чувства.
А чувства — паузы между словами.
Паузы для ветра,
для поцелуев и объятий,
для слёз и надежд.
Для всего того,
что невозможно выразить словами!
А стихами — возможно...

Вот почему, читая хорошие стихи, нельзя
переставлять местами слова. Разрушаются паузы.
В результате — стихотворение вроде то же самое.
А поэзии в нём уже нет. Ушла вместе с паузами.

* * *

Жила-была, жила-была,
Цветы в саду сажала,
Как роза майская, цвела
И каждый год рожала.
Кусты росли, сады цвели,
Дожди под солнцем пели,
И лился свет из-под земли,
В которой зори зрели.
Жила-была, жила-была,
Супруга ублажала,
Детей любила как могла
И старших уважала.
Звенела, словно тетива,
В восторге и печали...
А рядом с ней росла трава
И листья увядали...
Жила-была, жила-была,
Как тучка ночевала...
Бывало, спросят: как дела?
И слёз — как не бывало.

* * *

Хорхе Лоренте, моему кубинскому другу

В непроглядном сыром тёмно-сером лесу,
Где немеет над склоном нога на весу,
А вторую лобзает липучая грязь,
Мне, увы, не казалось, что жизнь удалась...
А она удалась, ей везло на пути:
И по этой тропе партизанской пройти,
И найти водопад, и умыться в ручье,
Не заметив, как вслед улыбается Че...
А она удалась, ей и вправду везло:
Любоваться среди тундры трёхглавым гало,
Окунаться в белёсое пламя пурги,
Набредать на людей в буреломах тайги.
Ей такие полёты, мой друг, удались —
В океанскую тишь, в многозвёздную высь:
Среди радужной зерни сквозных облаков
Над пустыней воды и текучих веков...
И теперь, вспоминая об этой тропе,
Хорхе, друг мой, я вновь обращаюсь к тебе,
Словно слышу, как голос твой вторит, смеясь:
«Всё нормально, дай руку, и жизнь удалась!»

* * *

Буйным ветром измочалена,
В синеву вознесена,
Слышишь, как поёт отчаянно
И трепещет тишина?
В заповедное и тайное,
В невозможное спасти
У неё дорога дальняя,
Бесконечная почти.
Словно небо, необъятная,
Хоть замри и не дыши,
Шепчет что-то непонятное
В глубине моей души...
То таится, то драконится,
Полыхнув на весь простор,
То опять со мной знакомится
И зовёт на разговор.

* * *

Когда поймёшь на самом деле,
Что правды может и не быть,
Что хрупок дух в здоровом теле
От недомолвок и обид,
А между прошлым и грядущим
Нет абсолютно ничего,
И грех печалиться о сущем,
Когда по сути нет его,
Живи и радуйся, как чуду,
Морщинке времени любой,
Поскольку мы с тобой повсюду,
И всё на свете — в нас с тобой.

* * *

В мокром зеркале асфальта
Проплывают облака,
Словно дивное контральто,
Утомлённое слегка.
Отшумела ливня ярость
И исчезла с бездной вод...
Лишь душа моя, как парус,
В даль безбрежную плывёт.

* * *

Вся жизнь — ожидание чуда,
Того, что ещё не сбылось,
Но скоро случится повсюду
Внезапно, как русский авось.
И хлынут хорошие вести,
И всё обойдётся, дружок,
И счастливы будем мы вместе
С тобою глядеть за порог,
Туда, где сбывается чудо
Само по себе, как всегда:
Явившееся ниоткуда,
Не девшееся никуда.

* * *

Как учит нетленная мудрость веков,
Нельзя никому обижать стариков:
Сегодня ты молод и зол на язык,
А завтра и сам — беззащитный старик.
Иным перенять бы у диких зверей
Священный обычай любить матерей...
В младенчестве все мы зовёмся детьми,
Дай Бог и потом оставаться людьми!

* * *

Как вечер, затянувшийся дымком,
Уже не вспоминает ни о ком,
И тает ночь, на землю исходя,
Пронизанная иглами дождя,
И новый день рождается во мгле
От свечки, догоревшей на столе,
Так жизнь, под небом совершая круг,
То входит в руки, то спешит из рук...

ЗЕМНЫЕ АНГЕЛЫ

Когда меня вперёд ногами
Из дома дружно понесли,
Не шелохнулся я, как знамя,
Опущенное до земли...
И как по лестницам спускали,
И как склонялись надо мной,
Припомнить я смогу едва ли
Тот путь небесный и земной...
Но то, что в брэнной круговерти
За мной следят из толчеи
Меня укравшие у смерти
Земные ангелы мои,
С тех пор я чувствую повсюду
И улыбаюсь им в ответ,
Благодаря в душе за чудо:
За счастье видеть белый свет

* * *

Свинцовая весна.
Серебряное лето...
А дальше — тишина
До самого рассвета.
Лишь стрекоты цикад
Да ласковые волны —
Протяжней, чем закат
Торжественной валторны...
А дальше — тишина
С заснеженной вершиной,
Как долгая луна
И возглас петушиный.

ПРОЩАНИЕ

Поэт-романтик

25 августа ушёл из жизни *Владлен Николаевич Белкин* — старейший поэт нашего края. В 1956 году он приехал на строительство Красноярской ГЭС. Первое время преподавал литературу в вечерней школе, потом работал бетонщиком в бригаде своих бывших учеников.

Награждён орденом Трудового Красного Знамени. Почётный гражданин города Дивногорска. Автор многих поэтических сборников.

Владлен Николаевич прожил достойную жизнь: построил город, воспитал сыновей и создал поэтическую летопись поколения.

Подробнее о поэте-романтике читайте в следующем номере «Енисей».

Светлана Мель

* * *

Вот так и живём, иногда окликаая друг друга —
Словами, усилием мысли, движеньем руки...
— Ты где?.. Стукнет ветка в окно. Распахнётся фрамуга...
— Я здесь... Многоточием сядет на кончик строки.

Ты где-то над чем-то смеёшься. А мне не до смеха.
— Над чем?..

Ты мне что-то ответишь. Но я не пойму.
Звучат голоса в коридоре. Куражится эхо.
Смешалось, запуталось — кто отвечает кому...

Вопросы, ответы, и что-то меж ними витает.
Вопрос, без ответа повиснув, скользнёт в никуда.
— Ну что замолчал? Отзовись. Мне тебя не хватает...
И мимо пронесится сумрачных дней череда.

— Ау, где ты есть? Понимаешь, идея такая!
Ты тоже считаешь? А мне уже кажется — нет...
Вот так и живём. И друг друга порой окликаем.
И даже не важно, исправит ли что-то ответ.

* * *

Когда твой мозг идеями набух
И стали все устои ненавистны,
Берёшь слова, раздетые до букв,
И одеваешь их в иные смыслы.

Во глубине глубин своих основ
Они остались верными природе,
Но, получая статус новых слов,
Спешат примкнуть и закрепиться в моде...

Их бытие замкнётся в новый круг.
Но стоит градус изменить планиде —
И кто-то вновь разденет их до букв,
Чтобы явить в совсем ином прикиде...

* * *

Плёл свои сети паук, расставляя ловушки.
В них попадали не в меру беспечные мушки,
И за беспечность они головой поплатились —
Сколько ни дёргались, бедные, сколько ни бились...

Палкой машу, озираясь направо-налево.
Всюду мелькают растяжки — от древа до древа...
Это плетенье паучье ажурно и тонко,
Даже как будто красиво — но издали только.
Пусть я не мушка, но я осторожно буду:
Радости мало — вписаться лицом в это чудо...
Так и брожу: три-четыре грибочка в корзине,
Волосы все в паутине, лицо в паутине.

Сколько воды утекло... И давно мы не дети.
Время, жестокое время плетёт свои сети,
Что паукам не в пример маскируются лучше,
Будь ты беспечная мушка иль путник заблудший,
Ты попадешься — от них не отмашешься палкой,
Вся суета твоя видится тщетной и жалкой...

Так и иду по тропинке, кругом озираясь,
Интуитивно ловушек избегнуть стараюсь.
Пусто в корзинке — набрать не смогла ничего я,
Лишь паутину своей собрала головою...

* * *

А тот поезд, который ушёл, он и вправду — мой?
Быть бы мне расторопней, могла бы ещё успеть...
Не успела. Тащусь с неподъёмной своей сумой,
Спотыкаясь, цепляясь за каждый торчащий пень...

А тот поезд ушёл — не догонишь, хоть волком вой.
Возмущаться и требовать что-то — смешить людей...
А на полке моей — на верхней на боковой —
Спит, ходули поджав, мне неведомый прохиндей.

Он успел, потому что бегаёт хорошо,
Ну да Бог с ним, а мне пора уяснить самой,
Что тот поезд, который ушёл, — он и вправду ушёл.
Ну а раз он ушёл... Кто сказал, что тот поезд мой?

* * *

Комфортный подвал — не сырой, не холодный.
Санузел и ванна. Ни крыс, ни мышей.
И ты не голодный, и в общем — свободный,
Костюмчик на выход, коль хочешь, пошей...

Тепло и спокойно. И кажется многим
Надёжным и верным подвальный уют...
А глянешь в окно — то колёса, то ноги
В ботинках, в лаптях... Хаотично спуют...

В гробнице иллюзий, на стыке коллизий
До собственных выводов каждый дорос...
Под хрип патефона сосед Алоизий
Строчит за стеной сто-пятьсотый донос...

За свет и за воду квитанции носят.
А письма? Откуда? Кто пишет теперь?..
Умеющий жить простоватый Амвросий
Глазок-невидимку вмонтировал в дверь.

Не душно, не тесно — ни телу, ни мыслям.
День прожит впустую, наступит другой...
Ах, неба не видно? Так голову высунь.
Получишь немедленно в челюсть ногой.

Но рано ли, поздно ли — кризис назреет.
Послышалось или же кто-то позвал?
«Прощайтесь с подвалом! Прощайтесь скорее!..»
Минута до взрыва. Покиньте подвал!

И выйдешь на воздух. Но воздуха мало...
И миг осознания в ужас поверг:
И справа подвалы, и слева подвалы,
Подвалы внизу и подвалы поверх...

...Приснится ж такое! Свет солнечный брызнет
Под веки. Звонок у дверей зажужжит.
Ты глянешь в глазок. Там стоит Алоизий,
А с ним и Амвросий, умеющий жить...

* * *

Так кто же мы друг другу, мой Герой?
Друзья, враги? Не родственники — точно.
И как предположения ни строй —
Твоё зачатъе было непорочно...
Нет, ты — не я, а я — совсем не ты,
И сравнивать — словес пустая трата.
Не спору: есть похожие черты,
Но этого, понятно, маловато.
И всё же — откреститься не рискну
И вовсе головою не ручаюсь,
Что не встречали мы одну весну
И на одних качелях не качались...

Пусть ты неправ, пусть нрав твой не по мне,
Пусть ты предстал бесспорным негодяем,
Но разве можно доказать вполне,
Что где-то в затаённой глубине
Мы в чём-нибудь с тобой не совпадаем?
То ты — мой минус, то — заметный плюс.
Тождественность же не всегда идёт нам...
Но вот ведь штука: лишь я отстранюсь —
Ты в тот же миг становишься бесплотным!

Все выкладки до срока опустив,
Реку как есть — ответственно и внятно:
Ты — это я в мирах альтернатив,
Несостоявшихся, но вероятных.
А на бумаге — не сказать, что ложь,
Пусть ты — герой придуманный всего лишь,
Но на себя грехи мои берёшь
И за собою спрятаться позволишь...

Так кто же мы друг другу? Кто кому
Обязан больше, мой Герой бумажный?
За нас двоих ответить одному,
Кому — не важно...

* * *

Темень улицы. Образы подчистую
Сметены. Не думается ни о чём...
Человек, похожий на запятую,
Слишком близко пройдёт и толкнёт плечом.

Будто места мало под небом ночи,
В искривлённом пространстве прямых углов...
Человек, похожий на многоточие,
Что-то тщится сказать... Не находит слов

И скрывается сам в рукаве аллеи,
Между тем как, заполнив собою близь,
Человек-тире прочертил параллели,
И они прямо тут же пересеклись...

Это просто смешно. И смешно — как просто,
Объяснений ненужных не городи...
Кто же это, похожий на знак вопроса,
Возникает призраком впереди?

И ответ как бы есть, только всё протестует,
Слыша, как без особых изысков в словах
Человек-двоеточие словно диктует,
И при этом уверен в своих правах...

Трудно с этими знаками в одиночку:
Лезут в душу, толкаются — прямо беда!
И в конце-то концов — надо ставить точку!
Пусть потом и окажется: не туда...

* * *

Она не знала, что она — Удача.
Как все вокруг, жила себе, жила,
Особенно-то ничего не пряча,
Но не торча из каждого угла...

Нехитрая, невычурная сцена,
Сценария раскручивалась нить...
Она не знала, что она бесценна,
И не старалась что-то оценить.

Кому-то перспективу обознача,
Кому-то улыбнувшись невпопад,
Она не знала, что она — Удача,
Был в ней какой-то внутренний разлад...

Но если б даже не было разлада,
Представить только, что б она могла!
Она б могла... Да никому не надо.
Так что торчать из каждого угла?

А если б знала, что она — Удача,
Истолковав как нужно некий знак,
Возможно, жизнь сложилась бы иначе.
А может — не сложилась бы никак...

Зинаида Кузнецова

Дети маршала

Воспоминания

В калейдоскопе встреч, лиц, знакомств, да и за давностью лет, как-то совсем позабылись друзья детства. Однажды я долго вспоминала, кто из мальчишек учился вместе со мной в начальных классах, и не могла вспомнить. Правда, легко было запутаться. После войны ребятишек в деревне было мало: в классе моей старшей сестры, 1941 года рождения, например, училось всего шесть человек. У нас было шесть девочек и три мальчика. Классы совмещали: первый класс учился в одном кабинете с третьим, а второй — с четвертым. Первоклассники сидели за партами на одном ряду, на другом — третьеклассники. В начале урока учительница объясняла тему нам, а потом переходила на другой ряд. Какая каша была в головах у детей, понятно. Помню, как стоит у доски хулиганистый пацан Огнивенко, третий год сидящий в третьем классе, мнётся, никак не может ответить, какие звери живут в Африке. Кто-то шёпотом подсказывает ему: «Негры». Он с благодарностью оборачивается к подсказчику и — гордо! — к учительнице: знаю, мол, не лыком шит, — и произносит: «Ещё в Африке живут звери негры».

Мы с сестрой учились хорошо, часто награждались похвальными листами и книжками. Книга у нас в семье почиталась; наверное, мы были единственной семьёй в деревне, у которой имелась небольшая библиотека. Родители наши повидали свет, поэтому мы немножко отличались от остальных. Учителя нас любили, а сверстники дразнили отличниками. Семья наша была большая и бедная. Выживали в основном за счёт огорода и подсобного хозяйства. Для нас даже сахар был большим лакомством. Насыпали его горкою на стол и макали в него смоченный водою хлеб. Вкуснота необыкновенная!

Мы, младшие в семье, несмотря на полуголодное существование, иногда капризничали: не хотели, например, ужинать. Тогда мама прибегала к крайнему средству. Она говорила: не будешь есть, душа твоя голодная улетит искать еду по соседям, облизывать их ложки. А если она прилетит к Кольке Гаврилычеву? А у него ложки-то какие сопливые! Этот аргумент действовал безотказно. Колька, наш дружок, старше нас с сестрой на два года, был на редкость сопливым. Две зелёные сосульки постоянно висели у него под носом. О Кольке у меня навсегда осталась память в виде своеобразного украшения. Мне тогда было лет пять, мы играли с ним в «домики», то есть делали углубления на покато́м берегу пересо́хшего за лето ручья и украшали

их щепочками, веточками, стёклышками — других игрушек не было. Он нечаянно насорил в моём «домике», мы тут же рассорились и разбежались, каждый поближе к своему двору. Дальше — больше. Я взяла кусок кирпича и кинула в него, но не попала. Он кинул в ответ. Сначала я ослепла, потом почувствовала страшную боль. По лицу текло что-то горячее, моё белое платишко стало красным. Я с рёвом пустилась домой. Сестра побежала за фельдшером, хромым Костей, которого все звали Никодимычем. Я от страха перестала реветь.

Мы с сестрой боялись Костю до дрожи, до обмороков. Как только увидим, что он спускается к нам с горки, сразу прячемся в сундук, затаимся там и не дышим, пока он не уйдёт. Однажды, увидев его, направляющегося к нашему дому, я от ужаса спряталась в табак, который папа выращивал в огороде. Земля была тёплая, но сырая после ночного дождя. Костя пробыл у нас довольно долго, и я заснула. А когда проснулась, меня почему-то сильно трясло, даже зубы стучали. Я заболела малярией — видно, укусил малярийный комар. Это было ужасно. Каждое утро начиналось с сильнейшего озноба — меня кололо и подбрасывало так, что стук моих зубов был слышен, наверное, за несколько метров. Меня укрывали толстым стёганым одеялом, поверх одеяла шубой и ещё чем-нибудь, но это не спасало. Потом начинался другой кошмар — меня бросало в жар, тело моё, казалось, просто расплавляется. Лечили меня горчайшим лекарством — хиной.

К счастью, Никодимыч меня тогда не съел, а промыл и забинтовал рану и посоветовал съездить завтра в районную больницу. Но мы в больницу не поехали, а над правой бровью у меня навсегда осталась большая вмятина. А с Колькой мы опять подружились, чуть ли не на второй день.

Мы с сестрой были двойняшки. На вопрос кого-нибудь из взрослых, где же нас, таких красивых, взяли, мы с гордостью отвечали: нас папа с войны принёс. Нашего соседа Кольку с войны принесла мать. Правда, это случилось ещё до окончания войны. У Кольки было две матери: тётя Нюра, его настоящая мать, и тётка Марья — сестра тёти Нюры. Колька называл их мама и мамака. Главной в семье была мамака, строгая, не улыбочивая женщина. Кольку они обожали.

И ещё двух деревенских пацанов, Шурика и Толика, тоже принесли с войны матери. Шурик, веснушчатый, долговязый, был моим «женихом». Так взрослые почему-то считали, может потому, что мы часто проводили время вместе, любили слушать пластинки — у них одних в селе был патефон. Чаще всего слушали Лидию Русланову, весь её репертуар знали наизусть.

Толик жил с бабушкой. Мать его была неизвестно где, да он в ней не сильно и нуждался, бабушка души в нём не чаяла.

Кольку, Шурика и Толяна объединяла не только военная биография их матерей — у них была одна фамилия на троих. Нет, вообще-то фамилии у них были разные, даже по две. У нас в деревне по какому-то

странному обычаю никого не звали по фамилиям, а только по двору, то есть прозвищами. Это повелось, наверное, потому, что в деревне было две основных фамилии, и, чтобы не перепутать, называли по-своему. Например, скажут: Николай Татаринцев — ну и что? Татаринцевых в деревне пруд пруди. А вот Коля Алдохин (по дворовому прозвищу) — другое дело, сразу ясно, о ком речь идёт. Правда, вот наша фамилия была в селе единственной, а нас всё равно называли не Китаевыми, а Денисовыми.

Несмотря на то, что у каждого из этих пацанов было как бы по две фамилии, а у Кольки даже три (в деревне судачили, что настоящая его фамилия Дадаев и отец его — то ли калмык, то ли казах), они считали себя Василевскими. Конечно же, имелся в виду маршал Василевский. Почему именно его они выбрали в отцы, непонятно, ведь, например, маршал Жуков пользовался несравненно большей любовью и авторитетом в народе. Помню, как мы распевали частушку: «Ах, машина ехала, колёсами стучала, никогда мы не забудем товарища Жукова».

Когда кто-нибудь из старших пацанов начинал смеяться над ними или допускались оскорбительные выражения в адрес их матерей, ребята кидались в драку, и частенько обидчики удирали с расквашенными носами. Особенно не спускал обиды Толян. Лет в тринадцать он едва не угодил в тюрьму: при очередной драке пырнул ножом соседского Лёньку, который особенно им всем досаждал. Пока окровавленный Лёнька скулил в медпункте, Толик исчез. Мы, ребятня, до самого вечера искали его по всей деревне. Уже в сумерках обнаружили в густых зарослях малинника нашего сада. Он попросил принести ему хлеба и воды, что мы с готовностью сделали. Было страшновато находиться рядом с ним. Он скрывался ещё несколько дней. Приезжал милиционер из района, но мы не выдали его укрытия. Дня через три его бабушка заколола свинью и повезла в райцентр. Прокурору, шептались взрослые. По их разговорам мы поняли, что Толику больше ничего не грозит, и он вскоре носился по деревне как ни в чём не бывало.

Мальчишки продолжали упорно утверждать, что их отец — маршал Василевский. Доказательством тому служили фотографии маршала, вырванные из «Огонька» и других журналов, висевшие в их избах. Самая красивая фотография была у Кольки.

Мы часто играли в войну. Колька всегда был у нас командиром, я — медсестрой. Все ребята мечтали стать военными, а уж эта тройца сыновей маршала Василевского и подавно.

Я решила посмотреть в Интернете, что стало с этими ребятами, живы ли они. И хоть с компьютером я на «вы», всё-таки обнаружила одного в социальных сетях. Вот это да! Колька, наш сосед, оказывается, стал генералом! Он, конечно, сильно изменился, трудно было узнать в этом солидном, важном, увешанном орденами офицере того скуластого узкоглазого мальчишку, который оставил на моём лице

отметину. Я знала, что он после школы поступил в военно-политическое училище, но потом я уехала из деревни, и что с ним дальше стало — понятия не имела.

Продолжаю поиски. Нашла Шурика. Полковник авиации в отставке. Орденская планка на груди. Семейные фотографии: дети, внуки... Такой же белобрысый, лопухий, веснушчатый... С Шуриком после школы я виделась всего лишь раз. Я приехала в отпуск к родителям, и он тоже был в отпуске. Ему очень шла военная форма. Каждый вечер он приходил к нам, мы сидели на отполированных временем брёвнах возле забора, болтали обо всём понемногу. Мужского интереса Шурик ко мне явно не проявлял, да и я к нему тоже ничего не чувствовала. Совсем забылась детская влюблённость, когда при виде его сладко и непонятно сжималось сердце. Он мне очень нравился, а ему нравилась другая девчонка, живущая на другом берегу реки. Однажды он в ледоход по плывущим льдинам перебрался через реку к ней. Я очень страдала и даже плакала. Мне было тогда двенадцать лет, ему четырнадцать.

Поразил его рассказ о том, что он нашел всё-таки своего отца. Не маршала Василевского, конечно, но тоже военного, полковника. Окончив военное училище, в парадной форме, начищенный, наглаженный, с новенькими лейтенантскими погонами, весь из себя, Шурик решил показать отцу. Он разыскал его в одной из станиц на Кубани, где тот жил со своей семьёй. Но отец принял его холодно. Ни малейшей искорки не только отцовской любви, но и элементарного интереса не уловил парень в глазах полковника. Разговора не получилось. Ни о матери Шурика, ни о нём самом не было задано ни одного вопроса. «Зачем ты приехал?» — только и спросил тот. И такая горькая обида сквозила в рассказе Александра, что было понятно: рана от этой встречи не зажила у него в душе до сих пор.

Третьего, Толика, в Интернете я не нашла. Созвонилась с одной из бывших одноклассниц, но она тоже мало что о нём знала. Бабушка его давно умерла, других родственников не было, особенно-то никто и не интересовался его судьбой. После армии он остался на сверхсрочную службу. Воевал в «горячих точках»; говорят, даже президент Афганистана наградил его высшим орденом страны. Толик когда-то тоже хотел стать военным. Он был бесшабашным, отчаянным мальчишкой. Не терпел несправедливости и часто бросался на защиту слабых и обижаемых.

Запомнился один случай. Дело было зимой. С утра у нас в доме ощущалась какая-то непонятная тревога. Выходить на улицу родители не разрешили. Даже наша собака Жульба сидела взаперти в сенях и тоже тревожно лаяла. Слышались какие-то звуки, похожие на стук доски о доску, лай собак. Мы догадывались, в чём дело: приехали живодёры, отстреливающие бездомных собак. Но какие в деревне бездомные собаки? Они просто живут на улице. Кто их будет держать

в избе? Вдруг рядом с нашим домом послышались громкие выстрелы, собачий визг. Папа, накинув полушубок, выскочил на улицу. Мы, несмотря на запрет мамы,— за ним. На снегу лежала наша Жульба. Как она сумела выбраться из сеней, непонятно. Снег под ней был ярко-алого цвета. Горячие капли крови прожигали снег, и над ямками стоял парок. Она смотрела на нашего отца глазами, полными слёз, и, казалось, просила: помоги, сделай что-нибудь, ты же сильный, ты мой хозяин. Ноги её дёргались, она не в силах была поднять голову. Мы рыдали. «Вы что наделали? Это же собака не беспризорная, неужели не видно?! — сказал папа, губы его тряслись. — А вы марш домой», — это уже нам.

Один из негодяев уже поднял ружьё, собираясь добить беднягу, но Толик, тоже прибежавший на выстрелы, полураздетый, в каких-то калошах на босу ногу, бросился к Жульбе, прикрыл её своим худеньким телом и закричал: «Не трогайте, гады!» Мужики опешили. «Отойди давай, пацан, — сказал один из них, он явно собирался добить собаку. — Некогда тут возиться, нам план надо делать». Толик, с ненавистью глядя на него, снова крикнул: «Не трогай!» — «Мужики, уезжайте, — сказал отец, — хватит уже, и так дел наделали. Совести у вас нет совсем». Живодёры, матерясь, уселись на сани, на которых лежали тушки убитых животных, и уехали. Собаку выносили, и она ещё долго-долго жила у нас.

Как сложилась дальнейшая судьба Толика, никто точно не знает. Может, погиб от пули душмана, может, сгорел на ликвидации Чернобыльской аварии, может, сложил свою голову ещё где-нибудь. Если он погиб, то наверняка его смерть была героической — такой он был пацан. Но хочется верить, что он жив и здоров, растит детей и внуков, любит жену, разводит цветы на даче.

Да, не посрамили мальчишки громкую фамилию.

Если бы маршал Василевский был жив и каким-то образом узнал о своих «детях», он бы, наверное, гордился ими.

Александр Ёлтышев

Часовой

Я носил в караул карту звёздного неба
и узоры созвездий изучал на посту.
Я примкнутым штыком разрезал пустоту,
как ржаной каравай испечённого хлеба.

Своевольным болидом скользил по Вселенной,
в галактических дебрях едва не исчез,
но на пост своевременно падал с небес,
там встречали меня разводящий со сменой...

Позабыты уроки стратегий и тактик,
но в истерзанной памяти вечно живёт:
я один на посту, надо мной небосвод
с величавым покоем надменных галактик.

Полуночное

Как-то всё по-зимнему,
как-то всё по-снежному,
стало мне позировать
белое посмешище.

И исчезли запахи,
стали дни несмелыми,
и сажу я за полночь
над страницей белою.

Молоко небесное
стелется позёмкою.
Я живу, не бедствую —
с полною котомкою.

Что там мною нажито,
спрятано, ухожено?
Позабыто начисто,
вспоминать не хочется.

ПРОЗАИК КОЛЯ

Приходит в полночь прозаик Коля
(вот почему я ещё не спал).
Сказал нарколог бы: Коля болен,—
а он считает: чуть перебрал.

Я постелю ему на диване
для самых выдвинутых гостей,
а Коля, чуть не утопший в ванне,
идёт на кухню — там веселей.

Я терпеливо ему внимаю
(и сам захаживал на ночлег),
из холодильника вынимаю
НЗ, припрятанный для коллег.

Глубоко в сущность копает Коля,
срывать верхушки — не по нутру,
он хочет с помощью алкоголя
все тайны мира постичь к утру!

Я похмелю его по утрянке
и на такси провожу домой.

.....

Кто не прочувствовал жизнь с изнанки,
тот не поймёт её с лицевой.

ЗИМНЕЕ

А что б ты делал без мороза,
без хруста в снежных облаках,
когда непрошенные слёзы
звонят в обветренных щеках?

Слизняк, тоскующий о лете,
о пляжах вздумавший страдать,
да ты зачах бы на планете,
где бесконечна благодать,

где райских птичек льётся пение
и наслаждений торжество.
Вся жизнь — невзгод преодоление...
Понять бы только: для чего?

О ЗНАМЕНИТОСТИ

В то утро он проснулся знаменитым...

Из многочисленных СМИ

Быть знаменитым некрасиво...

Б.Л. Пастернак

Я, как ни дёргался во сне,
не просыпался знаменитым
ни осенью, ни по весне,
ни на тахте, ни под корытом.

Я храпака давал в гостях,
менял квартиры и кровати,
уснул однажды на гвоздях
и раза три на стекловате.

Коварный вечер подступал
и в обещаньях рассыпался,
а я безвестным засыпал,
незнаменитым просыпался.

Но наступил прозренья миг —
он искрой вырвался из мрака,
и, улыбнувшись, я постиг
простую мудрость Пастернака.

Теперь в спокойной суете,
как в тёплом озере, купаюсь,
и засыпаю в красоте,
и так красиво просыпаюсь.

САМОИЗОЛЯЦИОННОЕ

...А для кого-то хуже жажды
жить, в одиночестве скорбя,
поскольку далеко не каждый
выносит самого себя.

А мы способны в полной мере
понять за мимолётный срок:
что может чувствовать в вольере
познавший правду носорог?

Листья

Листья не падают, листья парят,
пламенем тусклым в тумане горят...

Падает яблоко в голову Ньютона,
температура и курсы валютные,
на остриё опрокинутый конус,
водкой накачанный жизненный тонус.

Падает трижды шальной Ниагар,
Кассиус Клей, пропустивший удар,
резкий голкипер, взлетевший рывком,
ангел опальный — с небес кувырком,
в графский салон — пролетарский булыжник,
в снежную пропасть — крутой горнолыжник...

Кружатся листья под музыку сада,
нет безысходности, нет листопада!

Первобытный художник

Он творил портреты и пейзажи
без мольберта, красок и холста.
Топали к нему на вернисажи
все, кого манила красота.

Нынче праздник: выставка открыта,
собралось (все горести — долой)
общество эпохи неолита
под облагороженной скалой.

Кто-то нёс к петроглифам букеты
с горных круч и радостных полян,
лоб мохнатый морщили эстеты,
ухмылялся мрачный критикан.

Кто мог знать, что этот разудалый
виртуоз отточенных рубил
экспрессионистское начало
в бездыханном камне застолбил?

По земле катились передряги,
гром проблем и шорох пустяков...
Как-то отдыхали здесь бродяги
ночью через семьдесят веков.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Эпоха вихрем ускользает по спирали,
не оторваться от неё, не отдохнуть.
Мы даты круглые цепляем, как медали
на беззащитную простуженную грудь.

А время мчится, об утратах не жалея,
шурша помятой календарною листвою.
Грохочут круглые колёса юбилеев,
как тарантасы по булыжной мостовой.

ПОИСК

«Ни элина, ни иудея...»
Все — Богом созданный народ.
А нам покоя не даёт
национальная идея.

Прозревший Савл — апостол Павел,
пожертвовавший головой,—
людей на поиски направил
идеи общемировой.

Суровый поиск сквозь века,
прозренья, мрак, разрухи, вьюги...
Но обнаружены пока
одни всеобщие недуги.

СМЕХ

Берёза ветер щекотала,
и он смеялся всю весну —
шальная радость залетала
за сорок пятую версту.

Был горизонт то хмур, то светел,
слезой туманился в глазах.
Деревья щекотали ветер,
и смех искрился в небесах...

...А ты бы мог не от щекотки
взорваться хохотом в тиши,
не от Госдумы, не от водки,
а так — спонтанно, от души?

ОБЛОМОК ВСЕЛЕННОЙ

Старайся отменно, дерзай исступленно,
взметайся огнём...

В веках неизменный обломок Вселенной
торчит за окном.

И сколько ни бейся в порывах стенанья
с мотором мечты,
вовек не заметит шедевр мироздания
твоей суеты.

Свободен! Не жди ни наград, ни возмездий
на чуткую грудь,
кометой блуждающей между созвездий
прокладывай путь.

А может, итог всех дерзаний и споров
предельно простой:
всей сутью постичь абсолютную скорость
и вечный покой?

МАСКАРАД

По проспекту через маскарад
медленно суставы разминаю,
встречные неслышно говорят:
— Полумаска, я тебя не знаю.

Я и сам знакомства не ищу:
незачем, безвестность — как награда,
я ни знать, ни ведать не хочу
мутных режиссёров маскарада.

* * *

Устроим микрореволюцию
(не привыкать к таким занятиям):
перелопатим Конституцию,
а жить продолжим по понятиям.

КАПЕЛЬНИЦА

*Журчит во мраморе вода
И каплет холодными слезами,
Не умолкая никогда.*

А. С. Пушкин

В палате гнусно пахло вечностью,
висок пульсировал с утра,
но, нежно вспыхнув белой свечкою,
ко мне явилась медсестра.

Так незаметно и по-доброму,
улыбкой горести прикрыв,
бахчисарайское подобие
перевернула на штатив.

И сердобольно, и играючи
она склонилась надо мной
и слёз фонтан не просыхающий
вонзила в вену мне иглой.

Спасение и наказание
я в одночасье испытал —
чужие беды и страдания
сквозь сердце с кровью пропускал.

Потом лениво на поправку
пошёл, минуя ад и рай...
А капельницу на заправку
отправили в Бахчисарай.

Сергей Кузнечихин

Никола зимний

Повесть

*Я северянин, зимний человек,
Я каждый день ищу себе ночлег...*

Варлам Шаламов

Колян никогда не видел, чтобы взрослые мужики подтягивались на турнике, а эти загорелись — на спор, и зачинщиком был его отец. Поддевал, задира дядьку Павла Овчинникова, батьку Тулупа, посмеивался, что ослаб он на конторской работе. Слово за слово — и пошли к школьному турнику. Они с Тулупом увязались за спорщиками, Тулуп корчил рожи и крутил пальцем у виска за спинами отцов. Мужики долго торговались, кому начинать. Отец хотел идти вторым, но дядька Павел заявил, что по всем правилам начинать должен тот, кто затеял спор. Отец поллевал на ладони и повис на перекладине. Первые два раза подтянулся легко, подбородок на трубу вешал, а потом вдруг ослаб, третий раз тянулся вверх, дёргаясь всем телом, а четвёртый — согнул руки в локтях и, разжав пальцы, шмякнулся на землю. Лежал под турником и ворчал:

- Занедужил я что-то, Павел Филиппович, все силы работа высосала.
- Да знаю я, какая у тебя работа.
- Много будешь знать, будешь туго срать.
- А это мы сейчас посмотрим, у кого туго.

Дядька Павел подпрыгнул, но с первого раза не смог ухватиться: низенький, и руки короткие. Рядом валялся чурбачок, подставил его и цепко повис. Подтянулся пять раз, не корячась, мог бы и больше, но не стал зря надрываться.

- Получается, что бутылка с тебя.
- Так я и не отказываюсь, коли сам наскрёб.

Ему показалось, что отец несколько не расстроился, хотя проигрывать не любил. Стало стыдно за отца. Толкнул Тулупа в бок и предложил:

- Давай и мы с тобой, кто кого.
- Молодец, сынок, заступись за папку.
- Бесплезно, бутылку-то всё равно ставить придётся.
- Поставлю, никуда не денусь, но пусть и челядята покажут себя.

Тулуп стоял со скучающей рожей, словно и не слышал вызова. Тогда он сам забрался по столбу на перекладину и стал подтягиваться,

но начал слишком резво и запалился. Одиннадцатый раз осилил с трудом, а двенадцатый уже не дотянул.

—Одиннадцать с половиной! — гордо заявил, прыгнув с турника.

Только зря старался, Тулуп даже подходить не собирался. Проигравшего нет, значит, и победа вроде как не считается.

Выпивать мужики любили на берегу — вода глаз радует, ветерок комаров отгоняет. По дороге отец завернул в стайку и прихватил из неё чёрную кожаную сумку, в которую ещё днём, хоронясь от матери, укладывал какие-то свёртки. Получалось, что заранее готовился проиграть — непонятно как-то, зачем тогда спор затевать.

Колян любил крутиться возле выпивающих мужиков. Каких только историй не наслушаешься — и про войну, и про медведей, и про трёхпудовых тайменей. Но на этот раз отец цыкнул на них и велел идти домой. А что дома делать? Они отошли к каменному мыску, который далеко заползал в воду; обычно они ловили с него ельцов и налимов, но иногда попадались и хариуски. Удочек с собой не прихватили и от нечего делать стали запускать «блинчики». То ли руку сорвал, пока подтягивался, то ли не везло, но Тулуп постоянно выигрывал. Хитрый дружок, выбирал камешки подолгу, оттого и прыгали они, как жучки-водомеры, а он торопился, и больше двух-трёх отскоков не получалось. Соревноваться с Тулупом — сплошная мучка, сразу начинал спорить, убавляя противнику и прибавляя себе.

—Какие семь, когда всего четыре?!

—Ты что, слепой?!

—Никакой не слепой, ты просто считать не умеешь.

Они были одногодки, но Тулуп родился в августе, а он в ноябре — и в школу его не взяли. Да и не больно-то и хотелось в неё, ничего интересного: полдня сидеть за партой и проситься выйти, если вдруг приспичит, — стыдно же. А Тулуп важничал, он уже первый класс закончил.

—Эй, челядята! — окликнул отец. — Давайте сюда. Мы тут поспорили, кто кого из вас заборет. Вон там, на мелком песочке, чтобы рубахи не испачкать, вставайте — и в бой за родину.

Язык у отца не заплетался, но голос был уже громкий.

—Только без подножек, по всем правилам французской борьбы, — предупредил дядька Павел.

Тулуп был выше его и толще. Весь в мать — тётку Полю, которой ни ухвата, ни сковородника не требовалось, чтобы мужика в чулан загнать. Им и раньше доводилось бороться, но Тулуп побеждал чаще. Если на длинных руках можно было подёргать его туда-сюда, раскачать, потом выбрать момент, когда на один бок наклонится, и вовремя подставить ногу, тогда получалось уронить на землю, а если браться крест-накрест, сдвинуть тяжёлую тушу не получалось. И всё равно сдаваться заранее он не собирался. Но долгого поединка не получилось. Тулуп облапил его и хитро завалился набок. Он и сообразить

не успел, приготовился, что его будут приподнимать, чтобы потом сразу на лопатки, а его без всякой подготовки кувырк — и на песке. А там попробуй сдвинь такого борова. Извивался, пытался выскользнуть из объятий, но Тулуп даже без раскачки медленно перевалил его на лопатки. Да и упали неудобно, берег с его стороны шёл под уклон. — А ты упирался: мой ловчее, мой жилистее, — смеялся дядька Паша, — а мой оказался и здоровее, и умнее.

— А умнее-то почему?

— Потому что победил.

Отец от переживаний и от обиды совсем запынел. Разлил остатки самогонки и объявил:

— Зато мой плавает быстрее. Пойдём столкнём их с камней, и пусть один с левой стороны мысок обходит, а другой — с правой. Спорим ещё на бутылку?

— Спорим. Чужой выпивки не жалко, мой всё одно победит.

После того как хитрый Тулуп заборол его, очень хотелось отыграться. Он даже забыл, что почти не умеет плавать, но готов был утонуть, лишь бы не посчитали трусом. Других пацанов учили старшие братья, а у него только младшая сестра. Приставать к большим ребятам стеснялся, надеялся, что научится без чужой помощи, но случай не подворачивался: то вода холодная, то погода плохая. Вышли к большому крайнему камню. Тулуп прыгнул сам, а он всё-таки замешкался, но времени для страха отец ему не оставил, подхватил на руки, качнул два раза и бросил прямо перед собой. Сверху вода была прогретой, но чем глубже опускался, становилась холоднее и холоднее. С перепугу принялся отчаянно месить руками и ногами. Ему повезло, что течение прижимало к берегу. Колотил, не жалея ладоней. Когда нога почувствовала дно, решил, что уже выплыл, открыл глаза, но увидел только серые камни, которые почему-то шевелились, стало страшно. Оттолкнулся от «живых» камней и поплыл, судорожно загребая воду под себя. Второй раз осмелился открыть глаза, когда ударился коленом о камень. Тулуп стоял на берегу, выжимал трусы и самодовольно улыбался. А его колотил озноб, и было безразлично, кто победил.

Дома подслушал, как отец оправдывается:

— Дура ты! Ничего не понимаешь бабьей головой. Надо было обязательно выпить. Я и проспорил для этого. Зато шабашка мне достанется. И пушнину осенью не кому-нибудь, а ему сдавать. Ничего баба не понимает.

И Колян ничего не понял, а вот запомнилось же...

* * *

Но это запомнилось навсегда. И как такое забудешь?

В то лето он сильно вытянулся. На физкультуре стоял левым в строю. И неудивительно, если припомнить, что в третьем классе отсидел

два года. Был старшим и на вид, и по интересам. Усишки начали пробиваться, да и на девок поглядывал со смутными желаниями.

По осени все путные мужики уходили в тайгу на промысел. Ему тоже не терпелось, просился, но отец не брал, велел доучиваться, хотя бы восьмилетку закончить. Скучно поддня валять дурака, да ещё и краснеть, когда училка вызовет к доске. А после уроков с урчащим животом бежать домой. Вроде не уработался, а жрать хочется. На рыбалке почему-то терпеть намного проще. Пока мать разогревает щи, рука с ножом сама тянется к шмату сала. Прибежал, а в избе гостья, тётка Лиза. Овдовела два года назад, дочка в городе замуж вышла, тоскливо ей одной — вот и ходит к ним поболтать. Если мать делом занята, в помощницы напрашивается. Тётка старательная, аккуратная, зато и сама, если в хозяйстве мужские руки потребуются, не стеснясь, приходит попросить помочь. Пока хлебал щи, тётка Лиза молча смотрела на него и кивала головой, а когда отодвинул чашку, спросила:

— До отвороту нажабался? Молодец, работающим мужиком вырастешь. Так ить и вырос, однако, уже и теперь мужик. Я и проглядела, как вымахал.

— Позавчера вроде здоровались. За два дня, чо ли, вырос?

— Дык позавчера голова была другим забита, по-другому и смотрела на тебя, а теперь нарочного нашла, чтобы гостинцы в город отправить. Нинка-то родила, свинню надо забить, вот и смотрю, што мужик за столом.

— Да не управицца он,— засомневалась мать.

— А кого там управляцца? Видел, поди, как папка делает?

— Не только видел, но и помогал,— загорелся он.

— Ага, помогал — из пузыря мячик надуть,— засмеялась мать.

— Так это когда совсем челядёнком был.

— А теперь мужиком стал?

— Готовый мужик! — вступилась тётка Лиза и, не ослабляя напора, взяла его под руку.— Так, может, сейчас и пойдём?

— Запросто.

— Вы посмотрите на него! Запросто ему! Ой, подруга, натворит парень дел, потом не обижайся.

— Никово не натворит. Вечером печёнки принесу. Собирайся, Николай.

— Сейчас пойдём, только мне к Тулупу забежать надо, обещал ему.

Тулупу он ничего не обещал, но дома не было «тозки», отец унёс в тайгу, а запасливый дядька Павел на промысел не ходил, но ружьё в чулане держал на всякий случай. Застать Тулупа нетрудно, он целыми днями сидел дома.

— А зачем тебе «тозка»?

— Тётка Лиза попросила свинню забить,— небрежно отмахнулся он.

— Взаправду, чо ли?!

— А чо, я и прошлой осенью, считай, один управился, папка с похмелья болел и только мешался,— не хотел врать, но как-то само с языка сорвалось.— Если не веришь, пойдём со мной, сам увидишь.

— Не, лучше почитаю, и не люблю я смотреть, как беззащитных животных убивают.

Тулуп ходил в чулан и принёс «тозку», завёрнутую в тряпку. Отдал легко, словно лопату какую-нибудь. Не любил он оружия, не было к нему интереса. Когда ещё совсем челядятами были, нашли на берегу настоящий охотничий нож, вместе увидели, но Тулуп стоял ближе и поднял первым. Он выпрашивал, но тот зажмотился, а через день увидел у него прожигательное стекло и сам предложил сменяться. При этом каждый считал, что обхитрил приятеля.

— Вечером верну.

— Не надо, вечером отец с работы придёт, ругаться будет. Приноси днём. Он всё равно не хватится.

Так вот запросто отдал оружие в чужие руки. А сам он вряд ли бы доверил.

Тётка Лиза уже вывела свинью из хлева, поставила греться два бачка воды, чистые тазы приготовила и дощатый щиток под тушу помыла и ножом отскребла. Всё продумала — дело оставалось за ним. Пока хвастался, был уверен, что справится, представлял себя взрослым мужиком, а увидел, как складно подготовилась хозяйка, и уверенности поубавилось. Тётка Лиза плеснула в тазик поила и, присев на корточки около свиньи, чесала ей брюхо и приговаривала: — Поешь, поешь напоследок...

Он зарядил «тозку». Наметил звёздочку на лбу, как делал отец, а с выстрелом тянул.

— Теть Лиз, ты бы отошла на всякий случай.

— А ково отходить-то? Так она спокойнее, когда я рядом. Свинья-то мелкая, ей много не надо.

Выстрел получился точный. Свинья молча ткнулась носом в таз. Когда убирал его, увидел дырку от своей пульки.

— Извини, теть Лиз, таз нечаянно прострелил, ошибся маленько.

— Да ладно, он всё одно поганый, залеплю чем-нибудь. Спасибо, што со скотиной легко управился, не мучал беднягу.

Когда нёс домой печёнку, чувствовал себя героем.

Телефонов у деревенских не было. Все новости узнавали в магазине. На другой день возле школы его окликнула продавщица Ольга Шумакова.

Он побаивался эту Шумакову. И не только он. И другие пацаны и взрослые парни. Не похожая была на деревенских, хотя здесь и родилась, и выросла. После школы поступила в институт на экономиста, но не доучилась, вышла замуж. А через год вернулась в деревню, потому что мужа посадили, и был он, по слухам, в большом авторитете. Поговаривали, что и она в одной шайке с мужем ходила, но вовремя

успела уехать. Болтать можно что угодно, если правду не у кого узнать. А сама она в откровенные разговоры не ввязывалась. Даже с бывшими школьными подругами. Жила на отшибе. После работы шла домой, в клубе не появлялась. Выпившие мужики в магазине пытались подкатываться, но она сразу осаживала, предупреждала, что жене передаст, и руки распускать неудобно — прилавок мешает. Но всё-таки надёжнее сдерживало наличие загадочного мужа-бандита — пусть он и в зоне, да мало ли, руки у них длинные. Вернулась из города, но хозяйство держала.

Окликнула, по взрослому имени назвала:

— Николай, дело к тебе есть. Тётка Лиза похвасталась, что свинью забил. Может, и меня выручишь?

В магазине бывал редко, но как-то заскочил украдкой купить папирос, а она припугнула: не боишься, мол, что папке заложу? Папиросы всё-таки продала и ни папке, ни мамке не пожаловалась, но при этом как-то странно смотрела на него, словно что-то пыталась вспомнить. И голос был без привычной холодной резкости. А тут вдруг подошла к нему, мальчишке, и попросила забить свинью. Красивая. Одета в рыжую дублёнку и чёрный платок в больших красных розах и с кистями. Таких нарядов у деревенских молодых не было.

— Что молчишь? Испугался?

— А ково мне пугаться?

— Не знаю. Так выручишь, или кого другого искать?

— Конечно, выручу. А когда надо?

— Да хоть сегодня. Приходи часа через два, а я пока всё приготовлю.

— Воды нагрей обязательно, — сказал и поперхнулся от волнения.

— Знаю, не вчера родилась, — и засмеялась.

А он думал, что она не только смеяться, но и улыбаться не умеет. Всегда гордая, с отпугивающим взглядом.

Отдать «тозку» он не успел, собирался после школы, как договаривались, но получалось, что договор придётся нарушить. По-хорошему надо было бы предупредить приятеля, но решил не ходить: вдруг потребует принести? Придётся объяснять: зачем? для кого? Не говорить же, что его попросила Ольга Шумакова? И матери ничего не сказал. Да и не до него ей было, стояла, процеживала молоко, не заметила, что он как на иголках, только посмеялась, что тётка Лиза убоины принесла и шибко его хвалила. Пока мать стояла к нему спиной, он прихватил «тозку» и крикнул из сеней, что пошёл к пацанам.

Дом Шумаковых стоял на другом конце деревни, с самого края, аж за механическими мастерскими. Отец Ольги после армии работал у старателей, вернулся с деньгами и построился ближе к тайге. Народ его уважал; не считая забулдыг и завистников, все отзывались, что Мишка Шумаков хоть и бирюк, но мужик правильный и вдобавок самый удачливый охотник в округе. Он утонул в Ангаре четыре года назад. Весной поплыл проверять самолёвы, ночью в темноте

напоролся на всплывший осенец. Жену успел схватить за фуфайку и перевалить в лодку, а сам подняться не смог. Мотор заглох, лодку отнесло километра на три. Жена в набрякшей мокрой фуфайке едва доплелась до деревни. Тело Шумакова нашли через неделю. Мать от переохладения и от горя слегла и за полгода угасла, отмучилась. Говорили, что дочь приезжала на похороны, но он её не помнил, хотя и приходил на кладбище с родителями; да там вся деревня была. А через год она вернулась насовсем.

Когда подошёл к избе, свет горел и на кухне, и в горнице. Не успел дёрнуть за кольцо, а Ольга уже показалась на пороге.

— Проходи, не бойся.

— А чего мне собак бояться? Они меня любят.

— Моя не всех любит. Не разувайся.

На печи стояли тазы с горячей водой. В кухне было жарко. И ножи были приготовлены. Четыре штуки, на выбор. Он потрогал пальцем лезвия. Чтобы показать себя матёрым мужиком, спросил с усмешкой:

— Брусок в доме имеется?

— Есть, наверное, пойду поищу.

— Ладно, я свой нож принёс. Острый, хоть брейся.

— А ты что, уже бреешься?

— Давно, — соврал он и с гордостью протянул ей красивый отцовский нож — не терпелось похвастаться оружием перед женой бандита.

Подмывало спросить, за что посадили мужа, но слышал от старших, что об этом спрашивать не принято. Тем более что Ольгу нож не заинтересовал.

При тётке Лизе он чувствовал себя увереннее. Боров у Ольги заупрявился и не захотел выходить на снег из тёплой стайки.

— Мужика первый раз увидел, ревнует, наверно. Ты не бойся, Боря, он парень хороший, пойдём, Борюшка, пойдём, похлёбки попробуем, вкусная похлёбка, — ворковала Ольга.

Если б кто-то из посетителей магазина услышал её — не поверил бы, что её голос может быть таким мягким.

Когда нервный Боря соблазнился хозяйкиной похлёбкой и окунул пятак в кастрюлю, он выстрелил, но боров не упал. И только после второго выстрела в упор дёрнулся и затих. Он оглянулся на Ольгу, она стояла спиной к нему.

— Не могу смотреть на эту живодёрню. Я же целое лето с ним разговаривала как с другом. Вы, мужики, с ними не общаетесь. Потому вам и проще убивать. Ладно, пошла за водой и чашками.

Когда она вернулась, он уже спустил кровь и раскочегарил паяльную лампу.

С разделкой туши провозились допоздна. Печь топилась весь вечер, и в избе стало как в бане.

— Ты разболокайся, сопреешь в фуфайке-то. Мы ещё ужинать будем.

— Может, не стоит? Я не голодный.

— Положено после такого дела. Я сейчас убоины нажарю. Матери сказал, куда пошёл?

— Вот ещё. Я давно уже не отчитываюсь.

— Самостоятельный, значит. Это хорошо. Проходи в горницу, магнитофон включи, а я пока мясо жарить поставлю.

В горнице было прибрано. На кровати аккуратной горкой вышалась пирамида подушек с вышитой думкой наверху. На столе, накрытом белой скатертью, стояли чашки с конфетами, рьжиками и солёными огурцами, а с краю отдельной стопочкой — мелкие блюда.

— Ты почто музыку не заводидь? — крикнула Ольга из кухни,

— Я не знаю, как включить, — сознался он и почувствовал, что краснеет.

Стыдно было признаться, что видит эту штуковину первый раз. Боялся, что станет надсмехаться, а она потрепала по плечу, взяла его руку и ткнула пальцем в клавишу. Закрутилась бобина, но звука не было, только шипение.

— Здесь Высоцкий стоит. Может, тебе эстраду?

— Нет, лучше Высоцкого.

— Я тоже его люблю, каждый вечер слушаю. Звук регулируется вот этим колёсиком. Потерпи немного, через пару минут будет готово, — забрала тарелки и вернулась на кухню.

А из магнитофона хрипела любимая песня:

Если парень в горах — не ах,
Если сразу раскис — и вниз...

Он попробовал прибавить звук, но сдвинул регулятор слишком далеко. Голос взревел так, что собаки, наверное, исполошились и хозяйка перепугалась. Стал убавлять и сбросил до молчания, еле отрегулировал.

Он три раза смотрел «Вертикаль». Сам певец ему не понравился, хотелось видеть высокого и плечистого, но хриплый голос матёрого парня лез в душу и не замолкал, даже когда песня кончалась. За таким парнем хотелось идти. О таком связчике он мечтал, когда отправится на промысел. Заслушавшись, он даже забыл, что на кухне для него готовят ужин. Ольга вошла бесшумно и поставила перед ним горячее пузырящееся мясо, от которого исходил дразнящий дух. Потом достала из шкафа две бутылки красного вина: одну высокую, другую низкую и пузатую. И только после того, как она села напротив, заметил, что успела переодеться в лёгкое летнее платье. Ольга почувствовала его взгляд и, как бы оправдываясь, пожаловалась:

— Вопрекла в кофе у печи. И надо же как-то причепуриться, чтобы садиться за праздничный стол.

— А какой праздник?

— Мяса на зиму заготовила. Это разве не праздник? Отец, когда с охоты возвращался, всегда велел маме наряжаться к столу.

— А мой — сразу в баню. Потом выпьет стакан и бежит к кому-нибудь из мужиков сезон обсуждать, а возвращается под утро.

— А как же мать, не обижается?

— Так ей же забот полон рот и грязной одежки ворох.

— А мой папа только с виду суровый был, и с мамой очень ласковый, — у неё сорвался голос, зажмурилась и, сдерживая слёзы, замотала головой, потом выдохнула и прошептала: — Тебе этого не понять, твои живы-здоровы. Ты коньяк пил?

— Нет. Только самогонку.

— Значит, надо попробовать, — и она налила ему полстопки из пузатой бутылки. И себе налила. — Давай помянем моих.

Он настроился на сладкое вино, а коньяк оказался крепче самогона. Поперхнулся от неожиданности, закашлялся, хорошо ещё сопли не полезли — со стыда бы сгорел.

— Не смущайся, это бывает, — она подцепила рыжик и, не выпуская вилку из руки, протянула ему, потом придвинула тарелку. — Теперь горяченького, мужику надо мясо есть, чтобы силы были, наваливайся.

Он хотел попробовать кусочек для приличия. Но мясо было нежным и сочным. Не заметил, как смолотил почти всю тарелку — видимо, действительно проголодался.

— Хорошо готовишь, лучше, чем мама. В городе научилась?

— Ладно тебе. А в городе совсем другому учат. Ещё рюмку будешь? Или сухого?

— Кислятина, мы с пацанами пробовали.

— Как прикажешь, слово мужика — закон.

Вторая рюмка прошла легко, и он осмелился спросить, какие из песен Высоцкого ей больше нравятся. Надеялся услышать, что про блатных, и уже потом расспросить о муже, очень уж волновала его эта романтическая тайна. Он и на ужин остался, надеясь разузнать что-нибудь интересное. Отсидевших срока среди деревенских хватало, но были они такими же обыкновенными мужиками. С одним из бывших он даже схлестнулся, едва до драки не дошло. Жена пристыдила мужика и увела. А сам он отступать не собирался, страха не было. Но ответ Ольги его удивил:

— Сказки люблю и про цветы на нейтральной полосе.

Потом Ольга налила ещё по одной. Сама она пила легко, не морщась и почти не закусывая. Да и он не чувствовал опьянения, наоборот, появилась лёгкость и в голове, и в теле, как будто и не было долгой нервотрёпки с тушей борова. Когда Ольга поднялась, чтобы принести чайник, он встал помочь, но его почему-то качнуло и повело вбок. Ольга успела подхватить его и прижать к себе, чтобы не упал.

— Ничего страшного. Пять часов на ногах да на нервах. Я же видела, как ты волновался. Чаю крепкого выпьешь, и всё пройдёт. А лучше полежать немного.

— Да нормально. Просто за половик зацепился.

— Конечно. И всё-таки лучше прилечь.

Она отёрнула одеяло, склонилась над ним, сидящим на стуле, и попробовала помочь, а он, неожиданно для себя, схитрил, сначала привстал, потом покачнулся и обвис, прижимаясь к её груди.

— Держись, держись, — успокаивала Ольга, — сейчас приляжешь, поспишь полчасика — и всё пройдёт. Ложись, миленький, и разденься, чтобы тело отдохнуло.

Получалось так, что она сама раздевала его, а он не сопротивлялся и только слегка помогал ей. Потом она выключила свет и вышла на кухню. Голова кружилась. Он закрыл глаза, но в сон не клонило. Было стыдно, что так быстро опьянел и с ним пришлось возиться, как с ребёнком. Настроился полежать минут десять и бежать от позора. Подумал, чем занимается Ольга: наверное, посуду моет. Прислушался, но ни плеска воды, ни стука тарелок не услышал. Потом прошуршала занавеска, и в комнату вошла Ольга.

— Спишь? — прошептала она еле слышно.

— Не получается, — ответил таким же шёпотом и почувствовал, что она отогнула край одеяла и легла рядом.

Одежды на ней не было. Совсем голая. Тесно прижалась, обхватив за плечи, потом легла на него и жадно поцеловала.

Он даже не понял, как всё случилось. Лежал рядом с ней и боялся пошевелиться.

— Всё хорошо, — шепнула Ольга. — У тебя первый раз?

— Конечно, — он даже обиделся.

— Поздравляю, мужчиной стал, не переживай!

Она погладила его, тесно придвинулась и, щекоча волосами, стала быстро-быстро обцеловывать его лицо и грудь. Эти беглые лёгкие поцелуи незаметно прогнали опустошение, которое только что случилось, и снова нахлынуло желание как можно сильнее обнять её. Второй раз тянулся намного дольше, и падение в незнакомую невесомость уже не испугало, а показалось сладостным. И после этого он заснул.

Когда проснулся, в комнате горела настольная лампа. Неодетая Ольга сидела за столом с фужером вина.

— Проснулся, миленький? — сказала она, поймав его взгляд. — А я вот сижу, думу свою горькую думаю. Ты уж прости меня.

— За что?

— Тебя, такого юного, совратила. Сама не знаю, что нашло. Морок какой-то. Прости, если можешь.

— За что? Да я...

— Знаю, самым счастливым себя чувствуешь. Мужиком сделала. А теперь собирайся, а то мать хватится, искать по деревне пойдёт.

— Меня и челядёнком не искали. Сам всё время приходил.

— Самостоятельный, молодец. Ладно, пойду оденусь, а то ослепнешь.

Она допила фужер и встала, позволяя рассмотреть себя во весь рост. Он никогда не видел обнажённой женщины, и ему нестерпимо

захотелось снова обнимать это тело. Ольга повернулась к нему спиной, намереваясь уйти. Он схватил её за руку и потянул к себе. Она усмехнулась и послушно легла к нему.

Он надеялся, что это будет продолжаться и продолжаться, но когда он, обессиленный, блаженно замер рядом с ней, она выскользнула из-под его руки и вышла на кухню, а вернулась уже в халате.

— Ты ещё лежишь? — таким голосом она разговаривал с мужиками у себя в магазине. — Вставай, пора.

— Я никуда не пойду. Мне ещё хочется.

— Не надо, Николай, давай не будем ссориться. Одевайся, а я в кути подожду. Время уже одиннадцать, — сказано было строго и холодно, упрашивать было бесполезно.

— А завтра?

— И на завтра, и на послезавтра... Запомни: чтобы ни одна живая душа не узнала об этом. Я верю в твою порядочность. Забудь сюда дорогу. Не пуцу. Не позорь меня.

Вышла с ним в сени, чтобы закрыть дверь. Потянулся поцеловать — отстранилась.

— Запомни: чтобы ни одна живая душа...

— Почему? Разве ты меня не любишь?

— Это не любовь. Это грех. После когда-нибудь поймёшь. Ружьё не забудь.

Почему после, если было так хорошо, — не понимал. Пальнул в небо, но «тозка» — не ружьё, а хотелось громкого раскатистого выстрела.

На улице шёл снег. Ветра не было. Крупные мохнатые снежинки падали очень медленно. Возле клуба горел единственный фонарь. Он посмотрел под ноги и увидел, что по дороге бегут чёрные шустрые букарашки, бегут в одну сторону, но не прямоком, а перепуганными зигзагами. Сколько ни всматривался, не мог понять, откуда они возникают и, ещё интереснее, куда пропадают. Бежит, петляет — и вдруг исчезает, словно проваливается или закапывается. Он попробовал поймать их, черпанул ладонью, а в пригоршне оказался чистый снег. Но букарашек не распугал, они продолжали выписывать перед ним свои непонятные зигзаги. Долго стоял, не двигаясь, и наблюдал за ними, пока не понял, что никаких букарашек нет, просто каждая снежинка, пролетая под фонарём, бросала тень, бегущую по снегу, а когда приземлялась, тень исчезала. Понял и от радости рассмеялся, а потом запел: — Парня в горы тяни, рискни...

Когда проходил мимо дома Тулупа, вспомнил холодный голос: «Чтобы ни одна душа...» А хотелось.

На другой день после школы завернул к магазину. Надеялся, что Ольга отмякнет. Долго топтался у крыльца, выжидал, когда Ольга останется одна. Выждал и натолкнулся на раздражённый вопрос:

— Зачем пришёл?

— Увидеть захотелось.

— Посмотрел, и довольно. И к дому не смей подходить. Ну пощади ты меня.

Подходил, но под окнами не задерживался.

* * *

Он и не догадывался, что существует бессонница. Обычно добирался до кровати и сразу же проваливался в глухую ночь. Теперь перед глазами стояла Ольга. Однажды проснулся перед рассветом и почувствовал под собой мокрое липкое пятно.

Потом спохватился, что ещё с осени влюблён в Юлию Полынскую из десятого класса.

Сначала в деревне появилась её мать — красивая, строго одетая женщина. Поговаривали, что сбежала из города от мужа. Устроилась учительницей немецкого языка и получила квартиру при школе. Юлия приехала перед самым началом учебного года. Прошла по деревне в голубых обтягивающих брюках и лёгкой полупрозрачной кофточке бирюзового цвета. А деревенские девчата носили сатиновые шаровары и платья, которые шили матери или сами, у кого руки росли откуда следует. Выгоревшие до пшеничной желтизны густые волосы были распущены и доставали до половины спины. Лёгкая голубоглазая райская птица прилетела на берег холодной Ангары. Всё лето она жила у брата матери, который работал в торговом флоте то ли старпомом, то ли стармехом, но точно не рядовым матросом. Заглядывались, но влюбиться боялись. Такую и Юлькой назвать, даже за глаза, язык не поворачивался. Только Юлия.

На его удивление, первым к ней подкатил Тулуп. Такой прыти от приятеля он не ожидал. Никчёмный парень, ни рыба ни мясо, за что ни возьмётся — любая работа из рук валится, да и не брался он ни за что, приходил из школы и валялся весь вечер с книжкой в руках; правда, учился хорошо. Когда в школе проводили викторины, он всегда побеждал, по любому предмету, даже в район ездил на химическую олимпиаду и занял первое место. Почётная грамота в горнице на стене висела. Учителя надеялись на его золотую медаль. Первую в истории школы.

Юлия выбрала в друзья будущего героя. Колян не раз видел, как они подолгу разговаривают возле школы. Осмелился, подошёл и зачем-то поздоровался.

— Да вроде виделись на переменке, — удивился Тулуп.

— На всякий случай, думал, что не заметил меня.

— Это он может, постоянно в своих фантазиях витает, — засмеялась Юлия, потом хитренько взглянула на него и добавила: — С какой стати десятиклассник на восьмиклассника должен внимание обращать?

— Да он всего на два месяца старше меня, — буркнул Колян, и как-то по-дурацки получилось, словно оправдывался или доказывал, что они ровня. И с кем — с Тулупом, которого всегда считал ниже себя.

— Так ты у нас второгодник, оказывается. А я удивлялась: такая дылда, а всего лишь в восьмом классе.

— Не твоё дело, — огрызнулся он и, круто развернувшись, пошёл, но не в сторону дома, как собирался, а в противоположную, успев услышать за спиной девичий смех и удивлённый голос Тулупа:

— А чего это он?

Приятель недоумевал, а Юлия всё поняла. Да и как не понять, если сама хотела окоротить? И Тулуп хорош, друг называется, слушал и ухмылялся. Забыл, сколько раз за него заступались. Да без него деревенские пацаны давно бы заклевали недотёпу.

В новогодние каникулы учительнице привезли дрова. Три дня ходил, присматривался к сваленной у забора куче сосновых чурок, потом подкараулил мать Юлии возле калитки и предложил:

— Татьяна Робертовна, давайте я вам дрова поколю и убегу, а то прямо на дороге валяются, растащить могут.

— Мне вроде обещало начальство, да что-то не торопится.

— Обещанного три года ждут.

— А тебе не тяжело?

— Да мне в удовольствие. Дома на всю зиму заготовил, пока отец в тайге.

— Ну, если в удовольствие, буду благодарна. Только на пятёрки по благу не рассчитывай.

— Да нужны мне эти пятёрки! Я и на тройках до конца года доеду.

— Только до конца года, а потом?

— Работать пойду, и в тайгу хочется, там интереснее.

— Может, ты и прав, занятие для настоящего мужчины. Подожди, я топор вынесу.

Он придирчиво осмотрел топор и забраковал:

— Слабенький, и топориче расхлябанное. Сразу видно, что мужика в доме нет.

— Так уж получилось.

— Не переживайте. Я домой сбегаю и свой принесу, тут рядом.

Колоть дрова он любил и умел. Особенно ему нравилось, когда чурки разлетались с одного удара. Хотелось, чтобы Юлия вышла и посмотрела, как ловко у него получается. Но она не выходила. Татьяна Робертовна догадалась, о чём он думает, и сказала:

— Юля у меня приболела, пойду чаем с малиной отпаивать.

На всякий случай он выбрал толстенный чурбак, высмотрел метик, ткнул по нему топором, удостоверился, что в нём наметилась щель, в которую оставалось ударить колуном, чтобы чурбак развалился, и откатил его в сторонку, надеясь, что Юлия всё-таки выйдет и он сможет показать свою удаль. Но вышла только мать, переодевшаяся в старое осеннее пальто, и стала собирать в поленницу колотые дрова.

— Не надо. Я сам всё сделаю.

— Должна же и я свою лепту внести. Юля тоже хотела, но ей переодеться не во что.

— Так болеет же. Зачем рисковать? — но в отговорку не поверил: если бы хотела, могла бы и выйти.

— Кстати, почему тебя Коляном дразнят?

— Потому что я и есть Колян.

— Некрасиво как-то, — поморщилась Татьяна Робертовна, — словно беспризорника из ночлежки. А ты вон какой статный парнишка. Тебе же по святцам имя давали. Существует два праздника — Никола летний и Никола зимний. Овчинников из Юлиного класса родился в августе, значит, он Никола летний. А ты в ноябре, значит, Никола зимний. У вас даже характеры соответствуют. Он мягкий и покладистый, ты — сильный и волевой.

— Я и не знал.

— Теперь знаешь и требуй, чтобы звали Николой.

— Как я потребую?

— Характер покажи.

Когда стало темнеть, Татьяна Робертовна сказала:

— Хватит. Согласно законодательству, у школьников укороченный рабочий день. Этак меня и привлечь могут.

— Да тут немного осталось.

— Всё, всё, всё, никаких разговоров. Пойдём чай пить.

— Неудобно как-то, — начал отказываться, хотя самому не терпелось увидеть Юлию.

— Это мне неудобно отпускать работника, не угостив.

Он почему-то думал, что в квартире приезжей учительницы должен быть какой-то особый порядок и особые вещи, но ничего особенного не увидел, разве что свободного места больше. Без лишних вёдер, чугунов и кастрюль. Стол в горнице был уже накрыт. Юлия разливала чай. Каждая чашка стояла на блюдце. Его мать блюдца под чашки не ставила. А радиолы «Рекорд» такая же, как и у них. Но этажерки с книгами в его избе не было. Над кроватью, чуть выше подушки, приколот портрет бородатого мужика. Сестра Верка тоже вешала открытки с артистами, но этот на артиста совсем не походил. Юлия была одета в махровый халат с капюшоном, как у брезентового плаща, и он никак не мог понять, зачем капюшон домашней одежде: неужели на случай дырявой крыши? Но спросить постеснялся. А про мужика спросил.

— Это Папа Хем.

— Чей папа, твой?

— Близкие так звали, а в историю он вошёл как писатель Эрнест Хемингуэй.

— Не слышал о таком.

— В школе его не проходят. А он, между прочим, в Африке на львов охотился. А за рассказ, как старик голубого марлина поймал, Нобелевскую премию получил. Самый модный писатель. Дядя мой обожает его.

— Дашь почитать?

— У меня книги нет, и в школьной библиотеке тоже. Я её у дяди читала.

— Не ожидал, что ты про рыбалку любишь.

— Думал, что я сентиментальными романами увлекаюсь? Заблуждаешься, я предпочитаю настоящую литературу.

Дома она была совсем другая и не казалась задавакой. Нормальная девчонка, с которой можно разговаривать. Так бы мирно и разошлись, если бы её не потянуло расхваливать Тулупа, какой он умный и как много знает.

— Так он же ничего делать не умеет, — не выдержал он.

— А ты хочешь сказать, что мастер на все руки?

— Не на все, но кое-что могу.

— Например?

— Валенки подшивать могу, а он не может.

И в Юлию сразу же вернулся её привычный гонор надменной городской красавицы. Расхохоталась и, давясь смехом, спросила:

— А зачем ему валенки подшивать? Он после школы в университет поступит. В городе жить будет, а там — в валенках не ходят.

Задело. Прищемило. Поблагодарил за чай и быстренько выскок на улицу. Но домой не пошёл, сделал крюк, чтобы посмотреть на окна Ольги, женщины, которая выбрала его, царицы, с которой городская пигалица ни в какое сравнение не идёт. Постоял, но вспомнил почему-то не жаркий шёпот в постели, а металлический голос в магазине. Понимал, что если постучится, нарвётся ещё на одну обиду. С раздражённой мстительностью помочился в сугроб и повернул к своему дому.

А Юлия и Тулупу разболтала про валенки. Тот подошёл на другой день и спросил:

— Значит, валенки умеешь подшивать?

Чего смешного они в этом нашли, он не понимал.

С Юлией не разговаривал до конца года. Делал вид, что не замечает. Если случайно оказывались рядом, демонстративно отворачивался. Она в ответ равнодушно посмеивалась без гримас и эмоций.

В такой молчаливой ссоре дожили до её выпускного вечера. Торжественную часть чужого праздника он пересидел дома. Слушать поздравления с напутственными речами парторга и учителей желания не было. Тем более что его поздравлять было не с чем. Но появиться на танцах имел полное право. На углу возле школы рос большой куст белой сирени. Единственный на всю деревню. Говорили, что его привезла из Красноярска приезжая учительница. Посадила, и сирень принялась. Ухаживала за ней, поливала, убирала сухую листву. Отработав положенные три года, вернулась в город, а на следующую весну кустик зацвёл. Разрастался, богател. Любители пробовали отсадить в свои палисадники, но не получалось. Кто-то из её учеников назвал сирень Анной Сергеевной, и прижилось имя. Ещё на днях на сирени

назревали всего лишь бледные бутоны, а к выпускному, как по заказу, куст дружно зацвёл. Засмотрелся. И тут его окликнули. Повернул голову. В двух шагах от него стояла Юлия и улыбалась.

— Любуешься?

— Красиво цветёт! Почему бы и не полюбоваться?

— А подари мне ветку с пятилепестковым цветком. На счастье! — и протянула ему холодную узкую ладошку.

После такой нежной улыбки и ласкового голоса глупо было вспоминать старые обиды. Он шагнул к кусту, выбрал пышно цветущую ветку и протянул Юлии.

— Считать будем?

— Я верю, что он есть, дома обязательно найду, — сказала срывающимся голосом, потом обвила его шею оголёнными руками и поцеловала.

Мягкие и горячие губы долго не отпускали его. Ветка сирени в её руке царапала шею. Голова кружилась.

Когда Юлия опустила руки, он поднял голову и увидел, что Тулуп стоит на школьном крыльце и смотрит на них.

— Тебя ждут, — еле выговорил он.

— Я знаю, — нисколько не смутившись, беспечно прошептала Юлия и помахала Тулупу.

Смотрел на уходящую и продолжал слышать, как билось её сердце. Что это было? Не понимал он Юлию. Не понимал.

* * *

В девятый класс он не пошёл, да его никто и не уговаривал ни дома, ни в школе. Отец выпил с леспромхозовским начальником, и парня пообещали пристроить, а пока гулял на свободе. Чтобы жизнь мёдом не казалась, отец плотно запряг в домашние дела и муштровал так, что ни охнуть ни вздохнуть. Никола не мог дожидаться, когда выйдет на работу, там хоть вечера свободные и выходные положены. И зарплату, как взрослый мужик, получаешь.

Вечером с парнями сгношилились на выпивку и упёрлись в посёлок на танцы. Да ещё и леспромхозовская деваха попросила проводить, а сама возле дома даже поцеловать не дала. Вернулся среди ночи. Не успел заснуть, а отец уже будит. Недовольный, ворчит, подгоняет. Мать пытается заступиться:

— С вечера надо предупреждать.

— А где его с вечера до утра носило?

Он помалкивал. Надо было пораньше вернуться, да не хотелось от компании отставать. А ведь знал, что поднимут.

— И тебе работа есть, с нами поедешь, — приказал матери. — Верка пусть дома управляетя.

Понягу собрали неподъёмную. До берега брёл, запинаясь. Окончательно проснулся только в лодке, на свежем ветру.

Отец работал бакенщиком. На берегу у него была избушка, приспособленная под мастерскую. По договору с колхозом он должен был сделать десять саней, за это ему разрешалось заготовливать сено.

Приехали, разгрузились, попили чаю — и сразу за дело. Сначала проверили сети. Мать оставили разбираться с рыбой, а сами отправились в лес. Пока выбирали жерди для оглобеля, отец показал небольшую, но чистую полянку и велел вечером скосить.

Ужинать сели уже в сумерках. Заснул сразу. Где-то под потолком занудствовал шальной комар, по другую сторону занавески храпели на два голоса мать с отцом, но спать не мешали.

Истеричный лай разбудил, когда уже светало. Поднялись все трое. Ему показалось, что мать первой подбежала к двери. Отец сразу понял, какого зверя встретил кобель, схватил своё ружьё, а второе, не раздумывая, протянул ему.

— Ребёнка-то оставь!

— Пусть идёт, — оборвал отец и, не оглядываясь, выбежал на улицу.

Движением ладони отец приказывал держаться у него за спиной. Сразу за избушкой начинался редкий подлесок. Медведя было не видно, но пёс лаял так громко, что казалось, будто они совсем рядом. Когда между сосенок мелькнула белая шкура кобеля, он даже приостановился от неожиданности. А пёс мелькнул и снова пропал в темноте. Но воинственный лай не прекращался, а сквозь него проступал грозный медвежий рык, похожий на хрюканье. Отец остановился, когда до схватки оставалось метров пятнадцать. Пёс бросался на медведя, норовя вцепиться ему в ляжку. Зверь сбрасывал его, уворачивался, отбегал и сам бросался на собаку. Отец выждал момент, когда перед ним задержится медвежья спина, и выстрелил. Зверь взревел и встал на дыбы. Он был уверен, что после отца добивать нет надобности, и всё-таки не удержался, пальнул в медвежью грудь, и так получилось, что рухнул он после его выстрела. Собака первой поняла, что медведь не опасен, и кинулась к нему, рвала за бока и давилась шерстью. Он тоже сделал шаг, но отец загородил дорогу и придержал за руку:

— Погодь, не торопись. Всяко может случиться.

Потом, когда разделявали тушу, спросил:

— Струхнул, поди?

— Да вроде нет.

— Значит, не успел.

— Наверное, — такое объяснение его устраивало. — Всё так быстро произошло, я даже не понял, как выстрелил, но прицелиться не забыл.

— Ладно. Герой. Ловко управились. И пёс геройский. Бобка, Бобка, иди ко мне.

Но того никакие похвалы не могли отвлечь от бурой туши. Остервенело рычал и отфыркивался от выдранный шерсти.

— И куда стоко мяса девать? Битый центнер. Ты знаешь, где бригада взрывников русло чистит?

— Конечно, знаю.

— Газуй к ним, скажи, чтобы водки взяли и приезжали за мясом.

В лодке ему не терпелось рассказать, как они с отцом добыли медведя, но от волнения рассказ не получался: залаял Бобка, разбудил, отец схватил ружьё, побежали, Бобка рвёт медведя за ляжки, отец выстрелил первым, медведь поднялся на дыбы, и тогда пальнул он, и медведь рухнул к его ногам... Боялся, что мужики не поверят, но они слушали, не перебивая, и понимающе кивали.

Когда привёз взрывников, отец уже разделал тушу и, сидя на чурбаке, бросал Бобке куски мяса и нахваливал его самыми нежными словами, которых даже детям не говорил. Мать стояла у плиты и варила медвежатину. Мясо ещё не успело дойти, но отцу не терпелось налить гостям.

Он ещё ни разу не выпивал при родителях. Отец протянул стакан. — Ребёнку-то пошто? — неуверенно встряла мать.

— Какой ребёнок, если зверя завалил? — отмахнулся отец и, обращаясь к гостям: — Не струсил, мужиком себя показал. Осталось только бабу попробовать, — потом заглянул ему в глаза и, усмехнувшись, спросил: — А может, уже?

Он не понял, от чего загорелось лицо — от водки или от смущения.

* * *

Служилось легко. Сначала стыдился, что попал в стройбат. Надеялся, что возьмут в пограничники, всё-таки сибиряк, охотник, но в военкомате решили, что крепкий парень с восьмилетним образованием в стройбате нужнее. Осмотрелся, освоился и случайно приглянулся «старикам» из мастерских. Сибиряк сибиряка чует издалека. Лёха вырос на Чулыме, в леспромхозе. Метил в чокеровщики, но, к счастью, промахнулся, попал в ремеслуху и больше года успел потокарить на военном заводе, многому выучился. Разговорились о рыбалке. Чулым, конечно, не Ангара, Лёха и не спорил, но стерлядка и в Чулыме водится. Когда пришла посылка с ангарской рыбой, принёс похвастаться: наша, мол, и жирнее, и крупнее. Лёха отрезал кусок, скривился, сказал, что пересоленная, и пошёл в свой тайник за спиртом. Пока выпивали, Лёха завернул в газету половину рыбины и сказал:

— Это старшине, — и, наткнувшись на вопросительный взгляд, объяснил: — Пойду договариваться, чтобы тебя ко мне в ученики определили. Хороший токарь — специальность хлебная, всё время со спиртом будешь. А я хороший токарь. И тебя научу.

— Так, может, целую старшине отнести? У меня осталась одна.

— Хватит ему и половины, он такого деликатеса у себя на Донбассе отродясь не пробовал. А целую, если не жалко, я Валюхе в санчасть презентую, чтобы спиртом бесперебойно обеспечивали.

Он думал, что земляк хвастается, но Лёха слово сдержал. Через неделю его перевели в мастерскую, а обмывали новое место

медицинским спиртом и закусывали тушённой, которую Лёхе принесли за левый заказ.

— Рыба хорошо, а тушёнка лучше, — пошутил он, чтобы не впасть в откровенный подхалимаж, довольный, что всё так ловко получилось.

— Не скажи. Валуха говорила, что подруги визжали от удовольствия, когда пробовали. И сама была очень ласковая со мной.

Терпения Лёхе не хватало. Учил нервно, порою казалось, что издевается над ним. Доводил до того, что хотелось врезать учителю между глаз, но сдерживал себя, терпел, и через месяц стало получаться. Сам понял, а потом и Лёха признал. Сели перед дембелем, суровый наставник запил водой глоток неразбавленного, обнял ученика и заявил, что из него получится классный токарь.

Лёхин дембель отпраздновали хорошо, а со своим всё пошло наперекосяк. Началось с дурацкой самоволки. Чувствовал, что не надо рисковать — отпуск обещали. Так нет же, побежал, нарвался на патруль, и отпуск заменили «губой». Но самое страшное ждало впереди.

Оставалось меньше ста дней. Когда из дома перестали приходить письма, особой тревоги не появилось, полагал, что ленивая Верка все новости приберегает до встречи. Мать стеснялась малограмотности, поэтому переписку доверила Верке. Раз в полмесяца она исправно сообщала старшему брату о деревенских новостях, передавала приветы от знакомых и от своих одноклассниц. В одно из писем вложила записку от подружки Галки, которая тоже хотела переписываться с ним. Он смутно помнил эту Галку, но обижать девчонку не хотелось, и он ответил. Веркины письма были короткие и сухие, а Галка писала намного подробнее: рассказывала, как отелилась корова Февраля, как смешно учился ходить телёнок, как ждали ледоход на Ангаре, как льдины громоздились друг на друга, а потом, подтаяв, рушились и осыпались, издавая музыкальный перезвон, как ходила собирать первые подснежники. Он понимал, что девчонке хочется понравиться взрослому парню, посмеивался, но ждал её писем и радовался им больше, чем весточкам от сестры. Последнее письмо было от Галки коротенькое, без привычных историй. Потом совсем перестали приходить. Особой тревоги не появилось, да и почта никогда не отличалась порядком. А душа рвалась домой.

Когда садился в Ан-2, осмотрелся, надеясь увидеть кого-нибудь из своих деревенских, но никого не высмотрел. С дембельским чемоданом не разбежишься, но шёл ходко, аж взмок. Первой увидел Верку. Она несла домой два ведра воды и остановилась перед калиткой. Хотел подкрасться сзади и напугать, но не выдержал, окликнул. Сестра оглянулась, ахнула, потом, чуть не споткнувшись о ведро, подбежала к нему, уткнулась в грудь и заплакала, но это были не детские слёзы радости, а бабьи рыдания.

— Что-нибудь с мамой? — закричал он.

Не в силах говорить, она отрицательно замотала головой и зарыдала ещё громче.

— Отец?

— Пойдём в избу, всё узнаешь.

Мать сидела на табуретке спиной к печи и вязала носок. Увидев его, спросила:

— Совсем отпустили?

— Конечно, совсем!

— Хорошо, — выговорила с тусклой радостью, потом всё-таки отложила носок, обняла и бессильно заплакала.

— Где отец? — тихо спросил он.

— Пусть Верка рассказывает, — вернулась на табуретку и взяла носок.

Сестра вывела его на двор.

— Не могу при маме. Не хочу лишний раз напоминать. Нет у нас больше папки.

— Да где он? Что вы тянете?

— В бане угорел.

— Как угорел? — не понял он.

— Не знаешь, как угорают? Ольгу Шумакову помнишь, она продавщицей работала?

— Конечно, помню.

«Она мне всю службу снилась», — чуть было не сорвалось с языка, но как-то не соединились отец и Ольга, да ещё и баня. Несуразица какая-то.

— На третий день нашли их. Валяются растелешенные. Ольга на полке, отец на полу, — у Верки сорвался голос, и она замолчала.

Обнял сестру, погладил по спине. А перед глазами стояла Ольга. Без одежды. Склонённая над ним, лежащим на кровати. Он даже чувствовал касание груди. Ольгу — видел. Отца — нет. Даже представить их вместе не получалось. Тем более в бане. Не верил.

— Так таились, что и подумать никто не мог. Мать догадывалась, что гуляет, но терпела. Да и бабы на похоронах болтали, что у него в лес-промхозе шалава была. Но Ольга — её и представить рядом с деревенским мужиком невозможно. Да ещё и старым ко всему. Мало ли, что в шёлковые платки наряжается, а никому ни разу не улыбнулась, лицо словно каменное, все думали, что мужа тюремного боится, слухи-то и до зоны могут доползти. Вот и пряталась в бане со стариком. Мать не то чтобы умом тронулась, по дому управляется, но всё молчком, редкое слово скажет, а по ночам стонет. Это она вызывать на похороны не велела. От позора берегла. И Галке приказала не писать.

— А я-то гадал, почему писем нет.

— Мать запретила. А что писать? Врать — глупо, а правду — стыдно. Решили дождаться приезда. Слушай, а может, мне за Галкой сбежать?

— К нам, чо ли, звать? Да я и не помню её.

— Так пойдём к ним, увидишь и сразу вспомнишь, она, пока ты служил, расцвела, хорошенькая стала. У дядьки Миши самогонка есть, выпьете за встречу.

— А как же мама?

— Ей одной лучше. Пойдём, предупредим, что в гости уходим.

На их предупреждение мать рассеянно кивнула и продолжала вязать. Сестра успела привыкнуть к такому поведению матери, а он даже смотреть на неё боялся — и всё-таки оглянулся с порога, увидел сторбленные плечи. Захотелось сказать что-нибудь утешительное, но к горлу подкатил комок, да и слов подходящих не находилось.

Галка засмузилась, засутилась, рассаживая гостей. Она и впрямь выросла во взрослую девушку. А дядя Миша совсем не изменился, всё такой же суетливый и матерящийся через слово.

— Никола, ну красавец вымахал. Орёл.

— Да я, дядь Миш, вроде и призывался таким.

— Не ломайся. Будто я не помню. Возмужал, в плечах расширился. Галина, ты пока развлекай жениха, а я быстренько на стол соберу.

— А кто тебе наплёл, что жених? — зарделась Галка.

— К слову пришлось. Но, с другой стороны, лично я не против. Ты, кстати, в каком звании пришёл?

— Рядовой.

— Тоже хорошо. Чистые погоны — чистая совесть. Мать, а ну-ка поторопись. Всё, что в печи, на стол мечи, а рыбки сам в дуплё спушшусь и достану, я и краснухи добыл, и тугун имеется. Соскучился, поди? — Ещё бы!

Дядя Миша вернулся с плоской тугуна и шматом осетрины, бутылку самогонки с водочной этикеткой достал из-под рубахи.

— Чуть не разбил, наставили банок — ступить некуда. Ладно, Никола, с увидом. И за отца твоего, Василия, пусть земля ему будет пухом.

— Ты бы попридержал своё ботало, — буркнула жена.

— А ково я сказал? Хороший был мужик — и охотник фартовый, и мастер на все руки, и хозяйственный, всё в дом.

— Не чета тебе. Вчерась сковородник взяла, а у него ручка отвалилась.

— У них порода такая. Дедушка, царствие небесное, когда ноги заболели, всё одно не мог без дела, сапожничал на всю деревню.

— И Васька тоже не мог без своо дела.

— Ково теперь вспоминать? Держись, Никола, назад ничего всё одно не воротись.

Веселья не получалось. Самогонка не брала. И Галку не рассмотрел, даже спасибо за письма не сказал. А собирался.

* * *

Прячась от позора, мать отвадила гостей, а сама не выходила за ограду. Невыносимо было смотреть на неё, сидящую с вязаньем на коленях. Случалось, она засыпала, спицы соскальзывали на пол, она

вздрагивала, испуганно поднимала их и начинала торопливо накидывать петли. И ни слова. Хоть бы расплакалась или пожаловалась. Ему даже стало казаться, что обиду на отца она переложила на него. Не знал, куда деть глаза. В избу заходил только по необходимости. Искал заделье на дворе или на реке. Готовился к сезону. Ондатры для накрохи добыл с полуторным запасом. Почистил ружья, хотя после отца проверять было необязательно, он всегда содержал их в порядке.

Когда погода начала портиться, посоветовался с мужиками. Да и сам понимал, что завозиться рановато, но не терпелось, и решил всё-таки смотаться до базовой избушки. Мотор тянул, не задыхаясь и не чихая, да ещё и по течению, и всё равно казалось, что лодка идёт слишком медленно. Когда увидел знакомую корягу на берегу, обрадовался, словно друга встретил. От коряги надо было подняться на сотню метров. Разгрузил лодку. Провиант и одежда про запас уместились в рюкзак и понягу. Первой ходкой решил отнести рюкзак, он был полегче, оглядеться, перекурить, а потом уже вернуться за остальным.

Отца не стало, а избушка стояла такая же, как и прежде, разве что справа от лабазы росла молодая берёзка, но отец почему-то срубил её — видимо, на что-то понадобилась. Он выпростался из-под рюкзака, но заходить внутрь не решался. Присел на чурбак у входа. Отец любил на нём покурить. Говорил, что он приносит удачу, и не велел пускать на дрова. Он достал сигарету и присел на отцовское «кресло», только лицом не к тайге, как любил отец, а к избушке. Сигарета погасла, а он всё ещё не мог собраться войти. Выкурил вторую и только после неё встал и осторожно толкнул дверь. Внутри было выметено, возле печки лежали колотые дрова и тонкие завитки бересты. На столе рядом с топчаном стояла почерневшая алюминиевая кружка, остальная посуда, аккуратно расставленная на полке, прибитой к стене, ждала хозяина. Вот только старый хозяин, любящий порядок, ушёл далеко-далеко и заблудился.

Притащив понягу к избушке, он поднялся в лабаз и увидел неизрасходованную муку, завезённую отцом, — и аж горло перехватило. Второй приступ случился, когда вернулся в избушку, увидел на полке запас махры и початую пачку «Севера». Достал из неё папиросу, хотел понюхать, но пересохший табак высыпался на пол. Невелика потеря, если в кармане пачка сигарет, но такая тоска подступила, что не выдержал и простонал:

— Эх, папка, папка, что же ты наделал?!

Без обиды, без обвинений, только с болью.

* * *

Погода капризничала, дурила, но выждал неделю — и всё-таки добрался до ближней избушки. Путик вдоль ручья забила ольха. Пришлось вырубать, чтобы потом не цепляться за неё и не запинаться.

Возле первого капкана достал тушку ондатры, нюхнул и похвалил себя: удачно заквасилась. Вспомнил любимую присказку армейского друга Лёхи: «Сам бы ел, да денег надо». Пока вырубал ольховник, пока наживлял ловушки, стало темнеть, да и проголодался. С утра не терпелось на путик, волновался до мандража, даже еда в рот не лезла.

На другой день заправился основательно и решил двинуться ко второй избушке. Не прошёл и километра, как залаяла Дамка. Свернул на её след. Лай то прекращался, то взрывался с неудержимой яростью, и казалось, что собака совсем рядом. Он прибавил ходу, но по бурелому больно-то не разбежишься. Дамкин след спустился к ручью, заросшему тальником, а дальше предстояло пыхтеть в горку, огибая сучкастые валежины. Соболь сидел на верхушке сухостоины, снег возле неё был вытопан, мелкий кустарник поломан, кора с дерева содрана. Дамка от нетерпения прыгала на ствол, словно сама собиралась добраться до загнанного зверька. Он выстрелил и, глядя, как добыча падает меж ветвей, смачно крикнул. Соболюшко оказался молоденький, светлый, но почин был сделан.

Едва вернулся на тропу, Дамка снова залаяла. Голос был не такой жоркий, как на соболя, звонкий с подвизгиванием — белочку загнала. Однако петлять до неё пришлось ещё дольше, через другие расщепленные валежины.

Спустив чулочек шкурки, разделил тушку пополам и бросил переднюю часть Дамке. Собака поймала добычу на лету и встала перед ним, заглядывая в лицо преданными глазами. Не выдержал просящего взгляда и отдал вторую половину. Расщедрился, а потом уже подумал, что отец бы не одобрил.

Вторую белку добыли где-то на середине пути к избушке, и сразу после этого он наткнулся на чужой след. Откуда ему взяться на их участке?! След от сапога сорокового размера. Ну, может — сорок первого. Не очень крупный гость. Да какая разница, если внутри всё закипело? Захотелось плюнуть в этот поганый след, но слюны во рту не было. Он принялся топтать отпечатки чужих сапог, и тут залаяла Дамка, совсем рядом, разохотилась собака, во вкус вошла. Идти к ней не было никакого желания, но не бросать же, старается подруга — грех обижать. Перевозбуждение — плохой помощник. Когда целился, чувствовал, что промажет. И промазал. Попал только с третьего раза. Такого с ним и в детстве не случалось.

Набегался за день, разбираться с гостем было уже поздно, и непонятно ещё — куда уведёт след. Вернулся на обжитое место. Посидел в любимом отцовском «кресле», пытался обмозговать, как вести себя с незванным соседом. А чего думать, если не знаешь, кто и зачем? Надо утром идти знакомиться, а там видно будет.

Чужая свежесрубленная избушка стояла на их участке, чуть не доходя до большого ручья, по которому считалась граница. Ещё на подходе выскочил рыжий пёс и кинулся на Дамку. Чувствуя себя

хозяином, прыгал нахраписто, но Дамка не отступала. Избушка была небольшая, но аккуратная. Лабаза пока не стояло, и дрова не заготовлены — видимо, не успел. Увидев дымок над трубой, понял, что ждать не придётся. Надеюсь, что до стрельбы не дойдёт, но ружьё на всякий случай зарядил. Услышав собачью грызню, вышел мужичок лет сорока, невысокий, но крепенький. Смотрел удивлённо, явно не ждал.

— А ты кто?

— Сосед.

— Ну, проходи. Чай будешь?

— Буду, — согласился, потому как с чаем разговаривать спокойнее.

Чайник стоял на краю печки и ещё подпаривал. Мужик взял чистую кружку. Налил наполовину чуть ли не чифира и придвинул банку с песком:

— Сласти́ по вкусу.

От сахара он отказался. Чай был слишком горячий.

— Сосед, говоришь? Что-то я тебя раньше не видел, — спросил без намёка на подозрение, скорее из любопытства.

— Из армии недавно вернулся. А ты в курсе, что построился на чужом участке?

— Почему на чужом? У меня разрешение имеется. Охотовед приезжал и выписал. Справка с печатью дома лежит, могу предъявить, — оправдывался мужик.

— Да мало ли что твой охотовед с пьяни напишет? Вся деревня знает, что мы здесь тыщу лет охотимся. И дед мой, и папка.

— Так это твой, значит, с девкой в бане угорел? — и уже с нагловатой уверенностью стал объяснять: — Вот видишь, всё по закону, потому охотовед и выписал справку. Батьке-то участок уже без надобности.

Мужику, видимо, понравилась собственная рассудительность, и он примиряюще улыбнулся. Но улыбка получилась какая-то гаденькая. Захотелось врезать в улыбающуюся рожу, но сдержался. Отодвинул чай. Встал и выложил:

— Раз уж так получилось, до конца сезона промышляй, а на следующий год проси своего охотоведа, чтобы он тебе другой участок выделил.

— Я на твои путики не полезу. Только по своему.

— Будем считать, что договорились. Но я предупредил.

Когда вышли на улицу, Дамка игриво обнюхивала чужого рыжего.

— Видишь, — сказал мужик, — собаки помирились, надеюсь, и мы поладим.

Незванный сосед не наглед. Следы иногда пересекались, но как без этого на охоте? Раздражало, но коли договорились — терпел.

Надеялся, что человек понял. Но на следующую осень к нему подошёл отец Галки и обрадовал:

— Слышь, Никола, а твой-то снова завозится. Вчера утром видел его лодку. Не понимает по-людски.

Дядя Миша не советовал, что надо делать, знал, что обойдётся без подсказки.

Дождь дождался дождливого дня и отправился к чужой избушке. Наколот мелкой лучины и разжёг три костерка. Два — по углам и один возле стола. Потом выбил окно и распахнул дверь. Огонь лениво лизал стены, и он пожалел, что не прихватил бензина — было бы без лишних переживаний. Когда пламя стало вырываться в дверь, бросил в него окурки и зашагал к лодке, уверенный, что в дождливый день тайга не загорится. На душе — гадко, словно в дерьмо вляпался. Избушку было жалко, но не мужика — сам виноват.

* * *

Случай, который постоянно вспоминал, когда что-то не ладилось и начинало казаться, что невезуха не собирается уходить.

Совсем челядёнком был. Училка пришла к отцу и пожаловалась, что Коля прогуливает уроки, не делает домашние задания, и если не исправится, придётся оставлять на второй год. Отец был выпивши и понял, что училка учуяла запах, застыдилась и, как только она ушла, зажал его между коленей и отходил ремнём, приговаривая: «Если оставят, выпишу ещё одну порцию, с двойной добавкой». Не плакал, не обещал, но сумел вырваться и убежал на берег. Хотел заночевать в лодке, простудиться и заболеть, но сидеть без дела не умел. В лодке нашлись удочка и банка с остатками червей. Закинул, ни на что не надеясь. Пока шарил глазами по воде, высматривая пробочный поплавок, удилище резко дёрнулось в руке, и хвост его согнулся в дугу. Откуда на мели крупная рыба?! Кроме пескарей и ельчиков, на этом месте никто не клевал. Неужели шальной налим заблудился на мелководе? Чтобы не упустить добычу, он выбрался из лодки и вытащил рыбину на плоский берег. А когда понял, что поймал не налима, а настоящего ленка, побежал домой хвастаться отцу, забыв про недавнюю порку.

Почти так же получилось и с женьбой. Не ждал, не гадал.

Верка чуть ли не за полгода стала требовать, чтобы он пришёл на их выпускной вечер. Обязательно в костюме и при галстук. Пообещал, чтобы отвязалась. И на галстук согласился: как откажешь младшей сестрёнке? Платя для «первого бала» шила Галка и себе, и ей. Примерки и подгонки затянулись до последнего дня. Когда оставалось до выхода меньше часа, его в очередной раз выгнали на улицу. Возле калитки прогуливался дядя Миша, уже при орденах и медалях, тоже маялся в ожидании.

— А ну-ка, паря, загляни ко мне, кое-что покажу.

А что он мог показать, кроме бутылки? Завёл в стайку, достал стаканы и чашку с солёными огурцами.

— У меня самогонка лучшая в деревне. Я два раза не ленюсь перегонять, потом молоком чищу, потом на травках, корешках настаиваю,

но главный секрет — в змеевике, мне его в городе из особой нержавеющей стали выгнули, марка где-то дома на бумажке записана, большого осетра отдал. А раньше, когда знакомых в городе не имелось, стволом от старой берданки пользовался, клал в корыто со льдом, и капало, но качество, конечно, не то.

— Серьёзно, что ли, стволом?

— Какие могут быть шутки? У бабки моей спроси, токо она, поди, не помнит. А дефки-то наши какой переполох устроили! Взрослые уже, невесты. Ну, давай по чуть-чуть, чтобы силы на праздник сэкономить.

Но экономить не получилось. Возле клуба заманили за угол знакомые парни. К началу танцев был уже навеселе.

Верка, держа подругу за руку, подошла к нему и заявила:

— Сейчас будешь танцевать со мной. Хочу, чтобы видели, какой у меня красивый кавалер. Смотрели и завидовали.

— Так все знают, что я твой брат.

— Кто-то и не знает. Наши девчонки говорят, что ты похож на артиста Киндинова.

— Из какого кина?

— «Романс о влюблённых».

— Да брось ты, совсем не похож.

— Со стороны виднее. А как тебе наши платья?

— Красивые. Сразу и не поймёшь, что самодельные.

— Галка молодец. Только пока шила, мы два раза вусмерть переругались. Но она отходчивая. Значит, первый танец со мной, а потом с ней. Пусть и она похвастается.

— У вас что, своих ребят нет? — засмеялся он.

— Хватает, но ты лучше.

Галке достался медленный танец. Она была чуть ли не на голову ниже его. Её волосы щекотали ноздри. Оба молчали. Чужая пара задела их, и Галку качнуло к нему на грудь. Нечаянно прильнув к нему, девчонка не спешила отстраниться. Пока меняли пластинку, она стояла рядом, пришлось приглашать на следующий танец. После третьего танца подряд запросился на перекур. Возле клуба толклось много народу, в основном леспромхозовские: парни в джинсах, девицы в кримпленовых платьях. Поискал взглядом знакомых. Вернее — знакомую, Марину из бухгалтерии. Полгода назад он впервые переночевал у неё, а до этого месяца два обхаживал. Высокая, с длинными чёрными волосами и крутыми бёдрами, могла зазывающе улыбнуться, но за любую попытку дотронуться била по рукам. Дразнила, а близко не подпускала. Только после сезона сама подошла и спросила, как поохотился.

— Нормально добыл, больше, чем в прошлом году.

— Так подарил бы девушке на шапку.

— Думаешь, пожалею?

— Кто тебя знает? Обещать все горазды.

Подарил, и оставила на ночь. Удивился, что вышло так просто, даже осадок нехороший в душе остался. Говорила, что недавно исполнилось двадцать четыре года, но замуж пока не собиралась — не за кого здесь выходить. Мечтала уехать в город. О любви не заговаривала, но обнимала жарко.

Договорились встретиться на танцах, но она почему-то задерживалась. Выкурил пару сигарет, поговорил со знакомым парнем и уже направился в клуб, но всё-таки высмотрел Марину. Близкие отношения она велела не выказывать, поэтому махнул рукой и свернул в тень дерева. Она подошла сразу и, уклонившись от поцелуя, предупредила, что ждёт подругу. Договорились встретиться после того, как он проводит сестру. Но до клуба снова не дошёл. Наперерез ему выдвинулись трое леспромхозовских парней.

— Эй, ты, дай закурить.

Ребята были пьяные, и он сразу понял, что миром дело не кончится. Не хотелось портить вечер, и он протянул пачку.

— А чего ты «Приму» куришь? На хорошие сигареты денег жалко?

— Привык.

— А со шмарами нашими тоже привык шушукаться?

Надеялся разойтись мирно, так вынудили. А если от драки не отговориться, надёжнее начинать первым. Ударил самого наглого. Хлёстко врезал. Парень крутанулся волчком и встал на четвереньки. И тут же получил сам откуда-то сбоку. Прилетело в нос. От нового удара сумел уклониться и успел точно ответить. Выжидал следующего. Но тот, который поднялся с четверенек, закричал:

— К нему на помощь бегут, рвём отсюда.

Никто на помощь не бежал. Померещилось дураку, или понял, что не на того нарвались. Верхнюю губу саднило. Провёл рукой под носом и увидел кровь.

Девчонок встретил, когда шёл умываться.

— У тебя лицо в крови, — перепугалась Галка. — Ой, и рубашка, и галстук.

— Кто это тебя? — спросила сестра.

— Шпана леспромхозовская прицепилась. Только не они меня, а я их.

— С кем же мы танцевать будем?

— Ладно, Вер, не капризничай, иди танцуй, а я твоего брата в порядок приведу.

Возвращаться домой и пугать маму окровавленной мордой не хотелось, и он повернул к реке, чтобы умыться.

— А те, с которыми дрался, их трое было?

— Трое. А ты откуда знаешь?

— Один с чёрными усиками?

— Точно, с усиками. Самый наглый.

— Они к нам приставали, усатый меня по заду хлопнул. Ты из-за нас подрался?

Не признаваться же, из-за кого вышел сыр-бор, а врать язык не поворачивался, и он утвердительно кивнул.

Какая сила тянула его на реку, он понял только после того, как умылся. Освежил голову и вспомнил, что в береговой избушке у него заныкана бутылка. Предложил Галке продолжить выпускной на другом берегу. Согласилась она радостно, а в лодке притихла, сидела молча, но он не обратил внимания. Мотор лежал дома, шёл на вёслах, лодку сильно сносило, а хотелось подогнать прямо к избушке, поэтому грёб без роздыху. Ткнувшись в береговой песок, выскочил из лодки, чтобы вытащить её подальше. Но Галка поспешила встать, и когда он в очередной раз поддёрнул, она взмахнула руками и упала в воду. Плашмя. В красивом белом платье. У него сорвался матерок. Подбежал к девчонке, но она уже встала и вылавливала на дне слетевшие туфли. Он ожидал истеричных слёз и обвинений, но Галка рассмеялась:

— Прости дуру, не устояла.

— Это я виноват, дёрнул, а не посмотрел, что ты поднялась.

— Хотела, чтобы тебе легче было вытаскивать лодку.

— Пошли сушиться. Придётся и тебе самогонки принять, от простуды.

— А чо я, не пробовала, чо ли? С Веркой отлили у папки, а в бутылку воды добавили, чтобы он не заметил.

— Не бойся, не продам. Бежим в избушку, печку затоплю.

Затолкал весь запас бересты и лучины. Оглянулся на Галку: девчонка стояла, обхватив себя обеими руками, её трясло.

— Мокрое скидывай, в мою рубаху оденешься.

Он вышел на улицу. В ботинках чавкала вода. Надо было переобуваться. Озверевшие комары лезли в глаза и уши. Переждав минут пять, постучал в дверь. Галка не ответила. Чужа неладное, резко вошёл. Аккуратно развешанное платье белело на вешалах. Галка, не успевшая надеть рубаху, стояла спиной к печке, грелась. Он попятился к двери, но она поймала его за руку. Грудь и живот у неё были холодными, а спина под его ладонями горячая.

И не смог удержаться. Когда понял, что он у неё первый, мелькнул испуг, но Галка так доверчиво прижималась к нему, что страх перед утренними объяснениями не отогнал желание обнять её как можно крепче.

День назад она была для него обыкновенной соседской девчонкой, на которую почти не обращал внимания, а утром, глядя, как она, одетая в его старую рубаху, разливает по кружкам чай, сказал: — Давай поженимся, — и удивился, что она восприняла предложение как должное.

В лодке её потянуло на песни, и не какие-то молодёжные, а старинные: «Из-за острова на стрежень...», «Поедем, красотка, кататься, давно я тебя поджидал...». Не удержался и стал подпевать там, где знал слова.

На берегу она встала перед ним и, заглядывая в глаза, спросила:
— Ты понял, что я специально в воду упала?
— Правда, чо ли?
— Не хотела признаваться, но нельзя начинать с обмана, ты же со мной по-честному.
— И платьё не пожалела?
— А чо его жалеть? Другое сошью.

* * *

Слухи о затоплении появились ещё до армии. Потом Верка с Галкой делились новостями. Писали, что начали строить посёлок для строителей новой ГЭС и дорога к нему проходит мимо деревни. В их магазине скопились полные стеллажи консервов. Зачем деревенскому народу тушёнка, если у них настоящего мяса хватает? Или кальмары какие-то? На них смотреть противно, тем более — кушать. Не говоря уже про морскую капусту и мидии. И всё это залежалое добро заезжая шоферня за неделю с полком смела. Но он не воспринимал сплетни всерьёз: надо же девчонкам о чём-то писать солдату. Когда вернулся домой, взрослые мужики подтвердили, что деревню действительно собираются затопить, только непонятно когда, мало ли что наверху планируют — сегодня одно, завтра другое. И всё-таки те, кого в деревне ничего не держало — ни тайга, ни хозяйство, воспользовались случаем и стали перебираться ближе к городу. Рядом с Красноярском построили завод автоприцепов и при нём большой посёлок Сосновоборск. Матери Юлии дали в нём однокомнатную квартиру со всеми удобствами, так она с радостью переехала. Дядя Миша был уверен, что Овчинников знакомства свои подключил. Парень его с учительской дочкой в университет поступили и пожениться собрались, вот он и подсуетился, чтобы мать за молодыми доглядывала. Он и себе переселенческую квартиру устроил, только уезжать не торопился, не хотел заработки терять.

Ещё до смерти отца дядя Миша уговорил его встать в очередь на кооперативную квартиру: напишем, мол, на всякий случай, а там видно будет, отказаться никогда не поздно, не оштрафуют, поди. Тот стгоряча послал его, заявив, что уезжать не собирается: «Чо я в этом городе буду делать — тухлую убоину жрать да глаза телевизором портить?» Но дядя Миша не успокоился, зашёл с тылу, переговорил с матерью, и та предъявила свои резоны, напомнила, что Верка скоро подрастёт, учиться в город уедет, а там, глядишь, и замуж выйдет. И совсем добила обвинением, что он, куркуль, денег для дочки жалеет. Сдался мужик. Подали заявление и успокоились: очередь-то длинная, а крыша над головой не течёт, и подворье обустроено.

Другая очередь его волновала — очередь на машину. С армии заболел.

Заработки в леспромхозе были хорошие, и удача в тайге не обижала, особенно после того, как женился. Он даже подшучивал над

Галкой: уж не знает ли она какого волшебного слова? Молодая жена поднимала над головой годовалую дочку:

— Это Анютка знает. Ну-ка, скажи папке волшебное слово.

— Кака.

— Деда Миша научил, старый безобразник.

— Значит, правильно научил, коли фарт идёт.

На охоте фартило, а с очередью — не очень. Закусило, как шест в речном пороге. Дёргаешь, а он ни в какую. Подводные каменные челюсти не разожмёшь, намертво держат. Поток гонит вперёд, а ты крутишься на месте. Бросить шест — страшно, неизвестно, что впереди, понимаешь, что надо сдать назад, а течение — не позволяет. По правилам, талоны выдавались передовикам производства. С этого боку к нему было не подкопаться — второй год на Доске почёта красовался, в чёрном костюме и модном цветастом галстуке, который Галка сшила. Не помогло. Машина ушла к какой-то тётке из профкома, которая, по слухам, сразу же переформила её на зятя.

— Ей нужнее, — рассудил отец Галки, — они в город намылились. Тебе-то на кой? Куда на ней ездить будешь? Из одного конца деревни в другой? Даже до леспромхоза не доберёшься, если погода испортится.

Тесть был прав. Он и сам понимал, что нужды в машине не было. Но хотелось. Чем наглее задвигали, тем сильнее хотелось.

И всё-таки дождался. Но когда прилетел в Красноярск, обрадовали, что машины подорожали и надо отстёгивать ещё тысячу. При этом очень обходительно предупредили: если он не согласен, имеет полное право отказаться от машины.

Прокатился по деревне, распугал собак и поставил в ограде. Накрыл брезентовой попоной и больше месяца не выгонял. Но, возвращаясь с работы, всегда останавливался полюбоваться. Собственная машина.

Разговоры о закрытии леспромхоза тянулись долго, а закрыли быстро. Если точнее, сменили вывеску: лес как валили, так и продолжали валить, но уже силами заключённых. Из леспромхозовских оставили только тех, кто обслуживал дизельную, крановщиков и главных специалистов, остальным дали полный расчёт и полную свободу. Куда податься с этой свободой, каждый искал сам, только выбор не утешал разнообразием.

На первое время нашлось место у токарного станка — спасибо армейскому другу, которого потом ещё не раз придётся благодарить. Но надо было что-то решать. Размеренная жизнь в деревне оживилась, но не в лучшую сторону. Мужики посадили лодки на цепи с замками. Раньше-то даже бензин в баках оставляли, чтобы утром не тратить время, а теперь тащили в стайки не только моторы, но и вёсла. Бабы, чтобы сходить по грибы или по ягоды, сбивались в кучки и в лесу сильно не разбредались.

Дядя Миша, не думая о крутых переменах, нечаянно оказался провидцем. Но коварные сюрпризы от кооператива выплывали один за другим. Когда подавали заявления, пришлось прилагать липовые справки, что у них нет собственного жилья: будто бы и отец, и дядя Миша продали свои дома родственникам. В деревне любую справку получить нетрудно. Выдали, выпили и забыли. И вдруг председателю колхоза позвонили из города и попросили подтвердить, проживают ли такие-то в деревне. Он даже удивился: куда, мол, они денутся? Тогда его спросили:

— А у кого они проживают, в чьих домах?

— В своих,— ляпнул председатель, не подумав.

И только после этого вспомнил, что сам подписывал справку о продаже. Понял, что их могут выкинуть из очереди, и побежал к дяде Мише. Мужики запаниковали. Открыли бутылку. Громче всех причитал председатель. Боялся выговора по партийной линии. Всех удивила Галка, самая молоденькая и неискушённая в их компании. Отобрала бутылку и чётко растолковала, что делать. Приказала подниматься и шагать в контору. Рабочий день уже кончился, но ключи-то у председателя при себе. Надо найти амбарную книгу, расшнуровать её и вставить страницы с актами о купле и продаже, помеченные нужными числами и заверенные печатями. Галка оставила Анютку на бабушкин догляд, а сама пошла с мужиками, чтобы они ничего не напутали и не оставили следов.

Отдала выпивку только после того, как вернулись домой. Понимала, что им надо отдышаться после переполоха, и сама с ними полрюмки выпила. На другой день председатель позвонил в район и доложил, что виноват, напутал. Но когда внимательно пересмотрел документы, обнаружил, что дома действительно проданы и копии расписок в получении денег имеются. Потом рассказывал, как на него матерились, кричали, что передали очередь другим людям и вступительные взносы уже взяли.

— Ну, про взносы, допустим, они сочинили, а что новых покупателей нашли, не сомневаюсь,— закончил рассказ председатель и кивнул дяде Мише на подпол.

* * *

Посадив стариков и Галку с Анюткой в самолёт, остался ждать баржу, чтобы загрузить весь домашний скарб. Вроде и не жадничал, когда сортировал, что оставить себе и что раздать знакомым, но куча получилась внушительная. Глянул на неё и задумался: как рассовать всё барахло в городской квартире, где ни стайки, ни амбара, ни летней кухни? Откинул полог, укрывающий «москвича», потрепал его по крыше, словно коня по холке, и, как бы отвечая на шуточки тестя, подумал, что в городе машина не застоится, хватит ей работы, и запчасти, если приспичит, найти проще.

Баржа хоть и по течению, но ползла медленно. Фарватер лежал рядом с берегом. Привычные места не пролетали мимо, как перед окнами поезда, а тихо наплывали и стояли перед глазами. Их береговая избушка пряталась в кустарнике, но эти родные кусты были настолько знакомы, что он узнал бы их, даже если бы они переселились в другую тайгу. Ему даже показалось, что сумел высмотреть сквозь ветки угол избушки. Вспомнил, как нёс туда Галку в мокром платье, как пела она в лодке: «Поедем, красotka, кататься, давно я тебя поджидал». Подумал, как добрались они до города — наказывал ей не экономить и взять в аэропорту такси, а если старики будут уговаривать ехать в автобусе, не слушать их. Как доехали? За поворотом выполз валун, рядом с которым он столько раз вытаскивал лодку на берег и уходил к базовой избушке. За валуном показался высокий пенёк с ободранной берестой. Когда отец первый раз взял его на серьёзную охоту, береста ещё оставалась.

Посёлок гидростроителей увидел издалека. Ровные ряды новых двухэтажных домов, ещё не облепленных подсобными постройками. Его поразила безлюдность: ладно взрослые, они не успели вернуться с работы, но где попрятались ребятишки, сколько ни вглядывался, не заметил. Смотрел на посёлок — сначала наплывающий, потом отплывающий, — и ничего не шевельнулось в душе. Ни горечи, ни обиды, ни зависти к людям, которые приехали на новое место, приехали с большими надеждами, что здесь им наконец-то обязательно повезёт и кому-то наверняка заживётся лучше.

Они приехали, а он уезжал. Никакие большие надежды ему не грезились, но и страха не было. А чего бояться? Молодой, здоровый, он не сомневался, что обязательно выплывет, деваться-то всё равно некуда. Успокаивал себя: а кому легко?

Посёлок скрылся за очередным поворотом, и вместе с ним перестали доносить воспоминания о деревне, отпустили до времени. Вдоль берега зеленела привычная глазу тайга, но уже чужая. Надо думать о новой жизни, в который раз подбадривал себя. На его памяти переселилось в город не меньше десятка знакомых. И прижились, прилично зарабатывают, на курорты ездят, детишек в кружки и спортивные секции водят. У Серёги Мамаева дочка мастером спорта по акробатике стала. За границу на соревнования возят. С подарками оттуда возвращается. А его Анютка чем хуже? На фигурное катание можно отдать, а потом вся страна будет любоваться ей по телевизору. И к сеструхе поближе. Недавно Галка получила от неё письмо, и та по секрету похвасталась, что после училища вышла замуж за доктора. Он невысокого роста, но добрый и врач хороший. Работают в одной больнице. Не расписались, но живёт в его квартире. И главное — ждут ребёнка. Просила пока не говорить матери, потому что непонятно, как она отнесётся, что живёт без регистрации. А мать так и не оправилась, по-прежнему не выходила за ограду. Даже на свадьбу к нему

не пошла. Единственный раз улыбнулась, когда Галка внучку к ней принесла. Вот он и подумал, что, может быть, в городе, где никто не знает о её позоре, она воспрянет. Не очень верил в такую перемену, но надежда появилась.

Баржа шла только в светлое время, а по ночам стояла. Перед остановкой его окликнул рулевой с буксира, белобрысый парень, чем-то похожий на его армейского друга Лёху, и пригласил к себе в рубку на уху. Дорога предстояла долгая, мало ли что может случиться, так что с командой лучше дружить, чем ссориться, да и флотские разговоры хотелось послушать, народ-то бывалый, побольше его успели повидать. Ходить в гости с пустыми руками было не в его характере. Дядя Миша, упаковывая баулы и мешки для погрузки на баржу, расовал все запасы самогонки по мягким углам, чтобы не побились, но для знакомства брать самогонку не решился: кто их знает, этих городских, вдруг побрезгуют? Достал магазинную из своих запасов. Удивить его ухой было трудно, однако флотские рыбу не сэкономили. В юшке из окуней плавали добрые лафтаки щучины.

Белобрысого звали Кешей. На Енисей он попал после речного училища, а служил на Тихом океане. Слушать его было — не переслушать. Осмелев, попросил порулить, и Кеша не испугался, доверил. Очень хотелось посмотреть Казачинский порог, историй о котором наслушался от новых знакомых. Но проспал. Когда стал пенять: почему не разбудили? — Кеша успокоил: на Ангаре пороги не слабее.

В порту Кеша поймал знакомого шофёра и не только помог загрузиться, но и до дома проводил. Вещи были распакованы не полностью, но плита работала, и кастрюля с горячими щами была очень ко времени. Щами тоже хорошо закусывать.

Очень хотелось что-нибудь подарить Кеше, но как разобраться в груде вещей, сваленных в кучи? Не совать же бутылку, как случайному грузчику? Вспомнил, что любимый нож лежит в кармане рюкзака. Жалко было расставаться, но подарок и должен быть дорогим — для себя, а не «на, Боже, что нам не гоже». Кеша отказывался, но он настоял.

Пока они с Кешей выпивали, Галка сбегала к автомату и позвонила Верке. Беременная сестрица приехала с мужем на такси. Охи, ахи, обнимахи. Мать подошла к ней и ласково погладила живот.

— Когда родишь, возьмёшь водицца?

— А кому же ещё, если не тебе? — и, посмотрев на мужа: — Эдик будет очень благодарен.

Муж был одного роста с Веркой; сразу бросалось в глаза, что русская кровь разбавлена хакасской. Худенький, но с широкой крепкой ладонью. От рюмки отказался, объяснил, что у него ночное дежурство. Пообещал, что выпить за знакомство и за рождение племянника они успеют, и не раз. Держался ровно, не корчил из себя учёного, но и не заискивал, не старался понравиться с порога. А понравился. Особенно теще.

— Очень хорошего мужа нашла, — сказала мать, когда они ушли, — шшупленький, по дефкам бегать не будет.

Помог всё-таки переезд. Когда мать окончательно переехала к Верке, сестра забежала в гости и поделилась переменами:

— Ожила бабушка без деревни, будто помолодела. Подруг во дворе нашла. Интересы к жизни появились, но уже новые, городские. Я к лавочке подошла, где она по вечерам со своими бабулями судачит. Послушала, а они, оказывается, съезд обсуждают. Спорят чуть ли не до скандалов. Одной подруге Собчак нравится, а мама его терпеть не может, у неё академик Сахаров больше доверия вызывает. Домой возвращается, с Эдиком беседу заводит. Тот с ней на полном серьёзе, он и с пациентами высокомерия не позволяет. Если что спросит — растолкует, кто из депутатов перестроился вовремя, а кто свои принципы отстаивает. В «Санта-Барбаре» он, конечно, не советчик, бабушка в ней лучше разбирается, но Эдик всё равно слушает внимательно. А я заметила, что маме не нравятся те герои, которые напоминают отца, красивые, самоуверенные. Сказала Эдику, и он согласился. И ты уж не обижайся, но ты ей тоже папку напоминаешь, потому она и замкнута с тобой.

Странно было слышать такие рассуждения от младшей сестрёнки. Живя с умным мужем, и сама вроде как повзрослела. Может быть, она и права. Но соглашаться с ней не хотелось.

Переезд — занятие хлопотное: пока с документами вошкался, пока на барже телепался, пока деревенское барахло по закуткам распахивал... Заглянул в трудовую — и за голову схватился: после увольнения прошло двадцать пять дней. На раскачку оставалось меньше недели. Для сохранения непрерывного стажа надо было срочно устраиваться на работу. Это в деревне всегда можно было договориться, чтобы оформили задним числом, а в чужом городе никто с ним цацкаться не станет. Дом достался на окраине города. Через дорогу стоял глухой заводской забор. Дошёл до проходной, а там турникет и толстая некрасивая баба в будке. Догадывался, что существует отдел кадров, где ему всё растолкуют, но посмотрел на вахтёршу с брезгливо отвисшей нижней губой и подумал, что кадровичка может оказаться ещё злее. Намного полезнее переговорить с работягами напрямую. Пока огибал забор, видел пару тополей с ветками, нависающими над территорией, да и заборчик хоть и бетонный, но в его рост. Вернулся к тополям и без лишней волокиты оказался на заводе. Нашёл механический цех. Разговаривать с народом проще и полезнее, чем с начальством, ему врать никакого резона. Заработками недовольны всегда, но успокоили, что на соседних заводах приблизительно так же. Постоял возле токарей и решил, что не опозорится — можно смело идти к мастеру.

— А где на токаря учился?

— В армии, в стройбате служил.

— Армейская выучка — это хорошо, а деревенская практика развивает смекалку и делает универсалом. Давай пропуск подпишу, и можешь устраиваться.

— Да я без пропуска.

— А как ты прошмыгнул?

— Через забор перелез, — сознался и тут же пожалел: на погляд вроде и добрый мужик, но всё-таки начальник.

— Партизанщины не хватало. Подсудное дело, чтобы знал; но мне, в общем-то, фрезеровщик нужен. Не пробовал?

— Нет, но если Родина прикажет, могу попробовать. Если пару деталей запорю, надеюсь, не посадите?

— Обязательно, лет на пять, с конфискацией. Только не думай, что я такой добренький. Пить будешь — выгоню.

Понимал, что мастер доверяет, а при доверии работать легче, особенно учиться. Встал к фрезерному станку. Не без подсказок, и не сразу, и без брака не обошлось. Даже штраф за испорченную деталь высчитали — тоже наука. Терпел. А куда денешься?

Уже через год выполнял сложные заказы, а через два и «левые» прихватывал. Семью-то кормить надо.

Потом был краевой конкурс «Лучший по профессии».

— А почему бы и не выиграть? — засмеялся он, когда предложили принять участие.

Для форсу сказал, но в победе почему-то не сомневался.

Работал под наблюдением нормировщицы с секундомером и двух конторских мужиков, оба в новенькой спецодежде, но при галстуках. Мастер тоже присутствовал, для моральной поддержки. Дело привычное, а вспотел. Нервничал, пока нормировщица не щёлкнула секундомером. Комиссия забрала горячую деталь для замеров. Проверки и согласования тянулись долго. Делал вид, что забыл про конкурс, но всё-таки ждал. Наконец-то мастер подошёл после планёрки, пожал руку и заявил, что с него армянский коньяк.

Почётные грамоты вручали в Доме культуры. В президиуме сидели ветераны, увешанные медалями, в основном юбилейными. Шестеро пожилых мужчин и одна женщина, рослая, с бородавкой на щеке. Приветственных слов было много, но запомнилась только она. Без призывов к новым рекордам, без воспоминаний, как трудились они в военные годы, не выходя из цехов, она лишь позавидовала молодым, что работают они на современных сверхскоростных станках. Когда подошёл к ней получать грамоту, рассмотрел и грубое лицо в глубоких морщинах, и пучок белых волос вокруг бородавки. На лацкане пиджака тускнели всего две медали — «За трудовую доблесть» и «За трудовые заслуги». Всего две, но заработанные на войне; юбилейный «иконостас», в отличие от стариков,

не надела. А наверняка имелся. И ему подумалось, что и женское счастье обошло её.

При заполнении конкурсных документов выяснилось, что у него всего-навсего второй разряд. Выговорили мастеру. Пришлось заступаться, говорить, что сам отказывался, потому что платили с выработки. Сложность конкурсной детали вытягивала на шестой, но требовался экзамен по теории. Зубрить учебники не любил с детства, Сошлись — на пятом.

Вместе с грамотой выдали пятьдесят рублей и право на личное клеймо. Это уже серьёзнее, зарплата увеличивалась на десять процентов. Потом бухгалтерия посчитала, что рядовой работяга зарабатывает больше начальника цеха, и десять урезали до пяти. Но не успокоились. Если сначала проценты насчитывали на общий заработок, то по новому приказу стали платить от тарифа. По документам поправка почти незаметная, но для кармана весьма чувствительная. Ходить по профсоюзным придуркам, жаловаться и выяснять отношения — стыдно, особенно если всё равно зарабатываешь больше других. Ворчал, конечно, но даже подумать не мог, что подкрадываются времена, когда станут задерживать зарплату. От соседей поползут слухи, что потихоньку свёртывается производство, закрывают вспомогательные цеха.

А их завод закроют сразу.

* * *

Дело всегда можно найти — и дома, и в гараже оно само в глаза лезет и в руки просится. Вот только зарплату за него не платят. Деньги дома водились. Транжирой Галка не была, но и не скупердяйничала: и Анютку баловала, и с него отчёта за каждую копейку не требовала, потому что была уверена, что мужик два раза в месяц принесёт приличный заработок. Но когда регулярная подпитка прекратилась, в квартире стало как-то молчаливее, не замолкал только телевизор.

На прощание с родным заводом посидели с мужиками, выпили, пьянка получилась кособокая, со склочными воспоминаниями, двое даже поцапались, еле растащили. День отлежался, чтобы «выхлоп» выветрился, и поехал искать работу. Тряс перед кадровиками грамотой «Лучший по профессии», правом на личное клеймо, в ответ сочувственно кивали и уныло разводили руками: сокращение, своих ветеранов приходится увольнять. Ждал у проходных конца смены, чтобы поговорить с работягами. Ничего утешительного не услышал, кроме совета наведаться на «биржу». Объяснили, как туда добраться. «Биржей» называли улочку, на которую съезжались в поисках временной или одноразовой работы. Находилась она почти в центре города, рядом с речным вокзалом.

Не думал он, что придётся изведать подобное. Мужики с унылыми лицами стояли по обе стороны дороги в ожидании удачи. Когда

подъезжали машины «хозяев», кто-то из безработных резво подбегал, чтобы первым успеть предложить себя, потом, опустив голову, брёл на своё место. Но суетливых было немного. Основная масса вроде бы как и не жаждала найти работу, а пришла, чтобы не маяться дома и отчитаться перед жёнами и тещами. Аккуратно одетый мужичок прогуливался вдоль переулка с табличкой на шее. На табличке ровными буквами было написано: «ЭЛЕКТРИК»,— и стоял восклицательный знак. Чаще всего требовались грузчики, и уставшие ждать соглашались. Возле него остановилась красная иномарка. Моложавая женщина, зависая над пассажирским сиденьем, выглянула в окно: — Картошку на даче выкопаешь?

Первое, что бросилось в глаза,— грудь, просящаяся наружу из глубокого выреза кофты. Подумалось: а не надеется ли дамочка расчитаться натурой?

— Мне нужна мужицкая работа.

— Я могу и мужицкую предложить,— засмеялась она и медленно тронулась дальше, а метров через десять всё-таки посадила работника.

На этих двоих он сразу обратил внимание: слишком придиричиво разглядывали строй желающих им понравиться. Один сухопарый, в джинсовом костюме, другой — тяжёлый, с медвежьей походкой, одетый в камуфляжные штаны и такую же майку, легковатую для осени, заросший густой чёрной щетиной. Сухопарый скользнул по нему взглядом, но не остановился. Никого не высмотрев, повернули назад, и небритый крикнул:

— Нам нужен опытный тракторист.

Он оказался единственным.

— Где пахал?— спросил сухопарый.

— В леспромхозе.

— В самый раз. Только работа с выездом,— и, предвидя логичный вопрос, уточнил: — Около ста километров

— Надолго?

— Как работать будешь. Если не сачковать, за пару недель управитесь. День на сборы хватит?

— Попробую.

— Придётся постараться. Сроки поджимают. Завтра в восемь подъезжай к автовокзалу, Михал Иваныч тебя заберёт. Кстати, Михал Иваныч — не только имя, но и погоняло. Жить будете в балке, кормёжка за свой счёт. Ящик тушёнки, чтобы не искать, даю авансом. Крупу и макароны бери с запасом: мало ли что случится, вдруг дожди пойдут.

— Можете не объяснять, я по месяцу в тайге промышлял.

— Тем лучше, только учти, что бегать за рябчиками времени не будет.

— И сколько заработаю?

— Хорошо заработаешь. За две недели больше, чем за два месяца на алюминевом. А понравишься Михал Иванычу — и на следующую шабашку выдернем. Адресок продиктуй и телефончик, если имеется,—

он раскрыл папку.— Главное чуть не забыл: не вздумай брать водку, Михал Иванович алкашей не любит. Верно говорю, Михал Иванович?
— По существу.

Галка чувствовала, как мается он без работы, поэтому обрадовалась новости.

— В тайге поживёшь, молодость вспомнишь.

— Да с удовольствием. Всяко лучше, чем на алюминиевом. Да и не возьмут меня туда, там очередь на каждое место, а здесь обещали снова пригласить, если справлюсь.

— А чего бы ты не справился?

— И я про то, дело-то знакомое.

Галка ходила в магазин, принесла гречки, макарон и курицу, чтобы приготовить в дорогу. Когда собирала сумку, поставила в неё банку малосольных огурцов и полсетки молодой картошки — напарника домашним угостить. За ужином выставила бутылку отцовской самогонки.

— Только рюмочку: не дай Бог, связчик учует. Высадит из машины и уволит,— засмеялся он.

— Правда, чо ли?

— Не знаю, говорит, что трезвенник, но мне кажется, что врёт или запойный.

— А я хотела положить для знакомства.

— Не стоит рисковать.

Когда приехал на автовокзал, Михал Иванович был уже там. Курил, стоя у грязной «Нивы», одобрительно глянул на пузатую сумку и сам поставил на заднее сиденье.

— Теперь вижу, что бывалый человек. Прежний тракторист приезжал со сменной одеждой и запасом курева.

— Потому и расстались?

— Слабак оказался. Если бы даже не запил, всё равно бы пришлось нового искать.

— За балкóм куда будем заезжать?

— Хватился. Пока ты вчера с бабой прощался, я и балóк, и трелёвочник на место отогнал.

— Так позвал бы.

— Сам управился.

— А как твоего начальника зовут?

— Он не начальник. Он субподрядчик. Предприниматель. Находит заказчика и организует процесс. Мы валим лес в тайге и вытаскиваем к дороге, а другая бригада грузит и вывозит.

— Не маловато ли двух человек для валки?

— На двоих проще делить, чем на троих или четверых.

— А твой предприниматель, случаем, не кинет нас?

— Гарантировать в наше воровское время никто не может, но я с ним четвёртую командировку, пока расплачивается честно. Сколько

себе оставляет — не спрашивал, — а помолчав, добавил: — И тебе не советую.

— Ясно, что не меньше, чем нам.

— Так у него и работа рискованнее.

На дорогу от города потратили около двух часов. С асфальта свернули на грунтовку, потом ползли по лесной дороге, и около километра пришлось идти пешком, обходя глубокие лужи в разбитой колее. Балок и трелёвочник стояли в кустах, с дороги их было не видно. Михал Иванов открыл замок и вытащил из балка бензопилу «Урал» с присохшими опилками и бачок с бензином.

— Когда работал в леспромхозе, у нас были «Дружбы».

— Эта мощнее, но всё равно тяжёлая. Лучшего мы пока не заслужили. Так что переодевайся — и, как говорил Никита Сергеевич Хрущёв, обещающий, что мы будем жить при коммунизме, «за работу, товарищи»!

— Может, перекусим перед трудовым подвигом?

— А у тебя есть готовое?

— Курица, жена в духовке запекла.

— Доставай, а я пока чаёк соображу. Готовить будем на костерке, а то потом в балке не продохнёшь.

Несмотря на медвежью громоздкость, Михал Иванов двигался ловко и всё делал аккуратно.

— А баба-то у тебя заботливая, вон какой тормозок сочинила.

— Так в деревне воспитывалась. Она и молоденькой картошечки положила, вечером сварю.

— Молодой картофан обожаю.

Выпили по кружке чаю, перекурили. Михал Иванов поднялся, молча кивнул ему на трактор, а сам направился к пиле.

— Я тут осмотрелся: а делянку-то наш предприниматель выбрал не лучшую. И тонкомера полно, и коряжника.

— Есть такой анекдот. Мальчик подходит к милиционеру, протягивает грецкий орех и говорит: дяденька милиционер, раскуси, пожалуйста. Милиционер раскусил, мальчик сказал спасибо, убежал, а через пять минут возвращается с другим орехом. Милиционер и его раскусил. А когда мальчик принёс третий, говорит ему: что ты по одному таскаешь? Неси все сразу. А мальчик отвечает, что на помойке они кучкой не лежат.

— А мальчик здесь при чём?

— И нам тоже приходится на помойках искать. Там, где на халяву или подешевле.

— Теперь понял — фирма «Воруйлес».

— Теперь все воруют в меру возможностей, и Ельцин лозунг выдвинул: «Обогащайтесь, кто как может». Только приехали мы сюда не философствовать, а мантулить.

Дело было несложное и знакомое с молодости. Цеплял тросом десяток шестиметровых баланов, залезал в трактор, тащил их на

площадку, отцеплял и возвращался за новой порцией. Когда трудился в леспромхозе, без нужды из трактора не вылезал. Волохал трос и зацеплял баланы чокеровщик. А здесь всё приходилось делать одному. Зацепил, залез в трактор, отвёз, вылез из трактора, отцепил. И так — с утра до вечера, день за днём. Хорошо, что с вальщиком повезло. Баланы после Михал Иваныча лежали ровно, без поперечин и углов. Коряжник он или пропускал, или брал из него по одному балану. Вершинник оставлял, так его и раньше бросали не только шабашники. Леспромхозовских вальщиков хватало часов на шесть, а он держался до восьми, случалось, и от девятого прихватывал. Хотелось предложить перекур, но самолюбие не позволяло. Вечером готовили ужин и сразу засыпали. Разговаривать Михал Иваныч не любил. Никола даже не знал, женат ли напарник и откуда родом.

Работы оставалось на два-три дня. Уже нестерпимо хотелось увидеть Галку с Анюткой — чувство, подзабытое за годы городской жизни, когда не отлучался из семьи. Как в молодости в конце охотничьего сезона. Не видел своих какие-то две недели, а казалось, что целый год.

Дождь пришёл не ко времени и не к настроению. Сначала брызгал мелконький, и они продолжали работать, но быстро промокли и убежали сушиться в балок. Надеялись переждать, но он разошёлся и не хотел останавливаться. Пришлось устраивать ранний ужин, после которого Михал Иваныч прилёг отдохнуть и сразу же захрапел. Дождь лил всю ночь, а с утра припустился ещё сильнее. Михал Иваныч, подобно своему таёжному тезке, впал в спячку. В обед спустил ноги с лежака, открыл банку тушёнки, запил холодной водой и снова завалился лицом к стенке.

В балке стало душно. Он приоткрыл дверь, но брызги залетали на пол. Пришлось мириться с духотой. Думал, что не заснёт, однако усталость ещё не выветрилась. Проснулся на рассвете. Дождя было не слышно. Михал Иваныч оставался в той же позе. Не надевая брюк, чтобы не мочить их о сырые кусты, сунул ноги в сапоги и пошёл искать сушняк для костра. На лежавшей чуть в стороне от трактора спиленной верхушке сосны сидел бурундук и смотрел на него. Любопытный и доверчивый. Вспомнил, как в один из сезонов такой же полосатый сосед прижился возле его избушки на целый месяц. Подпускал к себе так близко, что при желании можно было поймать, но желания не возникало, боялся, что зверёк испугается, а если не давать волю рукам, можно полюбоваться и даже поговорить. Он сделал шаг к нему, но бурундук спрыгнул с ветки и пропал из виду. В надежде снова увидеть полосатого сделал ещё шаг. Наступил на мокрый ствол, нога поехала и провалилась между ветками. Его повело вбок, но удержался, не упал. Осмотрелся — бурундука не было. Стал освобождать ногу и почувствовал резкую боль. Наступать уже не мог. Прыгая на одной ноге, добрался до балка, но надо было как-то одолеть две ступеньки. Крикнул Михал Иванычу, тот не отозвался,

спал. Присел на ступеньку, огляделся. На костровище лежала недогоревшая ветка, годная, чтобы опереться, снова пришлось прыгать, каждый скачок отдавался болью. То, что у него перелом, а не вывих, он уже не сомневался. Пока добирался до топчана, о работе не думал, но стоило лечь — и в голову сразу же ударило: как быть дальше?

Михал Иваныч осмотрел ногу и с брезгливостью спросил:

— И какого ляда тебя туда понесло?

— Отлить вышел, — говорить о бурундуке не решился.

— Мог бы и с порога, — покачал головой, хмыкнул и снова покачал, словно прикидывая что-то в уме. — Подвёл ты меня, паря. Ты представляешь, сколько мне теперь одному кувыркаться: навали, потом залезай в трактор, таскай и снова вали? Ни в какие графики не лезет. А люди-то ждут.

Он всё понимал и виновато соглашался.

— Подвёл. Подвел и меня, и себя. Процентом тридцать, считай, потерял, — подумал и утвердил: — Верных тридцать процентов. Да и с тобой надо что-то делать. Сейчас вырублю тебе костыль, доковыляем до машины, выведу тебя на трассу, и лови попутку до города.

И возразить нечем: не тратить же на него рабочий день? Действительно подвёл. Хотя штрафной процент мог бы и снизить.

— Адрес напиши. Или у тебя визитка при себе? — и хохотнул, довольный собственной шуткой.

— Откуда?!

— Да кто тебя знает? Может, ты шпион.

— Так я предпринимателю твоему адрес давал.

— Пусть и у меня будет.

Чистой бумаги не нашлось, записал на обрывке газеты. Дал и адрес, и телефон. Михал Иваныч вложил бумажку в паспорт, потряс им перед его глазами и спрятал в карман.

— Как только расчёт получим, сразу привезу. Но тридцать процентов — извини, сам виноват, подвёл ты меня. И сегодня полдня теряю.

Свой адрес дал, а его не попросил, подумал: коли честно предупредили о штрафе, остаток должны выплатить. Через десяток дней подползло беспокойство. Если даже Михал Иваныч будет работать в три раза медленнее, всё равно должен закруглиться. Каждый звонок в дверь заставлял хватать костыль, но гостя с деньгами почему-то не было. Прождал ещё неделю.

У Анютки появился ухажёр, крепкий парнишка, играющий в регби. Жили в одном доме, Витёк учился на два класса старше, и когда девчонка подросла, безжалостно отваживал всех её воздыхателей. Характер у неё был дедовский, сначала ей не нравилась излишняя напористость, гнала парня, но постепенно обуздала и полностью подчинила себе. Витёк был рад потакать любому её капризу. И ей стало нравиться, что у неё в услужении не просто самый здоровый парень во дворе, но ещё и спортсмен, который ездит по всей стране и привозит подарки, на зависть подругам.

Попросил дочь, чтобы привела жениха в гости. Витёк пришёл к обеду, но есть отказался, поскромничал.

— Ты машину водишь?

— Конечно,— обиделся парень.

— Не испугаешься без прав на моей свозить за город?

— Почему без прав? У меня есть права. И зачем на вашей? У меня своя во дворе стоит.

— Какая?

— Пока «Жига».

— Откуда?

— По доверенности, товарищ отдал, она ему не нужна. А куда ехать?

— Меньше сотни километров, но асфальт не до конца.

— Там, где лес воровали?

— С чего взял, что воровали?

— Я что, совсем наивный?

— Когда сможешь?

— Да хоть сейчас.

Вёл Витёк уверенно, как опытный мужик. Доехали быстрее, чем с Михал Иванычем. Когда начались глубокие лужи, он велел остановиться. Ни трактора, ни бензопилы не было слышно. Стал вылезать из машины, но парень остановил.

— Ну куда на костылях?! Покурите, а я быстренько сбегаяю, не заплутаю небось, дорога-то одна,— он вышел из машины и достал бейсбольную биту.

— А это зачем?

— На всякий случай.

— Ты что, заранее запасся?

— Товарищ в багажнике возил, а я не стал выбрасывать, вещь денег стоит.

Ходил Витёк, наверное, не очень долго, но пока ждал, извелся. Понимал, что надежды нет, а прислушивался: вдруг заработает трактор? Но в лесу было тихо, разве что ворона села на дерево и закаркала.

— Ну чего привязалась? Как, как — хреново, вот тебе и как.

Зря гонял парня.

— Ни балка, ни трактора, ни брёвен — всё увезли. Уехал цирк,— отчитался Витёк.— Только вот что я нашёл там, где балок стоял,— и протянул пистолетную гильзу.— Случайно заметил, я даже поискал, нет ли трупешника. В буреломе, что вы наворочали, соваться не стал, чтобы ноги не поломать, но по краям посмотрел. У него пистолет был?

— Да я откуда знаю? — выматерился и как можно бодрее предложил: — Поехали домой, самогонку пить.

— Да я же крепкое не пью, только пиво. Может, на «биржу» заглянем?

— А толку?

— На всякий случай.

Заглянули — бесполезно. Потом заезжали и караулили с утра до обеда.

Пропали денежки.

— Вот тебе и тридцать процентов. Лихо успокоил и обнадёжил.

Но Витька зацепило. Спортивный азарт взыграл. Попросил описать внешность жуликов, чтобы съездить ещё раз. Михал Иваныча обрисовать легко, такого и в толпе не перепутаешь. А предприниматель — ну, в джинсовом костюме, сухопарый, среднего роста — да мало ли таких? Три дня отдежурил на «бирже», Михал Иваныч не объявился.

— Не всё потеряно. Пацанам, у которых есть знакомые среди торгующих лесом, передам приметы. Если найдут, они не только штрафные проценты спишут — в двойном размере заплатят. Но откуда эта гильза? Что хочешь, то и думай.

Слушал и удивлялся: откуда у парня такая хватка? Неужели будущий зятьёк из тех крепких ребят в спортивных костюмах? И догадывается ли об этом Анютка?

* * *

Искать работу на костылях — занятие бесполезное. Спустился во двор поиграть в карты. Компания была постоянная. Удивились, почему долго не показывался, — а чего удивляться, если человек на костылях? — Теперь тебе, хромоту, прямая дорога в сапожники, — пошутил Сашка Сорокин, забулдыга из их подъезда

Сашка работал в обувной артели, но пил, и его постоянно выгоняли оттуда, а потом звали назад. Видимо, мастером был действительно неплохим, сам-то он считал, что равных ему два-три человека во всём городе, самое большое — пять.

— А что, у меня дедушка сапожничал, кое-чему научил. Чирки могу сшить.

— Чирки? Что за модель, и почему я не слышал о ней?

— Деревенская обутка, кстати, очень удобная и практичная.

— Чирки — это, конечно, высший пилотаж. После них сшить дамские сапоги — раз плюнуть.

— Дамские сапоги — не пробовал. А ты научи, авось и получится.

— Ну наглец. Ты хоть представляешь, сколько материала надо извести, чтобы научиться? А кожа нынче дорогая. Хром ещё дороже.

— Да и сапоги не дешёвые. И нет их в магазинах, только на барахолке. У моих девчонок совсем разбитые. Галкины — ладно, сам подлатал, а дочку в латаных не отправишь, невеста уже.

— Сам, говоришь, подлатал? А ну-ка покажи.

— Что я тебе — на костыле побегу за сапогами? Приходи, если покритиковать хочется, дома покажу.

И Сорокин пришёл через день, знал, что нальют хорошей самогонки. Но для солидности изобразил профессиональный интерес, попросил показать заплатку на сапоге. Осмотрел, посетовал, что цепляться за подгнившие края очень трудно, и это звучало как похвала.

— Руки у тебя умные, могу взять в ученики, если вступительный взнос нальёшь. Только не казённую, а ту, которая на травках настояна, — и, увидев бутылку, добавил: — И огурчики твоя Галя хорошо солит, лучше, чем моя городская супруга.

После третьей рюмки разговорился.

— На костылях, даже при моей рекомендации, могут не взять, но первые уроки я тебе на дому проведу. У меня дома всё оборудование: и машинка заводская, и фурнитура любая, и хром высшего качества. А начнёшь самостоятельно хромать, отведу к начальству, зарплата у нас небольшая, а зарабатывать можно хорошо, если руки нормальные. Хотя и безрукие тоже зарабатывают.

— Воруют, что ли?

— Не совсем. Химичат. Сапоги, которые шьём по заказу для передовиков производства и прочих профсоюзных деятелей, наши тётки из Дома быта через родственников сплавляют на рынок. Нам начисляют за пару семь рэ, они толкают барыгам за семьдесят, а те уже — в зависимости от спроса. Я из любопытства заглядывал на базар. Стоят, мои родненькие, свою-то работу завсегда узнаешь. Где справедливость? Так и вынуждают нарушать кодекс строителя коммунизма.

Когда сменил костыль на палку, Сорокин отвёл хромого в мастерскую и устроил своим учеником — «посадил на липку». По плану мастер должен был сдать двадцать пар, а через полгода больше половины плана Сорокина приходилось тянуть ему. Левые заказы у великого мастера постоянно переходили в загулы, а загулы заканчивались болезнью и трясущимися руками. Но обойтись без учителя он не мог, потому что колодки, каблуки, хром и прочую фурнитуру добыть самостоятельно не хватало связей, да и жалко было мужика. Пахал за двоих. Это большое начальство постоянно жалуется, что вынуждено работать круглые сутки. Сапожник круглые сутки работать не может, ему обязательно надо поспать, чтобы руки уверенность не теряли и глаза не мутнели от клея, иначе брак пойдёт, а платить за материалы из собственного кармана приходится, опять же в отличие от большого начальства, у которого за брак платит государство.

Поначалу без промашек не обошлось, но приноровился. Сдавал два плана и выкраивал время, чтобы мать с тёщей переобуть и Галку с дочкой. Анюткины сапоги вышли на загляденье, и нога в них пряталась как в раю.

А Сорокина всё-таки уволили — не за прогулы и не за левые заказы, за которые можно было гнать любого мастера. Припёрся пьяный на работу, попросил у приёмщицы денег, а та пожадничала, и понесло мужика. Высказал, как пристраивает она сапоги своим знакомым, а те несут их на барахолку. Раскричался на всю мастерскую, не обращая внимания на заказчиков, резал правду-матку обо всех махинациях. Такого простить не могли. Даже среди своих нашлись особо ретивые, чтобы угодить начальству. Заступаться за учителя было бесполезно,

но камня в него не бросил. Тем более что перед этим попался сам. Пообещал сестре помочь с ремонтом. Её умный муж ничего не умел делать по дому. Взял на три дня отгулы и с утра до ночи кроил и клеил плитку на потолки. А в это время в мастерскую нагрязнула комиссия. Открыли его стол и обнаружили четыре неучтённых пары. Составили акт. Оправдываться было противно и стыдно. Простили на первый раз как мастеру, которому можно доверять «особый эlegant» из белого хрома, к тому же и план сдавал регулярно.

Заводскую сапожную швейную машинку урвал при случае, через главного механика обувной фабрики, когда те после хитрой приватизации без лишнего шума распродали оборудование. Новенькая досталась, целый день подходил любоваться. И обошлась примерно в двадцать пар сапог. Но сапоги сносятся, а своя машинка останется надолго. С таким сокровищем можно было организовывать семейный подряд. Галке доверил машинку, Анютку назначил главным модельером, а сам затягивал в готовые сапоги всё, что помощницы накроили и сшили. Кроме того, приходилось мотаться по городу в поисках сырья. Узнал от Сорокина, что на алюминиевом заводе организовался кооператив по литью пряжек. Съездил, закупил по дешёвке большую партию, поделился с Сорокиным, но себе осталось столько, что Анютка смеялась, как бы не пришлось эти пряжки передавать по наследству её детям.

Случались клиенты, которые выходили прямо на него, но без перекупщиков не обойтись. Самому торговать было стыдно, и девчонок впрягать не хотелось, жалел. А барыги нагнали. Сбивая цену, канючили: дескать, слабо покупают. Уступал. Со ста семидесяти снизил до ста пятидесяти. Потом решил проверить. Послал Анютку прицениться к своим же сапогам. Торгаш запросил двести пятьдесят. Почти в два раза наварил. Пришлось искать нового купца. Через неделю барыга позвонил, поинтересовался здоровьем, обрадовал, что рынок налажился, готов брать по сто восемьдесят за пару. Скандалить не стал, сослался, что подвернулся новый посредник, даже извинился. А тот, конечно, всё понял. Барыги — народ догадливый.

* * *

Он сидел в цветных ситцевых штанах и в фартуке, когда Анютка привела ему гостя.

— Вот, папа, человек говорит, что из вашей деревни, только на деревенского не похож.

— Почему из вашей? — засмеялся гость. — Ты вроде тоже в нашей деревне родилась. Нехорошо отрекаться от родины.

— Я не отрекаюсь, просто с языка сорвалось, — смутилась дочь, разглядывая представительного мужчину.

— Тулуп, ты, чо ли?

— Я! Овчинников Николай Павлович собственной персоной.

— Встретил бы на улице — мимо прошёл.

Лукавил, конечно, глаз-то цепкий. Хотя изменился сильно. Считал, что он обязательно растолстеет, девчонки в школе Пончиком звали, а он подобрался как-то, ни живота, ни второго подбородка, даже подросток. И одет солидно: двубортный серый костюм, галстук, очки; впрочем, очки он и в школе носил.

— А ты ничуть не изменился, а прикид вообще зашибись, — открыл портфель и выставил бутылку. — «Хеннесси» будешь?

— Буду, хотя и предпочитаю самогонку.

— Это почти одно и то же.

— А я вас в универе видела, вы к нашему декану приходили, — встряла Анютка.

— Учишься там? Филолог?

— Обижаете — математик.

— Молодец, коллега.

— Слушай, математик, иди-ка на стол собери, нам с дядей Колей обняться надо, столько лет не виделись.

— Однако не меньше двадцати.

— Вижу, в большие люди выбился.

— Есть немного, но не в самые большие.

— Погоди, я слышал, ты в учёные подался?

— Подался, а потом за место под солнцем бодался. Диссертацию быстро защитил, самый первый из выпуска, и остался в универе преподавать. Докторскую написал, но тебе это, полагаю, неинтересно.

— Почему же? Рассказывай.

— Долгий разговор. Короче, написал свою докторскую, но не защитил.

— Не пропускали?

— Скажем так, тормозили. Стандартная история. Не я первый, не я последний. Потом перестройка грянула. Для защиты деньги понадобились, а где их взять? Те, что отец оставил, царствие ему небесное, инфляция сожрала. Помнишь то время? Сам, наверное, пострадал?

— Кто его не помнит? Больших запасов у меня не было, но всё-таки шибануло.

— Всех шибануло, кроме торгашей и хозяйственников, которым было что прихватизировать и продать. А что может продать преподаватель универа? Зарплату нам всё-таки платили, но нищенскую. Представляешь, «челноком» в Китай смотался, но и там кинули.

— Прошу к столу, дорогие гости, выпивайте, закусывайте, вспоминайте, — Анютка явно кокетничала с Тулупом, старалась произвести впечатление на влиятельного человека.

Такой свою хулиганистую дочь он ещё не видел. Девчонка превращалась в женщину.

— Накрыла — и шагай к своему вязанию, не мешай мужикам материться.

— А ты разве умеешь?!

— Остроумная девушка, — засмеялся Тулуп. — Ну, ладно, давай за встречу.

— Кстати, а как ты меня разыскал?

— Я разве не сказал, что в администрации губернатора подвигаюсь?

— Ничего себе! Уж не замом ли губернатора?

— Можно сказать и так, а если точнее, замом зама. Поэтому адрес нашёл без проблем.

— А как Юлия поживает? Деревенские говорили, что вы поженились.

— Был такой период. Со школы дружили, сам знаешь, но на третьем курсе она сошлась с актёром из ТЮЗа, хорошо ещё — не из кукольного театра. Богема засосала. Зарабатывают провинциальные актёры гроши, перспективы, что заметят киношные режиссёры, мизерные, а самомнение огромное. К тому же, по её словам, психопат был и дикий ревнивец. Когда устала, пришла ко мне. Я к тому времени к защите созрел. Три института сватали, но дело не в этом, не выгоды она искала. После актёра ей покоя хотелось. Мы даже расписались. Я о сынишке мечтал. А она или не могла, или не желала. Но я готов был терпеть. Защитился, стал прилично по тем временам зарабатывать. И она востребована. В город фирмачей понаехало. Красивая женщина с тремя языками нарасхват. Жаль, китайского не знала, на китайца она бы не польстилась. Но американец уболтал, уехала в Штаты, на родину любимого Хемингуэя. Три года в Чикаго прожила. У неё как по тарифу — на каждого мужика её хватает только на три года. В Америке, вот уж чего не ожидал, возненавидела избыточный американский патриотизм и стала русской патриоткой. Но хватит об этом. Когда в Штаты улетела, я даже запил.

— Ты вроде как противником был?

— Я и сейчас противник. А тогда запил. Месяц дурил, но не моё это, и одноразовые бабы — не моё.

— Один, чо ли, живёшь?

— Когда Юлия в Германию перебралась, женился, сынишка растёт. Балбес балбесом. И хватит обо мне. Ты что, как выбрался из деревни, всё время сапожничает?

— Сначала на заводе работал. Теперь закрыли завод.

— Наломали дров, энтузиасты хреновы. Я, собственно, по делу приехал. На рыбалку не хочешь слетать?

— Куда, на Ангару?

— Нет, на Фатьяниху.

— Не слышал о такой. Далеко?

— Под Туруханском.

— Далековато и дороговато.

— Не беспокойся, фирма платит за всё. Главное, чтобы ты согласился.

— Согласен. А когда?

— Дня через три. Проясняю ситуацию. Московский профессор сделал операцию матери моего шефа и в качестве гонорара просит

организовать рыбалку. Нужен опытный и неболтливый человек. Лучшей кандидатуры, чем ты, я придумать не мог. Но у шефа отыскался дальний родственник по линии жены, бывший геолог, у него и лодки есть, успел заныкать, когда в хозяйстве раздрай пошёл. Он, кстати, и речку предложил, гарантировал тайменей.

— На рыбалке гарантировать нельзя, — усмехнулся Никола не без ревности к незнакомому геологу.

— Это ваше дело, я не специалист. Вопрос в другом. Выяснилось, что профессор оперировал в Швеции, и ему подарили какие-то дорогие снасти, хочет опробовать их в Сибири. Но снасти в Москве. Поэтому вызвал ассистента, чтобы тот привёз их. На мой взгляд, каприз, а приходится ублажать. Троим в лодке тесновато, для комфорта потребовался второй экипаж. Вторым Дерсу Узалой будешь ты.

— Я не гордый, согласен и на третью роль.

— На речку вас забросит вертолёт. Порыбачите, потом туруханцы выдернут вас в Верхне-Имбатск, там пересядете на катер. Профессору, видите ли, Енисей хочется посмотреть. Дойдёте до Бора, а оттуда на вертолёте в город. Он сначала хотел до Красноярска доплыть, но мы образумили, сказали, что две недели скучать придётся.

— Оно и так на пару недель растянется.

— И я про то. А катер — не туристический лайнер. Да и в лодке, полагаю, не очень комфортно для избалованных москвичей. С ума сойти можно. Лично я ни за какие шанежки.

— Тебя и в деревне с дивана без бульдозера не сковырнуть было, а после городской жизни и подавно.

— Речь не обо мне. Твой бизнес не пострадает?

— Ково там! Работы почти не стало. Сапог в магазинах полно.

— А чего за неё держаться? Давай к нам устрою, в администрацию.

— Кем? Ботинки вам чистить?

— Зачем? Хозяйственным рабочим. Столяром, например. Будешь ремонтировать всё, что ломается. Зарплата меньше, чем у губернатора, но регулярная.

— А я возьму и соглашусь. Тогда что будешь делать?

— Сейчас поздновато, и выпили уже, а завтра с утра напишем заявление и поставим первый рабочий день. А рыбалку оформим как производственную командировку.

Самое удивительное, что и заявление подписали, и командировку выписали.

* * *

Тулуп провожал их на джипе. Заехал на территорию порта и подогнал машину прямо к вертолёту. Человек из администрации, видимо, имел право. После погузки отозвал его к джипу.

— От родственничка разит, хоть закусывай. Ты будешь за старшего. Пойдёшь в лодке с профессором, ассистенту и геолог подойдёт. С москвичами поаккуратнее, гонор попридержите, продемонстрируйте легендарное сибирское гостеприимство во всей широте. Я пару литров поставил в коробки с едой. Надеюсь, в первый день всё не выжрете,— подошёл к гостям и пожелал «ни хвоста, ни чешуи».

В вертолёте он летел в первый раз и боялся опозориться. Кто-то из друзей пугал, что выворачивает наизнанку страшнее, чем в Ан-2. Но оказалось не так и страшно. Геолог прилёг на мешки с лодками и заснул. Гости прилипли к иллюминаторам. Все молчали, знакомство сдвинулось на удобное время. Когда под ними завиляла речка, геолог перебрался в кабину, чтобы выбрать место для посадки. Приземлились возле воды. И вверх, и вниз по реке лежало широкое плёсо, почти без течения. Берег был ровный и сухой. Разгружались при работающих двигателях. Мешки и коробки сбрасывали под крутящимися лопастями, вжимая головы в плечи. Геолог задержался в кузове для проверки, потом спрыгнул на землю и приказал лечь на барахло, чтобы ветер от винта ничего не унёс в воду.

Помахали вслед улетающему вертолёту и начали знакомиться. Профессора звали Юрием Фёдоровичем. Невысокий мужичок в потёртой куртке, похожий больше на деревенского жителя. Зато его ассистент Василий прилетел в модной кожанке — видимо, для рыбалки ничего попроще не нашёл. Холёный брюнет с голубыми глазами. Самоуверенная вальяжность не то чтобы подсказывала — кричала о его успешности. Рука у него была мягкая и вялая. Геолога звали Геной. — А я думал, что сибирские геологи все бородатые,— сказал Василий. — По молодости в поле запускал, да она у меня реденькая, чего народ смешить.

— Как у телушки на пи...шке,— хохотнул Юрий Фёдорыч.

Гена, пропустив обидную шутку, поднял руку:

— Господа браконьеры, поздравляю с высадкой на берег одной из красивейших речек Сибири.

— Почему браконьеры? — возмутился ассистент.

— Потому что у нас все нормальные рыбаки — браконьеры, кроме рыбнадзорцев, ментов и партийных работников, или... как их теперь обзывать. Дело в другом: благополучное прибытие надо отметить, чтобы и обратная дорога не подкузьмила.

Геолог достал из кармана фляжку и протянул профессору. Тот отказался. Ассистент последовал примеру старшего товарища. Никола понял, что Гена затеял ритуал не из жажды опохмелиться, выпить он мог и в вертолёте, пока гости глазели на пейзажи,— мужик хотел показать характер. Не поддержать Гену было бы предательством, что бы там ни наказывал Тулуп.

— Теперь второй вопрос,— продолжал геолог, завинчивая крышку фляжки.— Здесь рыбы нет. Плёсо кончается за поворотом, и начинается

длинная шивера, там настоящая рыбалка. Можем накачать лодки и двинуть туда, но пока навьючиваем груз, пока плывём по медленной воде, пока выбираем место для табора, времени на рыбалку почти не останется. А здесь сухо и дрова рядом. Выбирайте. Как скажете, так и будет.

— А змеи здесь есть?— спросил Василий.

— Здесь точно нет, а дальше могут быть.

Все смотрели на профессора.

— В Горыныча мать, без бабей ночевать. Здесь остаёмся. Васька, ты буржуйскую пилу не забыл?

— Как же я забуду! Вы же изматерите и пешком в Москву отправите.

— Дай Николе дров напилить и чурбачков нарезать, чтобы у костра посидеть, коли рыбалка срывается.

Ассистент долго рылся в куче выгруженных из вертолёта вещей и наконец-то принёс футляр с бензопилой. Такую красавицу держать в руках ещё не приходилось. Не то что наша «Дружба» или «Урал». Лёгонькая, как детская игрушка; не терпелось быстрее заправить её и бежать в лес пилить чурбачки для профессорской задницы. Геолог занялся палаткой, а он пошёл искать дрова. Остановился у первой попавшейся на глаза валежины и опробовал пилу. Не работала, а пела. Под горячую руку навалил столько, что за неделю не сжечь. Заодно присмотрел и тоненькие берёзки на шести. Тоже спилил. Гена успел поставить палатку и накачивал лодку. «Лягушка» насоса тяжело вздыхала под его ногой, а ссохшийся ниппель трескуче пощёлкивал.

— Больше года не пользовался, но дома проверил. Нормальные лодки, не травят.

— А где москвичи?

— По берегу пошли, не терпится.

— Да я и сам бы не вытерпел...

Хотел пожаловаться, что давно не был на рыбалке, но вдруг услышал вопль.

— Попалась! Поймал!— к ним бежал Василий и тряс над головой рыбиной.— А некоторые асы уверяли, что рыбы здесь нет. Для вас нет, а я поймал.

— Так это же щука.

— А щука разве не рыба?

— Сорная. Настоящая ждёт нас в шивере.

— Лучше синица в руках, чем журавль в небе,— бросил щурёнка им под ноги.— Почистить надо, а я побежал ещё ловить.

— Почистить ему. Поймал, пусть сам и чистит,— проворчал Гена, продолжая давить на «лягушку».

— Не обращай внимания. Меня просили не обижать их.

— Я и не обижаю, терплю.

Гена спустил лодки на воду и стал перетаскивать в них вещи. Фляги ставил с особой тщательностью. Он предложил помощь, но геолог отказался.

— В шивере потрясывать будет, надо понадежнее навьючить, чтобы не растерять. Занимайся костром.

Никола перетаскал дрова к костру, попилил их, нарезал чурбаков для сидений. Ошкурил четыре шеста.

— А зачем четыре?— засмеялся Гена.— Ты думаешь, они за шесты возьмутся?

— На всякий случай. Ты покури, а я пойду профессора встречу, помогу рыбу донести.

Он вроде как пошутил, а профессор и впрямь вытащил четыре щуки, и одну из них приличную.

— Как думаешь, Никола, на полпуда потянет?

— Запросто,— согласился он, хотя в щуке было не больше пяти кило.

Василий поймал ещё одну щучку. Уху варил геолог; не сбивая чешую, порезал рыбу кусками и бросил в котелок. Туда же спустил и промытые потроха. Профессор предложил выпить за почин по пятьдесят миллилитров, и, когда подняли кружки, Василий заявил: — А что, Юрий Фёдорович, получается, что без нашего улова пришлось бы консервами закусывать?

Гена поперхнулся водкой, но стерпел, даже приободрил:

— Между прочим, щуки в горных речках намного вкуснее, нежели в равнинных, потому что вынуждены питаться исключительно хариузом и ленком.

Наливая уху в чашку, Василий увидел чешую на куске рыбы, закричал на Гену:

— Ты что, совсем одурел? Почему рыба в чешуе? Вот она, русская лень-матушка.

— Я всегда так делаю, для навара, а чешуя легко снимается вместе с кожей,— он достал кусок рыбы, легко снял кожу и бросил в костёр.— Видишь, всё просто, юшка чистая, настоящая рыбацкая уха. А наутро будет отличное заливное, плюс ко всему.

Гена с Василием отчалили первыми. Профессор дошёл до лодки и почувствовал, что сбилась портянка. Пока возвращался к чурбачкам, чтобы сидя переобуться, пока пытался выловить шальную щуку, сыгравшую на середине реки, более расторопные снимали сливки с шиверы. Гена с удочкой стоял на камнях, а Василий махал спиннингом чуть впереди. Слово по заказу, Гена выворотил здорового чёрного хариуса у них на глазах. Профессор схватился за спиннинг, но берег был завален курумником, и он причалил метров через двести, к мелкому пологому галечнику. Помог выбраться профессору из лодки, показал, куда бросать блесну, объяснил, что в буруны кидать нежелательно, а таймени стоят под камнями. Катушка у москвича была безынерционная, импортная. Не без удивления отметил, что со спиннингом управляется он уверенно и умело. Блесну кладёт туда, куда направлял. Первого хариуса поймал не сразу, нервничал и слишком быстро крутил катушку, опасаясь зацепа, зато когда взялся, вывел

спокойно, дав глотнуть ему воздуха. Перед тем как опустить рыбину в кан, который уступил ему Гена, взвесил её на руке и, довольный собой, выматерился. При следующей поклёвке удилище согнулось в дугу, а потом резко выпрямилось. Профессор выматерился вслед ушедшей рыбине, и матерок был по-прежнему восторженным. Сам Никола начал бросать только после того, как профессор один за другим выловил двух ленков. Сделал несколько бросков, но поклёвок не было, а профессор не мог налюбоваться своими ленками.

— Красавцы, почти как форель!

— Не знаю, форель у нас не водится.

— Зато у вас таймени. Надеюсь, повезёт.

— Куда они денутся? Шивера не последняя. Потом и парочка порогов будет, Гена карту смотрел. Вы идите первым, а я следом, на зачистке.

Далеко профессор не ушёл. Блесна всё-таки зацепилась. Надо было помогать. Попытался забрести в воду, но рано началась глубина. Велел держать леску внатяг и побежал за лодкой. Подплыл со стороны реки, подцепил леску шестом, и блесна, застрявшая в донных камнях, освободилась.

— Спасибо, Никола, блесёнка дорогая, за валюту покупал, и уловистая оказалась. А ты что, ни одной не поймал?

— Не берёт пока. Не беспокойтесь, успею.

— Ну-ка покажи снасть,— осмотрел, крутнул пальцем катушку.— «Ленинградская». Если бы ты знал, сколько «бород» я на ней сделал — распутывать никаких нервов не хватало. У меня запасная буржуйская в коробке лежит. Хочешь попробовать?

— Спасибо, я к своей привык.

— И блесна прям-таки на акулу,— достал из кармана пластмассовую коробочку, покопался в ней и протянул жёлтую блесёнку.— Дарю.

— Да не надо.

— Бери, не стесняйся. У меня целый арсенал, из каждой поездки привожу.

Было неудобно. Только глаз-то загорелся, захотелось попробовать. Пока стояли, к ним подошёл Василий. Профессор при нём вывалил рыбу в лодку. Показал на ленков:

— Смотри, какие красавцы.

— Вы бы видели, сколько этот крокодил Гена наворочал. На простую удочку, даже без червей, на какую-то обманку, «мушкой» называется.

— Хариусы?

— И ленки тоже. Один даже крупнее ваших. Говорит, что и таймешонка поймал, но в речку выпустил, маленький якобы. Может, и наврал.

— Маленьких таймешат положено отпускать, пусть растут и плодятся.

— А маленькие — это какие? — полюбопытствовал профессор.

— Где-то до трёх кило.

— Неслабо,— и предложил подождать, пока Гена подгонит лодку забирать Василия, чтобы посмотреть на его ленков.

Присаживаясь на камень, подстелил куртку.
— Простату надо экономить.

После шиверы началось длинное мелкое плёсо. Никола толкался шестом, а профессор, сидя на носу, кидал блесну, но никто не брал, даже шуки. Под лодкой просвечивало дно, выложенное ровным замшелым плиточником. Ловить было бесполезно, но разуверять самолюбивого старика не стал. Гену догнали в перекате, но тот махнул рукой, чтобы плыли дальше. Причалил, когда речка сузилась и шест едва доставал до дна. Улова на изгибе реки показалось ему обещающим, отправил туда профессора, а сам решил опробовать «буржуйскую» блесну, не отходя от лодки. На первом же забросе взял крупный ленок. Пока его вываживал, профессор добрался до улова. В надежде, что ленки стоят парами, бросил ещё несколько раз. То, что у профессора взял таймень, сначала услышал, а потом увидел, как большая рыба с красным хвостом делает свечки над водой. Побежал помогать. Забыв, что всю дорогу обращался к нему на «вы», начал командовать: — Помучай его, только не давай слабины, попробуй приподнять башку, пусть воздуха глотнёт, отпусти его речнее, коли рвётся туда, потом подтащишь, но леску держи в постоянном натяге, а я за ружьём летаю.

Пока стаскивал полиэтилен, которым Гена укрывал вещи на случай дождя, пока вытаскивал мешок с ружьём... Когда подбегал к лодке, услышал гремучий камнепад профессорского мата. Спиннинг валялся на галечнике, безвольная леска уходила в воду.

— Всё делал, как ты велел. Подвёл уже, он и сам навстречу ко мне подался, потом резко развернулся — и в реку. И п...ц.

— К берегу рано подвёл. У берега он звереет.

— Как думаешь, сколько в нём было?

— Не меньше пуда.

— Мне кажется, больше. Но прочувствовать настоящего тайменя всё-таки успел.

— Может, и больше, — не стал разочаровывать и закурил.

— Пять лет назад бросил, но по такому поводу разреши стрельнуть.

— Да ради Бога.

— А вот Бога поминать всуе нежелательно.

Табориться пришлось рано. Василий поскользнулся на камне и сел на задницу, промок до трусов. Пострадали все, кроме Гены. Профессор, как ни осторожничал, умудрился попасть в яму, а сам он черпанул, пока отцеплял блесну.

Гена поставил палатку и спустился к реке обрабатывать рыбу. Никола занялся дровами, соорудил вешала для портянок, развёл костёр и пошёл помогать геологу.

Над водой чувствовался лёгкий ветерок, а на берегу роилась безжалостная голодная мошка, лезла в глаза, в уши и за ворот рубахи, даже мазь не спасала. Гости постояли возле них, полюбовались уловом.

— Серьёзно поработали, — хмыкнул профессор. — Жаль, что я своего тайменя упустил. Никола виноват, долго за ружьём бегал. Шучу, конечно. Вася, идём сушить портянки с твоими штанами.

— А Вася-то наш никакой не ассистент, он вообще не медик, — прошептал Гена. — Я его спросил, где работает, — начал юлить. Полагаю, что в КГБ. Нормальные люди никогда не скрывают, где работают, чего им таиться? Не удивлюсь, если он подгоняет Фёдорычу подпольных пациентов.

— Я не скрываю, что неделю назад был сапожником.

— Оригинально. Значит, и пить должен, как сапожник. У меня фляжка с собой, закуски груды. Интересно, они там что-нибудь готовят? Жрать уже хочется, а работы часа на два, не меньше. Ладно профессор, ему не только простату, но и руки экономить надо, а Васька мог бы и подключиться.

— Не переломимся, меня просили не обижать гостей.

Про ужин москвичи всё-таки не забыли. Василий запёк в фольге каждому по хариусу.

— Ну и где ваш стратегический запас? — потребовал профессор. — Надо помянуть моего тайменя.

— Я смотрю, Юрий Фёдорыч, сибиряком становитесь, — засмеялся Гена и щедро плеснул ему из бутылки.

Перед тем как выпить, профессор перекрестился. Все вешала были заняты одеждой Василия. Поужинав, гости сразу пошли спать, устали с непривычки. Профессора пошатывало. Они с Геней остались у костра — надо было сварить уху из ленковых голов и подсушить портянки. Допили остатки водки из халявной бутылки, а зажевать не успели — из палатки выскочил ошарашенный Вася и заорал:

— Спасайте Фёдорыча!

Из откинутого полога палатки полз вонючий дым. Спальник с профессором вытащили волоком из палатки. Он, полусонный, ничего не понимал. Попытался высвободиться из мешка, но не мог найти молнию. Василий сунул руку в палатку и выкинул дымящийся сапог.

— Кто его туда поставил? — закричал, глядя на Гену.

— Некому, кроме тебя, наши здесь ещё.

— Не может быть! — поднял с травы сапог, выдернул обгоревшую портянку. — Как это получилось?!

— Слишком старательно сушил и заботливо в сапог прятал, чтобы за ночь не отволгли. И вообще-то извиниться перед связчиками не мешало бы за ложное обвинение.

Василий не ответил. Осмотрел сапог — в подъёме зияла дыра величиной с кулак.

— Как теперь рыбачить? Не ходить же целый день с мокрой ногой?

— С берега будешь кидать. Или ставь Николе коньяк, может, он и придумает, как тебе помочь.

Утром Никола отдал Василию свои сапоги, отправил гостей с Генкой, а сам остался на таборе. Подъём — не самое удобное место для заплатки, проматерился не меньше трёх часов. Догонять пришлось долго. Первым увидел Василия. Стоял возле лодки, пытаюсь выловить тайменя под скалой.

— Здесь Фёдорыч с Генкой здоровенных крокодилов вытащили, и у меня хватал, но сошёл.

— Если уколось, значит, уже не возьмёт. Поплыли дальше. Я возле того берега пару ключей слышал. Гена не проверял?

— Нет, они в боковой приток завернули.

— Давай сплаваем. Сапогами меняться здесь будем или на таборе?

— Лучше здесь. Твои великоваты, тяжело таскать.

Оказалось, что и сыроваты — успел зачерпнуть, но сознаться постеснялся.

Возле первого ключа останавливаться не стали, вдоль берега шла широкая полоса лопухов, бросать блесну, да и выводить рыбину, если возьмёт, неудобно. Второй ручей звенел громче. В устье образовалась продолговатая чистинка. Попробовал пальцем — вода была ледяная. Пропустил Василия вперёд.

— Там должны стоять ленки. К самой воде не подходи и далеко не кидай, в траву попадешь. Они должны стоять под берегом.

Ленок взял с первого заброса. Василий вытащил рыбину к его ногам и нетерпеливо ждал, когда снимут её с тройника. Бросил — и снова удачно. И так шесть раз подряд. И ленки словно калиброванные. Красавцы, каждый килограмма по три. Василий подтаскивал, он отцеплял. Седьмой бросок был неудачный, блесна улетела в траву. Забрал у Василия спиннинг, попробовал освободиться от зацепа — не получилось. Пришлось пройти вдоль берега и дёргать под другим углом. Блесну освободил, но рыбу распугал. Василий попросил поискать новый ручей. Плыли вдоль берега, пока не увидели лодку Гены. Тот вышел из воды, чтобы вывалить тяжёлую сетку с хариусами.

— Удачный сегодня день. Главное, что Фёдорыч трёх таймешат поймал, теперь успокоится. А я жрать хочу. Вчерашних печёных хариузей надолго не хватило.

— Я бы тоже подзаправился. Пока Васька хвастается ленками, чайку сгоношим и тушёнку разогреем. Двух банок хватит, или каждому по штуке?

— Грей четыре.

Когда подошли москвичи, чай был уже заварен и Гена открывал тушёнку.

— А это что такое? — спросил профессор, показывая на банку.

— Тушёнка.

— Да вы что, мужики? Пост ещё не кончился.

— Какой пост? Он же весной, перед Пасхой, — удивился Гена.

— Августовский. Яблочный. Человеку с высшим образованием надо бы знать.

— Так я же комсомольцем рос. И отец у меня коммунист, на фронте в партию вступил. Да вы и сами, наверное...

— Время такое было.

— Может, китайской лапшички заварить или вчерашнюю уху разогреть?

— Которая из голов? Давай, только греть не надо, заливное поем.

Василий от тушёнки тоже отказался. Гена садистски выскреб свою банку у всех на глазах и принялся за вторую.

Обижать профессора не хотелось, и он сказал, что отнесёт открытые банки в лодку Гены, но ложку всё-таки сунул в карман.

На другой день на хариуса напал жор. Обловили два переката и боковую речку. Шёл сплошной крупняк. Чёрные, каждый под килограмм. А после обеда как отрезало. Гена менял «мушки», профессор — блёсны, и всё равно не клевало. Чтобы не тратить нервы и время, он предложил искать место для табора. Довольные уловом москвичи радостно согласились. Но берега тянулись сначала болотистые, потом каменистые. А когда припустил дождик, выбирать уже не приходилось. Встали на сухом, но сильно покато месте. В спешке поставили палатку и накрыли её полиэтиленом. Разжигать костёр было бессмысленно. А рыбу солить обязательно, иначе пропадёт. Ловили четвером, а обрабатывать на пару. Пока солили, промокли насквозь. В палатке переоделись в сухое и выпили по стакану водки — профессор посоветовал.

Утром Гена выскочил на берег набрать воды и с кислой физиономией сообщил, что камень, лежавший вечером на сухом месте, затопило, а дождь не перестает. Надо было одеваться и топать в мокрый лес за дровами. Ещё в первую ночь профессор достал из рюкзака литровую банку с крышкой и, если подпирало, журчал прямо в палатке, но в сухую погоду это даже Гену не раздражало, а в дождь нестерпимо хотелось присоединиться к его журчанию, сон пропадал, и — сколько ни крутись — приходилось вылезать из спальника.

После еды профессор достал из рюкзака Евангелие и начал читать им вслух, но света не хватало, и книгу пришлось отложить

— А рыбалки уже не будет, — обрадовал Гена, — вода поднимается. Корму с берегов намыло, рыба разбежалась по всей ширине реки. Ждать, пока спадёт, времени у нас нет. Остаётся молиться, чтобы «вертушка» в срок прилетела.

— А что, может задержаться?

— Запросто. И на день, и на три — в авиации всё возможно.

— Тогда будем молиться.

Получилось так, что молитвы профессора достучались до небес. Дождь перестал, они ещё и порыбачить успели, хотя клевало слабенко,

но главное — вертолёт забрал вовремя, и катер поджидал у пристани. Капитан отозвал Николу и сказал, что человек из администрации вышел на связь и попросил, чтобы профессору из Москвы приготовили царский ужин.

— А почему ко мне обращаешься?

— Обрисовал, кто главный экскурсовод. У нас и банька есть, не шикарная, но после тайги сойдёт.

— Баньку Юрий Фёдорыч обожает.

— Первый пар профессору — по чину положено.

— Карьеру сделал. Из сапожников в начальники, — засмеялся Гена, когда остались одни, потом толкнул в бок и шепнул: — Полюбуйся, мужской стриптиз начался.

На палубу выбежал профессор без трусов и крикнул:

— Вась! Посмотри у меня в сумке деревянный крестик, а то золотой грудь обжигает, он в левом боковом кармашке должен быть.

— Видишь, какая глубокая вера? Даже в баню с набором крестиков идёт. А ты во время поста втихаря тушёнку жрёшь.

Следующим пошёл мыться Василий. Профессор накинул на плечи куртку, попросил стул и пристроился на корме читать вслух Евангелие. Подошёл капитан, послушал, но времени у него не было, и он кивком отозвал «главного экскурсовода».

— У нас пара хорошеньких стерлядочек есть, решили подарок гостям сделать, чтобы помнили енисейских речников. Но их на всякий случай разделать надо. Дорога впереди длинная. Сам справишься, или матроса прислать?

— Справлюсь, дело привычное.

— Сейчас принесу, чтобы от книги тебя не отвлекать. А что за книгу он вам читает?

— Евангелие.

— Вона как! Профессор.

Капитан принёс рыбу в мешке и доску. Стараясь не стучать ножом, чтобы не мешать чтению, приступил к делу. Отходы бросал за борт. Сразу же налетели чайки и устроили базар. Профессор с раздражением отложил книгу и, увидев Василия с полотенцем на плечах, крикнул:

— Тащи берданку, я им сейчас покажу.

Стрелять из «тозки» по мельтешащим птицам приспособиться не просто. И всё-таки после пятого или шестого выстрела одна из чаек дёрнулась в воздухе и упала на воду, потом попыталась взлететь, но не смогла. А сёстры её продолжали свой базар.

— Попал! Молодец, Фёдорыч!

— Рука крепка, и пальцы наши быстры. Учитесь, молодёжь.

— Птичку жалко, — криво усмехнулся Гена.

На царский ужин подали стерляжью уху, малосольную осетрину и строганину из налимьей максы. Осетрина для москвичей не в новинку, пусть и в ресторанных порциях, а на катере можно не стесняться.

Но больше всех восторгов досталось максе, которую пробовали впервые. Захмелевший капитан, чувствуя, что ужин удался, осмелел и приобнял профессора:

— Вы, Юрий Фёдорыч, передайте в свою больницу, что капитан Нестеренко умеет быть благодарным. Работа у нас нервная, от болезни никто не застрахован.

— От триппера, что ли?

— Ну вы шутник, Юрий Фёдорыч! И ты, Никола, в своей администрации замолви словечко. Ежели что, всегда готов помочь.

— Никола обязательно замолвит, у него доступ к телу губернатора, — заверил Гена.

Когда вышли на воздух покурить, Василий протянул ему футляр с пилой:

— Прими, Никола, в благодарность за сапоги и особенно за «аквариум» с ленками. Незабываемое впечатление. И вообще, знакомство с настоящим сибирским мужиком — это подарок судьбы. Дарю на память! — обращался к нему, а поглядывал почему-то на Гену.

— Насовсем, чо ли?

— Я же сказал: дарю. Видел, с каким вождением ты на неё смотрел и как ласково гладил.

— Спасибо! — и чуть не ляпнул, что не ожидал такой щедрости.

— Но с подругой своей на рыбалку тебя бы не пригласил — влюбится.

— У меня своя хорошая.

Свободная каюта была одна. В неё поселили гостей. Они с Геной постелили спальники в шлюпке, но ложиться не хотелось.

— Заметил, с каким аппетитом Пидорыч поглощал осетрину, забыв про пост?

— Почему Пидорыч?

— Ну, Фёдорыч, какая разница? Осетринка, пожалуй, скоромнее говяжьей тушёнки. И как тебе стрельба по чайкам после чтения священной книги? Ханжество всё это, фарисейство.

— Да ладно тебе, нормальный мужик.

— Видел я, как он вставал спиной к реке, сгибался в коленях, словно срать готовился, и ждал, когда ты лодку под его задницу подгонишь.

— Пожилой человек. Меня и позвали, чтобы о нём заботился. А кому легко?

— Ваське, наверное.

— Ладно тебе. Добрым парнем оказался, пилу подарил. Если честно, не ожидал от него.

— И я не ожидал. Видимо, легко досталась, если не пожалел. Может, конфискует какой?!

На другой день дул ветер. Стоять на палубе было прохладно. Гости быстро устали от красот Енисея. Асиновский порог их не впечатлил. Василий маялся с похмелья и первый спустился в каюту. Профессора тоже надолго не хватило, забеспокоился, как бы не продуло.

— Пойду подремлю. Могучая, конечно, река, но по Волге плыть интереснее, там берега поближе, деревеньки рассмотреть можно, церквушки глаз радуют — исконная Россия. Насытился экзотикой, хочу на винтокрылую птицу.

* * *

Тулуп лично повёл его знакомиться с непосредственным начальником. Маленький кабинет, заставленный по углам коробками, коробочками и рулонами, совсем не казался захламлённым. Угадывалось, что при необходимости хозяин сразу достанет нужную коробку.

— Вот вам, Анатолий Петрович, столяр-краснодеревщик, введите в круг обязанностей и можете смело запрягать. Вы же сами жаловались, что работы невпроворот.

Дождавшись, когда Тулуп выйдет из кабинета, хозяин, не вставая из-за стола, мрачно выговорил:

— Что же вы, уважаемый товарищ столяр-краснодеревщик, начинаете работу с прогулов? Не успели устроиться — и пропали на две недели.

Уверенный, что командировка была обговорена заранее, он растерялся, не зная, как оправдываться и стоит ли, чтобы не сболтнуть лишнего, но начальник не выдержал игры, засмеялся и шагнул к нему.

— Шутка. Я в курсе, кто тебя рекомендовал и где ты прогуливал. С улицы к нам не попадают.

Первое, что бросилось в глаза, — аккуратный серый костюм с жилеткой, ботинки, начищенные до блеска, и очень белые зубы.

— Зовут меня Анатолий Петрович — это если при начальстве, а при работе — просто Петрович. Работа у нас такая, забота наша простая. Видел по телевизору, как Рязанов в гостях у Ельцина шуруп задницей почувствовал?

— Я редко смотрю.

— Был такой прецедент. Наш губернатор пока не Ельцин, но подобного не простит. Остальное начальство тем более. Так что бери по вечерам ключи на вахте, я распорядюсь, чтобы давали, и досконально осматривай мебель, чтобы не шаталась и не скрипела. Мебелишка-то старая, с советских времён. Каждый новый начальник, заняв кабинет, планирует ремонт, а сделать не успевает. Последнее время большая текучка кадров.

Потом провёл его в рабочую каптёрку познакомить с напарником, но того на месте не было. Краем глаза Никола осмотрел инструмент и удивился, что в таком солидном заведении стамеска в зазубринах, а у молотка сосновая рукоятка в потёках смолы.

— Дедушка где-то по территории ползает, — объяснил Петрович, — он у нас ветеран. Я здесь тринадцать лет, а он раньше меня устроился. Пенсию госслужащего заработал, потому что лишнего не болтает.

Пункт из должностной инструкции. Но ты, как мне рекомендовали, мужик надёжный. Надеюсь, сработаемся, а если ещё и северной рыбкой угостишь...

— Какой базар, завтра же привезу.

Набрал большой пакет отборного хариуса и большой кусман таймешатины положил. Удивил Петровича.

Обслуживали здание человек двадцать, не больше. Электрики, компьютерщики — особые спецы со своим гонором. Напарник Данилыч с ними не дружил, ну и он, за компанию, в друзья к ним не навязывался, даже по имени знал не всех.

— Ты поосторожнее с ними, — предупредил Данилыч, — наверняка кто-то постукивает. Здесь это принято, снизу доверху, интеллигенция, так сказать.

Не верилось. Не привык он к такой осмотрительности в отношениях ни в тайге, ни на заводе. Правда, и народ там был другой. Да и здесь глухого молчания не замечалось. Вечером заглянул в ларёк пива выпить, а там парень из компьютерщиков. Сам подошёл. Разговорились. Он и просветил, что больше половины обитателей серого дома шарится в рабочее время по сайтам с голыми девицами. Даже дамочки не гнушаются порнухой. Или сидят перед компом с умным видом, а сами пасьянсы раскладывают. Он рассказал про это Данилычу — Проверяли тебя. А как парня зовут, не запомнил?

В один из понедельников Петрович позвал к себе и предупредил, что для деликатного поручения. Это означало, чтобы помалкивал. Уж не связано ли с парнем из пивной, подумал он.

— Дождись вечером, когда уйдут из двадцать седьмого кабинета, и врежь новый замок.

— Заедает, чо ли?

— Заедает, и очень сильно. Человека уволили, а он продолжает ходить на работу.

— Может, надеется, что остынут?

— Не остынут. Хозяину донесли. Разорался и велел срочно заменить замок, иначе и меня погонит. Сделаешь, а утром отдашь ключи лично мне. Хочу посмотреть, как он будет возле двери психовать.

Караулил до восьми вечера. Увидел, как запирает кабинет. Солидный, с кожаным портфелем и приятным умным лицом. Ключи на вахту не сдал. Зачем ему эта игра? Важные документы наверняка давно изъяли, секретные копии снимать не с чего. Неужели хочется лишний день посидеть в высоком кресле? Но, скорее всего, прячется от жены, не хочет признаваться, что выгнали. Кто их поймёт, этих госслужащих? О возможных мелких командировочках Петрович предупредил ещё в первые дни. При случае отправлял в квартиры больших (и не очень больших) начальников — заменить кран, повесить картину или мебель передвинуть — и предупредил, чтобы на чаевые ни в коем случае не намекать, а если будут предлагать — отказываться. Да и не

шибко-то предлагали. Все эти работы учитывались в премиальных, и недоработки — тоже.

Новая командировка в один день не укладывалась. Требовалось отделать лоджию в новой квартире.

— Тётка строгая и на хорошем счету. Губернатор её ценит, шикарную квартиру в кирпичном доме дал, но отделку лоджии она забраковала. Потребовала заменить рейку на кедровую, так что материалы поедешь отбирать сам.

Ожидал увидеть суровую тётку в толстых очках, а серьёзная финансистка оказалась млаожавой блондинкой в юбке выше колен. Но когда привела его в лоджию и стала указывать на щели между рейками, плохо подогнанные стыки и выпавшие сучки, прорезался брезгливый начальственный голос. Пожеланий о качестве не предъявляла, уверенная, что для неё халтурить не посмеют.

— А куда старую рейку девать?

Посмотрела, не понимая, о чём спрашивают. Пожала плечами:

— На свалку, наверное.

Везти домой было ближе, чем на свалку. Обмерил свою лоджию. На стены хватало, а на потолок требовалось добавить. Когда заказывал рейку для хозяйки, как и любой мастер, брал с запасом, экономить на хозяйском материале себе дороже, всегда случается какой-нибудь строительный косяк — без резерва оставаться рискованно. Если вдруг не хватит, придётся объяснять, куда потратил. Лишние вопросы, несправедливые подозрения. С запасом не наглед, но по врождённой привычке не шиковал материалом, и в конце работы остались лишние рейки. А это уже другие вопросы. Чтобы избежать ненужных объяснений, решил увезти остаток на свою лоджию. Но обсчитался. Последние штрихи в отделке всегда требуют больше времени и больше материала. Поехал домой забирать. Рейки, пролежавшие ночь в собственной квартире, казались уже своими.

— Словно от сердца отрываю, — жаловался Галке.

Хозяйка заходила с проверками каждый день, но в лоджии задерживалась минут на пять, осматривала, сдержанно хвалила, потом подолгу беседовала с электриком, который менял проводку во всей квартире. Звали его Володя. Иногда он заглядывал к нему в лоджию, смотрел на сделанное и хвалил:

— Я бы, наверное, так не смог, придется уроки у тебя брать.

Никаких уроков брать он, конечно, не собирался. Хвалил, чтобы сделать приятное, но получалось у него очень естественно. И улыбка с ямочками на щеках всегда была искренней и уместной. Красивый мужик. Подтянутый, выбритый до синевы, чем-то напоминающий комиссара Катанью из сериала «Спрут», — может, поэтому и любила беседовать с ним хозяйка.

В тот день Петрович позвонил с утра и велел зайти на службу. До лоджии добрался только вечером. Ещё в коридоре почувствовал

запах духов хозяйки. На всякий случай, не подавая голоса, прошмыгнул к себе, но Володя сам явился к нему с початой бутылкой вискаря.

— Не составишь компанию?

— С удовольствием бы, — а ему действительно хотелось познакомиться поближе, — но не могу, за рулём.

— Жаль. У меня сегодня настроение расслабиться. Может, зайдём в мой апартамент, покурим, там есть где присесть. Не люблю курить стоя, удовольствие не то.

Провёл в комнату, где оставлял инструменты и рабочую одежду. На подоконнике стояли тарелка с дольками лимона и консервная банка с окурками. Когда выносил банку, Никола успел заметить: окурки в губной помаде. Значит, хозяйка успела навестить объект, и электрик пил виски не в одиночку.

— Лоджия, смотрю, почти готова к сдаче?

— Начальство торопит. А ты разве не из нашей службы? Что-то раньше не встречал.

— Нет. Меня через задний проход провели. У хозяйкиной подруги приводил в порядок электрику, она и порекомендовала, — сделал глоток, зажевал долькой лимона и кивнул на бутылку: — Может, всё-таки примешь?

— Боюсь. Штрафы очень большие.

— Ладно. Сам никогда не настаиваю и не люблю, когда это делают другие.

— Что-то смотрю на тебя — не похож ты на простого электрика.

— Да я и не электрик. С таким же успехом и печником могу назваться. Камин не желаешь?

— Ставить некуда.

— Может, знакомые богатые имеются? А вообще-то я радиотехник. Кончил военное училище.

— Выправка и сейчас чувствуется.

— Молодость в шинели, и юность перетянута ремнём. Это на всю жизнь. Вальс, например, умею танцевать. Но армейская субординация оказалась не по характеру. Демобилизовался. Погорячился, наверное, сейчас бы уже пенсию получал. Работал в конструкторском на военном заводе. И вроде успешно, гордились, что с Байконуром связаны. С деньгами тоже проблем не было. Существовало дурацкое мнение, что советские инженеры за сто двадцать рублей штаны протирают. Инженеры разные были. Я не протирал. В половине городских кабаков охранную сигнализацию установил. Благодаря сигнализации любые деликатесы имел по госцене. Когда магазинные полки опустели, садились с напарником в машину и ехали по окрестным деревням. Я с паяльником телевизионные внутренности врачую, а у него руки-крюки, зато язык медовый, бегаёт по дворам, великого мастера рекламирует. Домой возвращаемся с полным

багажником сельхозпродуктов — и мясо, и сало, и мёд, и сметана. Замечательный напарник был. Сам я о цене договариваться не умею, а он настоящий коммерсант. В иных деревнях, стучалось, и о ночлеге договорится с горячими вдовушками. Вроде и лысенький, и пухленький, а уговаривать умел. Доярки — кровь с молоком! Но это для него вроде хобби. Первым делом самолёты, а девушки потом. Заказчика нутром чувствовал, с кого сколько потребовать, чтобы не напугать и не продешевить. Другого такого напарника не попадалось. Мне его и теперь не хватает. Но когда началась перестройка и оборонка с грамотными специалистами стала выпускать кастрюли и перестала платить зарплату, он уехал на Землю обетованную. Чем он там промышляет — понятия не имею, но, полагаю, не бедствует, иначе бы вернулся. А мне уезжать некуда. Но проблема в том, что меня без моего участия переселили в другую страну. На закате советской власти, благодаря урокам напарника и с помощью моего паяльника, я оброс блатом, как волк шерстью: что надо — достать, где требуется — утрясти. Даже в милиции свои люди были. Если впадать в подробности, не одна бутылка потребуется. Но грянул Рынок — и все мои связи, которые годами создавал, рассыпались на глазах. Само понятие «блат» исчезло из человеческих отношений. Плати деньгу и забирай что хочешь — так проще и, может быть, честнее. Но в понятии «достать по блату» была всё-таки своя романтика. И так совпало, что электроника перешла на другой уровень. «Нужные люди» перестали ремонтировать отечественные телевизоры и покупают корейские. А мне куда податься? Не в челночники же? С детства внушили, что спекуляция — презренное занятие. Сначала стеснялся после работы на космос печки класть. Спрашивал себя: где же, Володя, твоя профессиональная гордость? Совсем опустился! А потом как-то сложил камин, посмотрел на него и залюбовался: красавец! Не стыдиться, а радоваться надо, что руки выросли из нужного места. Выпил и понял, что всю жизнь занимался не своим делом. Пыжился, ломал голову над дурацкими схемами, гнался за престижем, а настоящего удовольствия не получал. А теперь получаю. Самое главное, что когда протрезвел, остался при этом же мнении.

— Так мы с тобой коллеги. Я тоже всю жизнь шабашничаю.

— Не совсем. Ты — всю жизнь, а я только после сорока. Ты счастливчик.

Не знал, что и ответить о своём счастье, да и Володя, по всей видимости, не очень сожалел о временах работы на космос. Бутылка у него опустела, но оставался трезвым. Собираясь домой, опустил бутылку в пакет, туда же высыпал окурки.

— Не стоит оставлять следы преступления. На улице в урну брошу. А насчёт камина имей в виду.

— Обязательно, если в подсобники возьмёшь.

— Быстро научу. Уверен, что у тебя получится.

Понравился мужик. О помаде на окурке спрашивать не стал: зачем ставить человека в неловкое положение?

* * *

Тулуп намекал, что без нужды афишировать их дружеские отношения нежелательно, хотя мог бы и не предупреждать — сам понимал. Да и не было никаких близких отношений. Столько лет не виделись, прожили разные жизни, интересы разные — и поговорить-то не о чем. Удивился, когда сразу после майских праздников Тулуп заглянул к нему в каптёрку и позвал к себе в кабинет.

— У меня две новости: одна — плохая, другая — хорошая.

— Начинай с плохой.

— Я тоже так думаю: хорошее оставим на десерт. Объявился твой компаньон по рыбалке.

— Профессор, чо ли? Так это хорошая новость. Я с удовольствием слетаю.

— Не торопись, пока что его ассистент. И знаешь по какому вопросу? — Тулуп явно манежил, отодвигал неприятную новость. — Требуется, чтобы ты возвратил пилу, которую он оставил до новой рыбалки.

— Так и сказал?

— Не он, а его доверенное лицо, которое прилетело к нам в командировку и завтра улетает. Так он её точно подарил тебе, или я что-то путаю?

— Подарил при свидетелях, в любви клялся. Вот тебе и любовь до гроба. Правда, на следующий день был мрачный и молчаливый. Наверное, переживал, что сильно расчувствовался. Надо будет Генке позвонить, обрадовать, что его предсказания сбылись.

— А пила стоящая?

— Отличная пила!

— В принципе, ты можешь сказать, что у тебя её украли.

— Да пусть подавится. Просто хотелось бы ему в глаза посмотреть.

— С этим проблема. Командировку в Москву тебе не выпишут. А если бы даже и прорвался к нему, твой презрительный взгляд его бы не испепелил.

— Пожалуй, ты прав, — другие слова наполняли его, кипели внутри, но выхода не находили.

— Прав без вариантов, а в морду дать вроде как и не за что. Ты на колёсах?

— На автобусе приехал.

— Повезло. В таком состоянии за руль лучше не садиться. Сейчас дам тебе машину, возвратишь подарок в гостиницу — и снова сюда.

Съездил в гараж, вынул пилу из футляра, полюбовался на прощание. Мелькнула шальная мыслишка: не испортить ли красавицу? — но тут же отогнал её: инструмент не виноват. Да и рука не поднялась бы.

Доверенное лицо оказалось откормленной заспанной ряхкой. Передавать какие-то претензии не стал, просто сказал, что очень

благодарен Василию и век не забудет его доброты. Лицо пообещало обязательно передать.

Про хорошую новость, оставленную на десерт, вспомнил на обратном пути, но ничего серьёзного от неё не ждал. Когда вошёл в кабинет, увидел, что спиной к нему сидит белокурая дама с сигаретой. Повернулся уйти, но Тулуп призывно махнул рукой. Посетительница встала, и он увидел Юлию. Она подбежала к нему и, закинув руки на плечи, повисла на шее, прижимаясь всем телом. Когда опустила ноги на пол, отступила на пару шагов. Отдышалась.

— Ни х. . себе сюрприз, — и тут же закрыла рот ладошкой. — Ой, мальчики, я что-то не то сказала. Извините. Сорвалось. Привыкла в Германии материться по-русски. А тебя, Овчинников, убить мало, мог бы и предупредить. Чуть инфаркт не трахнул.

— Хотел устроить настоящий сюрприз.

— Считай, что получилось. Экспериментатор. Спрячься под стол, иначе снова материться начну. А Никола у нас почти не изменился, только поседел. Никола, ты почему молчишь?

— В себя прийти не могу. Столько лет не виделись.

— Много. Только давай без арифметики, а то выяснится, что я древняя старуха.

— Да ты ещё... — начал Тулуп.

— Давай без твоих комплиментов. Я их за долгую жизнь столько наслушалась. Беседы о математике у тебя интереснее. Представляешь, Никола, на его лекциях у студенток оргазмы случались.

— И это говорит серьёзный представитель солидной зарубежной компании! Ты знаешь, зачем она прилетела?

— По Родине затосковала.

— Может быть. Но фирма послала её прозондировать почву по случаю смены нашего непредсказуемого губернатора. Она у нас не только переводчица, но и серьёзный аналитик.

— Не преувеличивай. В лучшем случае — дипломат, как и подобает красивой женщине.

— Наш бывший губернатор в женской красоте не разбирался. Ты видела его фаворитку?

— Страшенькая, но каждый день меняла шубы.

— А он доверил авантюристке экономику огромного края.

— Сами выбрали.

— Лично я голосовал против. Выбрала его определённая группа олигархов. Они его поставили, и он широким жестом отдал край на разграбление. Кстати, характерный случай. Оказался я в одном застолье с директором нашей оперетки. И тот, для поддержания разговора и чтобы собственный статус приподнять, рассказал, как сидел он в высокой приёмной, рядом с ним нервничали три директора завода, так вот губернатор первым пригласил его, а потом уже производственников. Заявил с гордостью и уважением к хозяину. Когда

я подсказал, что правильнее было бы приглашать в другом порядке, он сначала не понял, а потом обиделся. Опереточный губернатор, но с огромной харизмой.

— И ты служил ему верой и правдой.

— Насчёт веры промолчу, а правдой стараюсь служить всегда и везде. А как тебе наше новое начальство?

— Давай не будем торопиться, да и Николе, мне кажется, это совсем не интересно.

— Почему же? Он у нас тоже карьеру сделал. Сорок восьмой заместитель губернатора. Это мне в ближайшее время могут сказать, что обойдутся без моих услуг, а без него обойтись трудно, он у нас непотопляемый. Помнишь, как сопляками наперегонки плыли?

— Помню, ты меня обогнал, а я чуть не утонул.

— Так выплыл всё-таки. Говорю — непотопляемый.

— Овчинников, не заводись. Ты вроде не в проруби плаваешь.

— Пока не в проруби, а завтра — не знаю. Вон шеф у Николы при смене позапрошлого губернатора так перепугался, что в реанимацию на скорой увезли. В этой конторе для повышенной пенсии надо отработать определённый срок, как на вредном производстве, а у мужика несколько месяцев не хватало...

— Да какое мне дело до этого несчастного? Я выпить хочу. Поехали ко мне в гостиницу? Посидим, молодость вспомним.

Тулуп поднял руки:

— Я пас. У меня совещание и вечером серьёзная встреча. А ты, Никола, езжай. Не пить же ей в одиночку? Петровича я предупрежу. Машину дать?

— На такси доберёмся.

Когда проезжали мимо гастронома, он попросил остановиться, но Юлия велела ехать дальше.

— Если ты о выпивке беспокоишься, то у меня в номере всё есть. Овчинников к тебе до сих пор ревнует.

— Какие мы с ним соперники?

— Давние.

Она открыла холодильник, забитый бутылками от литровых до шкаликов.

— Вот видишь, на любой вкус. А о закуске я с вечера позаботилась. Ты не против, если я приму душ? Только не подумай, что соблазняя. Просто в офисе жарко было и здесь тоже. Отопление не отключили. Россия экономить не приучена. Немцы такую расточительность не позволяют. Я быстренько.

Вернулась в коротком лёгком халате. Голову не мочила, и причёска осталась нетронутой. Волосами гордилась ещё девчонкой, и они не потеряли пышности.

— Если ты до сих пор не налил, придётся этим заняться мне.

— Неудобно чужим распоряжаться. Ты — хозяйка, я — гость.

— Но бутылку-то откроешь? Это мужская обязанность. Не стесняйся.

Она пила коньяк и быстро захмелела.

— Не пугайся. Я в таком состоянии могу долго держаться — тринкен-дама.

— Это как понять?

— «Тринкен» по-немецки — «пить», значит, я — выпивающая дама, но это не значит, что я алкоголичка, контроля над собой никогда не теряю. Скажи честно: я сильно постарела?

Шторы были задёрнуты, в номере полумрак, но и в хорошо освещённом кабинете Тулупа она выглядела намного моложе своих сорока семи. Чувствовалось, что следит за собой и, в отличие от деревенских баб, не изработалась.

— Что молчишь? Боишься обидеть?

— На выпускном вечере ты была немного стройнее.

— Молодец, выкрутился! У меня ещё и ножки хороши, и попка упругая, а вот грудь на выпускном была, пожалуй, привлекательнее, тренажёры не во всём помогают. А пластику делать боюсь. Не то я говорю...

— Говори о чём хочешь, если накипело. Может, легче станет.

— Жизнь прошла, и не могу ответить ни себе, ни другим, на что её потратила. Детей не родила, а ведь хотела. И знаешь от кого? От Овчинникова. Девочку, такую же красивую, как я, и мальчика, такого же умного, как он. Овчинников очень умный, гордилась им. И добрый, всё мне прощал. Первый мужчина у меня был в Одессе, когда к дядюшке на каникулы ездила. Красавец, любимец публики, на гитаре играл и Окуджаву пел. Я его капитаном Грэем звала, а он уверял, что я красивее Анастасии Вертинской, но я и без него это знала. Идём по набережной — все бабы оглядываются. А мне, дурочке, лестно. Капитан голову от любви потерял, а я — от любопытства. Не он меня соблазнил, а я его. Когда узнал про беременность, расписаться уговаривал. Не потому, что дядя Эдик избил его, а потому, что любил до безумия. А мне замуж не хотелось. Сделала аборт. Убедила дядюшку, чтобы матери ничего не говорил. А куда ему деваться? Виноватым себя считал, хотя и не был виноват. Всю жизнь подарками задабривал. Помнишь, какие платья у меня были?

— Вся деревня тобой любовалась.

— И мне это очень нравилось. О капитане у дядюшки не спрашивала, и он боялся напоминать. Как будто его и не существовало — красивого капитана. Теперь мне кажется, что их вообще не было — ни мужей, ни любовников. Да и не любила я никого. Это они теряли головы, осыпали цветами, восторгами. Мне было приятно, и я уступала. Потом страсти прогорали, я переставала быть для них женщиной несбыточной мечты. Я это чувствовала. Особо примитивные начинали ревновать к бывшим мужчинам, и, чтобы спастись от их истерик, я уходила сама, но чаще всего к этому моменту созрел

новый воздыхатель. Видишь, какая расчётливая. Последнее время часто вспоминаю смерть твоего отца и продавщицы Ольги. Теперь мне кажется, что это было самоубийство.

— Папка? Самоубийца? Ерунду городишь. У него двое детей оставалось, Верка совсем школьницей была.

— Не он, а Ольга. Мужик на такое не способен.

— Ольге-то с чего? Молодая, красивая, дом — полная чаша...

— Да при чём здесь деревенская полная чаша? Во всём виновата красота. У меня она лёгкая, легкомысленная, можно сказать, а у неё трагичная. Потому и поняла безысходность раньше меня. Не знаю, каким был уголовник, в которого она влюбилась, но подозреваю, что крах случился ещё до того, как его посадили. Сбежала в деревню. Надеялась отогреться, а в деревне ещё холодней, чем в городе. Оттого и появился твой отец. Назло обманутым надеждам.

— Всё ты напридумывала.

Никому не говорил, держал слово, данное Ольге, а здесь не выдержал, выпил для храбрости рюмку и рассказал, что она была его первой женщиной.

— А ты знаешь, я не удивлена. Это нисколько не противоречит моей версии. Отчаяние загнало её на топчан грязного деревенского мужика, а потом, чтобы полностью прочувствовать глубину падения, она совратила его сына.

— А с чего ты взяла, что отец грязный? — обиделся он.

— Извини, не грязный, разумеется, это для образности. Не исключая, что в ту трагическую ночь Ольга призналась твоему отцу, что совратила тебя.

— Ну наплела.

— Мужикам этого не понять. Но она любила своего уголовника. А я не любила никого, потому и живу до сих пор. Ни-ко-го. Даже тебя.

— Я-то с какого боку?! Ты Тулупа в ухажёрах держала.

— Держала. Он отличник был, а ты второгодник. Его держала, а тебя хотела. Но вы были сопляками, а я — женщиной. Или ты хочешь сказать, что не был в меня влюблён?

— Так в тебя вся деревня была влюблена.

— Что ты заладил про всю деревню? Все меня не волновали, а ты волновал. Помнишь, как я тебя поцеловала на выпускном вечере?

— Ещё бы. Впилась губами ни с того ни с сего, а потом оттолкнула и убежала к Тулупу.

— Дурак! Ничего не понял. Я надеялась, что ты сгребёшь меня своими лапищами и унесёшь на сеновал.

— Ага, сгребёшь такую. Издевалась надо мной постоянно. Я и дотронуться до тебя боялся.

— Говорю же — дурак, — и расплакалась, потом пересела к нему на колени, обвила шею, руки у неё были гибкими, как щупальца, а губы

мягкими, но требовательными. Оторвавшись, чтобы вздохнуть, прошептала: — А теперь неси на сеновал.

Лежала и плакала.

— Обещала не соблазнять, а не удержалась. Извини.

— Да ладно.

— Спасибо, что понял. Если бы ты оттолкнул меня, не знаю, что бы с собой сделала. Теперь вызываю такси и отправляю домой, к жене. Она у тебя не ревнивая?

— Да повода не было.

— Не ожидала.

Ехал и рассуждал сам с собой. Надо же такое придумать. Несчастливая баба, надо же так жизнь исковеркать. С Галкой такого случиться не могло. И в постели Галка ласковее.

* * *

Умный Тулуп, не дожидаясь, когда новая власть приведёт на его место своего человека, нашёл должность в банковской системе.

— А мне тоже увольняться?

— Не суетись, до сорок первого зама подковёрные толчки не докатятся.

— Ты вроде говорил, что я сорок восьмой зам.

— Принимай как повышение. Карьерный рост. А если серьёзно, извини, что сорвал с места.

— Ничего страшного, место для себя всегда найду, выплыву. Буду потом внукам хвастаться, что в губернаторских замах служил. Только неуютно мне здесь, слишком холуйская работа, буду что-нибудь попроще подыскивать.

— Она здесь и на моём уровне холуйская.

Уходить следом за Тулупом не стал. Надеялся прокантоваться до весны, но объявился электрик Володя и предложил взяться за отделку большого коттеджа. Совмещать не получалось, работа была дневная, и он согласился. Коли заноза попала — чего терпеть и ждать, когда воспалится? Петрович прочитал заявление и сильно удивился:

— Чего испугался? Пока я здесь, не тронут тебя. Работай спокойно, в тепле, и зарплата регулярная. По собственному желанию от нас никто не увольняется.

— Уже пообещал.

— Вот за это и уважаю тебя, что обещаниями не разбрасываешься. Коли не сложится, возвращайся, с удовольствием возьму. Если самого на пенсию не отправят.

Сложилось, и очень удачно. У Володи была умно подобранная бригада. Маленькая, но дружная, каждый был мастер в своём деле, и доказывать своё превосходство никому не приходило в голову, поэтому работалось легко, даже весело.

Успевшие наворовать вкладывали деньги в недвижимость. Новые коттеджи брали город в кольцо. Не просто особняки — настоящие

замки. Едва заканчивали один объект, переходили на другой. Работы хватало, но главное, что перестал быть обслугой напыщенных начальников, которые сами не знают чего хотят. Когда нет нужды оглядываться, работается намного легче. Наступили размеренные ровные дни, но ухабы появились там, где не ждал.

Всю жизнь был спокоен за Анютку — нарадоваться не мог. Самостоятельная девчонка росла, не капризная. Когда в семье было туго с деньгами, ничего лишнего не требовала. И училась хорошо, в свой универ без блата поступила. Это он был второгодник, а Галка без троек школу закончила. В мать пошла. А характером — в деда. Самолюбивая, властная. Особенно стало заметно, когда появился Витёк. Выбор дочери ни он, ни Галка особо не одобряли. Парень видный, но какие нормальные родители хотят иметь в зятях бандита? Правда, выяснилось это не сразу. Когда спохватились, дело к свадьбе шло. Смирились, а если бы и возражать начали, она всё равно бы поступила по-своему. Тем более что хлопнуть дверью и уйти она могла, ничем не рискуя: у Витькы́ была своя квартира, оставшаяся от дедушки. Понадеялись, что Анютка с её характером сможет образумить молодого мужа, направить на верную дорогу. В какое-то время им стало казаться, что у дочери получается. И сама Анютка уверовала, что сделала его ручным.

После рождения сына Витёк заявил, что они с пацанами открыли своё серьёзное дело — и больше никакого криминала. Но пока Анютка ходила беременной, его хватало, чтобы нянчиться с женой, а когда жена стала нянчиться с маленьким Николкой, терпение у парня кончилось. Аукнулись все бывшие унижения. Загулял — то ли с друзьями, то ли нашлась покладистая утешительница, не задающая лишних вопросов. Ночевать всё-таки приходил. Потом осмелел, начал пропадать на день-другой, объяснял поступлением или отправкой груза, который надо проконтролировать. Догадывалась, какие там ценные грузы, но на прямой разговор не решалась. Вышла после декретного отпуска на работу. Видимо, тяжело было сидеть в четырёх стенах, гадая, придёт муж или нет. Да и по работе соскучилась. Честолюбивая, боялась, что привыкнут обходиться без неё.

В тот день попросила забрать ребёнка на ночь. Сказала, что надо явиться на службу очень рано. Ничего толком не объяснила, а они и не стали допытываться — рады были поиграть с внуком лишний раз. Пошли за ним вдвоём. Из подъезда Никола вынес его на руках, а на улице мальчишка захотел самостоятельности, попросился на землю. Пробежал метров пять, запнулся и захныкал, пришлось брать на закорки. На горбу деда повеселел и отказался слезать даже в лифте. Дома потребовал любимую машинку. Галка порылась в сумке, но Анютка забыла её положить. Никола стал искать, чем бы заменить игрушку, под руки попала коробка с блёснами. Высыпал их перед внуком на пол и сам уселся рядом. Малыш дотронулся до «мышы»,

но испуганно отдернул руку, а блестящие игрушки его заинтересовали, да и самому было что вспомнить, почти за каждой тянулась своя история.

Уже в городе нашёл возле дома утюг, снял с него корпус из нержавеющей стали, соорудил простенький пресс и наштамповал десяток «байкалок». Несколько лет пролежали, опробовать довелось только в «командировке» с профессором. Взял в руки большую блесну, сделанную из серебряной ложки ещё в деревне. Поехали с отцом в ближнюю избушку, вышел перед сном на берег. Щука взялась чуть ли не пудовая, сопротивлялась, не хотела сдаваться, сама норовила стащить рыбака в воду. Испугался, что перекусит поводок и уйдёт. Крикнул отцу, тот прибежал с «тозкой», выстрелил. Щука ослабла. Когда вывел на песок, оказалось, что пуля пробила голову и попала в блесну. Отец хвастался метким выстрелом, а он переживал, что блесна покорёжена. Сам отец спиннинг в руки не брал, считал баловством, но, узнав пропавшую у матери ложку, его не продал.

От воспоминаний отвлёк телефон. Звонил Володя, сказал, что договорился встретиться с заказчиком и утром надо ехать закупать материалы. Пока болтал с ним, Галка заглянула в комнату, увидела внука с блесной в руках и закричала:

— Дед, ты что творишь?

— А что такое? — не понял он.

— Оставил ребёнка со своим богатством. А если он в рот потащит?

— Он что, дурак? Смотри, с каким интересом рассматривает. Мужик растёт. Через десяток лет на Ангару его повезу. Рыбачить научу.

— Размечтался. Там уже гнилое море будет, и никакой тебе рыбалки.

— Щука-то всяко-разно останется. Помнишь, какое заливное из неё делала?

— А ты — строганину из таймешатины.

— Не трави душу. Давай укладывай внука, а потом по рюмке выпьем.

— Тебе же завтра за руль садиться.

— Пара рюмок не помешает. Нахлынуло.

Николка услышал, что его собираются укладывать, стал просить, чтобы дед покачал его на ноге. Пришлось садиться на стул и качать.

— А тяжёленький уже. Тебе не кажется, что он на меня похож?

— Не знаю, в таком возрасте я тебя не видела, а фотографий не осталось.

— Откуда им взяться, если в деревне не было ни одного фотоаппарата?

— Ладно, уговорил. Сейчас Николку уложу, выпьем и сами пораньше ляжем, — подошла, прижалась к нему, тёплая, уютная.

Ему захотелось сказать ей что-нибудь нежное, но ударил истеричный звонок. Он вышел в коридор. Кто-то, не переставая звонить, колотил в дверь ногами и дёргал за ручку. На пороге стояла Анютка, бледная, в распахнутом плаще.

— Папка, Витька убивают!

— Где?

— В нашем сквере.

Кое-как засунув ноги в ботинки, в рубашке и домашнем трико высочил на площадку с молотком в руках — первое, что попало под руку. Лифт успели угнать. Побежал по лестнице. Увидел, что Анютка увязалась за ним, крикнул:

— Дура, иди к ребёнку! — и, пробежав пролёт, добавил: — Скорую вызывай.

Сквер начинался сразу за крайним подъездом. Они и не думали скрываться. Напали прямо на тропе. Витёк в белой куртке корчился на земле, а три мужика охаживали его бейсбольными битами. Ясно было, что это не случайная шпана, а очередная разборка братвы. Если бы он догадался подкрасться молча, тогда бы двое как минимум не увернулись бы от его молотка, а он сдуру заорал. Но разве их напугаешь криком? И всё-таки успел увидеть, как один из братьев падает после его удара. Потом в глазах потемнело, и он куда-то надолго провалился. Может, и не очень надолго, но показалось, что вся жизнь прокрутилась в памяти: отец на турнике, Ольга без одежды, мать с вязанием, Галка в мокром платье, Михал Иванович, профессор, стреляющий по чайкам...

Когда очнулся, рядом с ним лежал только Витёк. Братки сбежали. Он тронул лежащего за плечо и то ли прохрипел, то ли подумал пригрозить:

— Если бросишь Анютку с внуком — убью.

Голова кружилась, и его вырвало. Мимо проходил мужик.

— Помоги, — еле выдавил он.

Мужик оглянулся и прибавил ходу.

Встал сначала на четвереньки, потом кое-как распрямился. Но не устоял и снова потерял сознание. Очнулся от запаха нашатыря. Приехала скорая. Анютка помогала довести Витьку до машины.

— У вас сотрясение мозга.

— Ерунда, откуда мозгам взяться?

Встал и, шатаясь, направился к подъезду. Надо было успокоить Галку.

Я — северянин. Я ценю тепло,
Я различаю — где добро, где зло.
Мне нужен мир, где всюду есть дома,
Где белым снегом вымыта зима.

Мне нужен клён с опавшею листвою
И крыша над моею головой.
Я — северянин, зимний человек,
Я каждый день ищу себе ночлег.

Владимир Ярош

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

На улице мороз за тридцать. Утреннее солнышко золотит ледяные оклады на окнах. В деревянном доме тепло и уютно. Длинными выходными перечитываю, удаляю и снова печатаю свой бесконечный и безнадежный роман.

Рядом примостилась лайка. После родов у неё заболели суставы, и в морозы мы пускаем её к себе. Места хватает, но она всё норовит устроиться у моих ног. Вытянется на бок и дремлет в тепле, пуская слюнку на пол. Позавидуешь!

Но вот задёрнулись её уши; заурчала во сне и начала смешно перебирать лапами, будто устремилась в погоню за лисой. Или вспомнила схватку с порвавшим цепь кавказцем. То вдруг заскулит, поджав колени. Жалобно, как дитя. Не от грохота ли и вспышек петард в новогоднюю ночь?! Кто знает? Мало ли у неё своих собачьих проблем? Это мы считаем, что неприятности бывают только у нас и только мы можем ночью вздрагивать, просыпаясь в холодном поту.

— Лада, Ладушка, — тихо говорю я.

Собака резко поднимает голову и озирается влажными миндалевидными глазами.

— Ну что ты? Всё хорошо, всё хорошо, — успокаиваю я.

Собака сладко зевает, смешно потягивается и снова безмятежно засыпает.

Под её равномерное дыхание мозги мои размягчаются, разбегаются буквы на мониторе. Сознания едва хватает на то, чтобы сохранить написанное и закрыть крышку ноутбука. Из духовки с кухни потянуло запахом пирога...

«Всё хорошо, всё будет хорошо, — словно убаюкивает Всемогуший. — Рубль стабилизируется, война не начнётся, пенсии поднимут... Спите спокойно».

Александр Кобелев

Вкус огурцов

Детский сон окутан утреннею негой.
 Мама разбудила в шесть часов утра:
 «Всё, сыночек, хватит по деревне бегать,
 Время сенокоса — помогать пора».

Для деревни лето — время заготовки,
 Не на день готовишь, а на целый год.
 Мы идём в распадок, на плечах литовки,
 Сзади младший братик налегке идёт.

Травы осыпают сапоги росой,
 Рядом лес сосновый, вдалеке село.
 Вроде бы несложно справиться с косою,
 Но впервые это очень тяжело.

То срубаю кочку, то врубаюсь в яму,
 Но литовку твёрдо, как отец, держу.
 Если постараюсь, обгоню я маму,
 А потом и папе спину покажу.

И сидит братишка на моём прокосе,
 Пусть сидит, играет — он ещё малыш.
 Сам-то я сегодня совершенно взрослый:
 Если есть хозяйство, разве посидишь?

Все проголодались, отдохнуть бы надо,
 Мухи надоели, солнце высоко.
 Вот идём мы к лесу, дышит лес прохладой,
 Хоть и тяжесть в теле — на душе легко.

И легла, как скатерть, белая газета,
 На газете хлеба белый каравай,
 Зелень с огорода — угощенье лета,
 В банке простокваша, и в бутылке чай.

Стол нам — пень сосновый, стулья нам — коряги.
 Сели рядом мама, братик и отец.
 Под улыбку мамы, с видом работяги
 Ел я самый вкусный в жизни огурец.

ШЕСТОЕ АПРЕЛЯ 2055 ГОДА

Какая красивая дата!

Пойду на просторы полей,
Чтоб здесь, на природе, прогрессом объять,
Столетний встречать юбилей.

Лежит за селом, как лужайка,
Широкий зелёный палас.
За ним — синтетических ёлочек стайка,
Берёзки из белых пластмасс.

Чуть дальше, за рощицей этой,
Оттаял искусственный дёрн.
На нём созревать успевают за лето
В блестящих пакетах попкорн.

В лазурной дали небосклона —
Обычный весенний контраст:
Дождливая серость клочков поролона
И белый, как снег, пенопласт.

А жизнь не сбивается с круга,
И вот надо мной, стариком,
Шарниры летят, возвращаются с юга.
Я им помашу париком.

Они голосами стальными
Кричат что-то радостно мне,
А я улыбаюсь зубами вставными
И радуюсь сотой весне.

ДЕТСКАЯ МЕЧТА

Заполню в сердце пустоту:
Возьму с собой краюху хлеба,
Исполню детскую мечту —
Залезть на утреннее небо.

Через холмы, через леса
Пойду, дорог не разбирая,
Туда, где только небеса
И поле без конца и края,

Туда, где горизонт вдали
Яснее будет выделяться.
И я пойду на край земли,
А он всё будет удаляться.

Дойти до края не смогу.
Ну сколько может это длиться?!
Я быстро-быстро побегу,
Чтоб не успел он удалиться.

Схвачу за край небесный зонт
На стыке перспективных линий,
Потом шагну за горизонт —
И заберусь на купол синий.

И с той небесной высоты
Увижу я такие дали!
Поверьте, этой красоты
И отродясь вы не видали.

ПЛЯСУН

Время праздника пришло,
Пляшет, пляшет всё село.
Не умею дробы бить,
Но охота лучшим быть.

Как пошёл плясать впрысядку,
Вся изба дала усадку.
А как задал трепака,
Прыгал стол до потолка.

От моих-то от коленцев
Разлетелись вёдра в сенцах.
От моей-то от чечётки
Половицы — как решётки.

От моей-то чеботухи
Закрестились старухи.
Я и лучше сдробочу,
Если горло промочу.

ПЕТУХИ

Не проспят и минутка в минутку,
когда только проклюнется день,
заиграют крестьянам побудку
вековые часы деревень.

Старикам вы играете, что ли?
Ведь сбежала давно молодёжь:
за копейки горбатиться в поле
добровольцев уже не найдёшь.

Здесь осталась опора Союза,
юность прежняя прежней страны,
а теперь — государству обуза,
коль к работе уже не годны.

Вековечные пасынки власти —
не пойму, за какие грехи...
Вы им утро бессонное скрасьте,
вы попойте для них, петухи.

ГОЛУБИЦА

Я не сплю, а сон мне снится,
Будто я в родном лесу.
Детство. Солнце. Голубица.
Сок из ягоды сочится:
В кружке я её несу.

Сковырнул немного серы,
Перелез через завал
И сатиновые шкеры
Производства тёти Веры
На коленке разорвал.

О валежину запнулся,
Кружку чуть не обронил,
Потоптался, отряхнулся —
И назад домой вернулся
В пятнах ягодных чернил.

...С этой ягодой лесною
Попрощаюсь я во сне.
Позапрошлою весною
Лес родной сгорел со мною,
Всё сгорело по весне.

КЕРЖАК И ЧАЛДОН

Я кержак, а он чалдон.
Мы друзья обои с ём.
То по-дружному живём,
То по-всякому.
Мы как бражку сотворим,
То малёхо задурим,
Но сперва всегда погрим,
Побалакаем.

«У тебя,— я грю,— жана
Ни гуранка ни хрена,
Не семейская она,
А притворщица».
А он грит: «Ты, паря, чо?
Обижашь её почо?»
Да толкат меня в плечо,
Да топоршится.

«А твоя-то,— грит,— мабуть,
Не ясашная ничуть,
Хоть монисты на всю грудь,
Как у Брежнева».
Я давай зубам скрипеть,
Нету моченьки терпеть,
И сцепились мы опеть
Пушше прежнева.

Утром он с похмелья встал
И попёрся на Байкал,
А меня с собой не взял
В Голоусная...
Чо он в бабах понимает?
Рыбу в озере имат.
Нончи рыба тама, грят,
Шибко скусная.

ДОРОГА НА БАЛТАЙ¹

Конь бежит лениво,
Индевеет грива.
Батя молчаливо
Курит свой табак.
Я сижу, болтаю
И ворон считаю.
Едем мы к Балтаю
Через Хархунак².

Ехать на заимку
Нам тепло в обнимку.
— Пережить бы зимку, —
Говорит отец.
На заимке старой
Зимовьё с кошарой
И большой отарой
Зунгарских овец.

Там пойдёт работа
До седьмого пота:
Батя сделал что-то —
Стыдно отставать.
На Балтае, братцы,
Нечего болтаться.
На Балтае, братцы,
Некогда болтать.

-
1. Балтай — заимка.
 2. Хархунак — падь.

Дарья Лысенко

В КОНЦЕ КОНЦОВ

В конце концов,
 ты привыкаешь ко всему:
 к остывшим уголькам взамен обеда,
 к молчанию болтливого соседа —
 и к тем, кто будет плакать по нему.
 В конце концов,
 ты всё переживёшь:
 собаку из соседнего подъезда,
 счастливых жениха вдвоём с невестой,
 их брак и их развод.
 Какая ложь —
 считать иначе.
 Всё поймёшь сама.
 Когда-нибудь ты и не вспомнишь даже,
 какие джинсы были на тебе однажды —
 тогда,
 когда их он
 с тебя
 снимал.
 В каком часу случился тот звонок,
 и кто кого
 прижал
 к двери балконной?..
 Так короток, на самом деле, срок
 у памяти, ничем не подкреплённой.
 Её не повторить, как телешоу,
 И к лучшему — и к лучшему, конечно.
 Когда-нибудь
 всё будет хорошо.
 Поэтому сейчас я безутешна.

ПОТОМУ ЧТО У МЕНЯ ВЕЛОСИПЕДА НЕ БЫЛО

Р. М.

У тебя в квартире самый переменчивый свет:
голубая футболка кажется в нём зелёной, белая — розовой.
Мы изобретаем
удивительно работающий
велосипед,
обмениваясь поцелуями, мыслями и прогнозами.

Ты говоришь о мире, пока он идёт ко дну,
объявляя искусство единственной формой протеста.
Я признаюсь, что не очень умная, и представляю луну
в виде пиццы «Четыре сыра», непременно на тонком тесте.

Не то чтобы мне действительно было бы всё равно,
я просто на «хватит думать и хватит бояться» стадию...
Люди из дома напротив смотрят нас как кино.
Соседи справа и слева — слушают будто радио.

Удачи, конечно, им. А самый мой лучший след
расцвёл на твоём плече — укусом, как стены, красным.

Да, у тебя в квартире — самый переменчивый свет.
Но... Нам вроде как хорошо,
даже когда он гаснет.

* * *

Я сделаю крылья из старых пустых страниц
и снов, что уходят забытыми на рассвете.
Из грязных следов, оставшихся на паркете,
я сделаю крылья
всё как
у реальных птиц.

Я сделаю крылья на зависть любым стригам,
на зависть сапсанам и всем африканским грифам.
Из воска и перьев, как в греческом древнем мифе,
я сделаю крылья
и с третьего этажа

Шагну на рассвете. Почти досчитав до ста,
из мятой бумаги, и пуговиц, и ледышек
я сделаю крылья и буду на них летать
до первого солнца.

И, может быть, даже выше.

ИСТЕРИКА

Я смеюсь над тем, от чего мне страшно.
От чего буквально мороз по коже.
Вот плывёт по лужам корабль бумажный,
Аккуратный, маленький и надёжный.

Постепенно качка войдёт в привычку.
Маскируя смехом утробный кашель,
Говорю, что всё у меня отлично,
И никто обратного не докажет.

Никому не видно моё притворство,
Никому не ясно, что здесь такого.
Я смеюсь — без повода, звонко, просто,
Отдавая лужам свои швартовы.

Мой бумажный парусник, мой малютка,
Над волнами держится ледяными.
Я смеюсь над каждой удачной шуткой
(И над неудачными, но — твоими).

Я смеюсь, на лоб принимая грабли,
В капитанской стоя бумажной рубке...
Если встретит гибель свою кораблик,
На его бортах не найдётся шлюпки,

Для того чтоб вывезти пострадавших, —
Ни одной дурацкой побитой лодки.
Я смеюсь над тем, от чего мне страшно,
От чего дыхание стынет в глотке,

Но пока держусь. Хоть и жду подспудно
Катастрофы, замершей в полушаге...
Капитан последним бросает судно,
Даже если всё оно — из бумаги.

Я тебя не брошу. Ты — руль и якорь,
Карта — и заветная цель на ней же.
Я смеюсь над тем, от чего бы плакать,
Маскируя смехом больную нежность.

Я смеюсь над тем, от чего мне страшно,
От чего, влажнея, дрожат ладони...

Вот плывёт по лужам корабль бумажный —
И ещё не знает,
что тонет,
тонет.

ИНКЛЮЗ

С. А.

Взять и сохранить, как в янтаре,
Хрупкость бесконечного момента —
Тонкий край закатной алой ленты,
Переключку жёлтых фонарей,
Падающих бликами на гладь
Тёмных вод (их путь ведёт на север).
Засушить бы, как счастливый клевер,
Заложив в заветную тетрадь,
Ветер, прикоснувшийся к лицу,
Шёпот трав под нашими ногами,
Чай, парящий в крышке между нами,
Спуск крутой к лесному озерцу,
Веток свист, поющий у щеки,
Невозможность больше не смеяться,
Холод на моих дрожащих пальцах,
Жар твоей уверенной руки.
Взять и как углём зарисовать
Небо, рассеявшееся звёздно,
Пахнущий свободой терпкий воздух,
Чувство, будто я ещё жива...
Линии излом береговой
Утащить, как будто я — воровка.
След в пыли от моего кроссовка
И неподалёку — твоего
Взять и навсегда себе сберечь
В этой красоте и этом блеске —
И носить на шее, как подвеску,
Хрупкий миг, застывший в янтаре.

Екатерина Малиновская

* * *

...только-только ушёл улыбаясь как будто
и с мороза заходят какие-то люди
и ребёнок своим голоском почему-то
говорит что грядущего больше не будет

он наивно пищит одинокую старость
и юнцам не узнать сколько с нею случилось
а теперь на замке все былые затейки
словно рыба в песке ждёт она на скамейке

я иду по ступеням наверх ты уходишь
и наверное мимо машины проходишь
и наверное куришь согнувшись немного
и под ноги глядишь так ребячески строго

смолкли дети а старость во мне ожидая
тихой смерти живёт и живёт не страдая
ни о чём только я всё ещё молодая
дверь дурацким ключом кое-как открываю

ты уже далеко твой автобус всё ближе
я босая ступаю всё тише и тише
и старушка мычит ей давно уж не к спеху
и за стенкой дитя заливается смехом

и вот так целый мир разливается вальсом
сквозь старух и детей и влюблённых страдальцев
кто-то смотрит тихонько под нос напевая
три четвёртых какого-то странного рая

ты уже далеко в синем лифте быть может
скоро в кресле своём ты устроишься тоже
а над нами устроится кто-то поющий
очень тихое

тонкое
сущее

* * *

Как люди, умирают дневники.
Воспоминанья мёртвые послушай.
Чуть слышно, но бывшее просит душу,
И та по-птичьи кормится с руки.

Когда-то, вспомни, жизнь была рекой
В тени простого маленького сада.
Твоя улыбка, и коса — ограда —
Плетёною чернеет полосой.

И чайные печальные глаза.
На фотографии мы будто в тёплой чашке.
Я в полосатом платице-рубашке,
А где-то в листьях прячется оса.

Живые краски мёртвой красотой
У времени за паухой застыли.
Боюсь произнести... Скажи, мы были
В саду с тобой?

* * *

Седая бытность, мелкий грех.
Кусты и деревья немые,
Сырые улицы пустые,
И детский матерок сквозь смех.

Мой белый плащ — как полотно.
Глухого мира отраженье.
Ленивое начнёт круженье
Словесное веретено.

Там сука пьяная кричит,
Там леший никого не водит.
Тяжёлый голос грубо бродит.
Во мне всё тает и молчит.

Так начинается холодать.
Промозглый воздух сводит руки.
Так просто умереть от скуки.
Так страшно разучиться ждать.

ЕДОКИ КАРТОФЕЛЯ

Мой друг меня на полке не нашёл.
Я ем картофель. Это хорошо.
Мои спокойны руки и живот.
Красива тень на фото. Стрелок счёт.

Читаю сообщение в тиши:
Мол, «sorry, ты со мною не дружи.
Ко мне придут, и пол не мыт давно,
Не выплюсь... В общем, не идём в кино».

Прочитано. Я в спальню ухожу.
Расстанемся, хоть я и не спешу.
Иду на кухню. Продолжаю счёт.
Я ем картофель.
Это
Всё
Пройдёт.

ОСЕНЬ

Осень в белых пятнах,
В тусклых каплях лето.
В пряди Бодхисаттвы
Жизнь одета. Это

Просто паутина.
И жалеть не надо
Ни улыбки мимо,
Ни глухого взгляда.

Жаль, по сути, только,
Может, разговора.
Холодно и горько.
Немота и ссора.

Но забудем. Внятно
Помолчим и скажем:
«Осень в белых пятнах.
Видишь? Странно даже».

* * *

В вагоне уложите спать
И не будите в Новосибирске!
Пусть прокатится опять
Со мною армия России.

И, в мягкой шапке со значком,
Как будто гордый кот британский,
Мне улыбается тайком
Солдат улыбкой басурманской.

В давно забытых поездах
Житьё по-прежнему чудное.
Запястье, плечи, пятка, пах —
Родное.

* * *

Антониони видит точно,
Что жизни нет.
Сдавай экзамены досрочно —
И всё, привет.

Чего ты ждёшь, родимый, — счастья?
И вместе в душ?
«Какая тишь, какое платье!»
Какая чушь.

«Какие волосы, какие
У вас глаза!» —
Сказал, как Бог Иезекиилю.
Ладонь лизал.

КРЫМСКИЙ АЭРОВОКЗАЛ

Крымский аэровокзал.
Сизые цветы.
Что-то глупое сказал
В трубку ты.

Шум какой-то, рядом кот,
В небе самолёт.
Слово слабое твоё
В море упадёт.

Я курю, не слышишь ты
Дыма на губах.
Небо, сизые цветы,
Серый кот в ногах.

Виталий Овчаренко

ВОЛШЕБНИК

Памяти Михаила Стрельцова

Две недели шёл дождь.
 Две недели нет слов.
 Где теперь ты живёшь?
 В самих лучших из снов,
 И в друзьях, и в родных,
 Строчкой в календаре,
 В сотнях изданных книг,
 В тополей серебре.

А где-то выше, под самой крышей,
 Где птичий щебет,— смешной волшебник.
 Он всех услышит, заварит чай.
 Он просто вышел... Прощай.

Здесь у нас тот же страх,
 Здесь у нас тот же смех.
 И слезинки в глазах
 Не у всех, не у всех.
 Отправляется боль
 За последний причал.
 В сердце рядом с тобой
 Поселилась печаль.

А где-то выше, над самой крышей,
 Растаял в небе смешной волшебник.
 Окно погасло, остынет чай.
 Не всё напрасно. Прощай.

ПУШИСТЫЙ БЛЮЗ

— Мой кот никогда не жил в Советском Союзе,
И он ничего не знает про суши и смузи,
Но в блюзе нет ему равных, и это бесспорно,
Ведь на пузе его пролегла муррогенная зона.

Если внезапно печалит меня погода
Или традиционный парад уродов —
Глажу кота, и вся неземная грусть
Переходит в пушистый блюз!

— Мой чел всё куда-то ходит без всякой цели,
А еду, зараза, приносит лишь раз в неделю.
В этом теле он хочет выглядеть очень важным,
Но я верю: он станет нормальным котом однажды.

Будет весь день валяться со мной на диване
И умываться станет совсем не в ванне.
А если взгрустнётся — друг другу сделаем кусь
И слабаем пушистый блюз!

ХИРУРГИЯ

Лечь под нож раздетым и распятым,
Ошарашив близких и родных...
Здесь поэты ходят по палатам
Измерять давление у больных,

Здесь не гаснет свет ни днём, ни ночью,
Здесь не напасёшься сигарет...
Марш-бросок в столовую, где кормчий
Бросил клич ходячим: «На обед!»

Пациентов хмурых — сто процентов,
Всем на что-то не хватает сил.
Слив бачка — как шум аплодисментов
Тем, кто этот подвиг совершил.

Людам, одуревшим от безделья,
С каждым днём всё муторнее ждать.
Развлеченья стали самоцелью:
Сплетни, книги, ужин и кровать.

Словно в мире нет анестезии,
Засыпать под крики по ночам...
Вся Россия — это хирургия,
Только не подвластная врачам.

ВЕЧНОЕ ЛЕТО

Звёзды в июне дремлют, укрывшись в тучах,
Ветви в обновках — принарядились к лету.
Ты, словно Маленький принц, выбираешь случай,
Чтоб изучить поскорее свою планету.

Дни мельтешат, будто спицы в твоих колёсах,
Ты успеваешь всё и открыт для чуда.
Ты никогда, безусловно, не станешь взрослым,
Что бы ни делал внутренний твой Иуда.

А время точно свернулось в точку,
Но в каждом сердце осталось детство,
Чтоб беззаветно лелеять это
Лето, вечное лето.

Жарит июль, тополя улетают в небо,
В каждый солнечный город приходит счастье.
Я, как Незнайка, рифмую слова нелепо,
Ты — как Джоконда: в улыбке твоей всевластье.

Триста шагов по скверу, потом налево,
Пялится окнами в спину квартал окраин.
В каждом из нас притаились Адам и Ева,
Значит, неподалёку скиталец Каин.

А время точно свернулось в точку,
И, греясь дома, ты будешь помнить
И беззаветно лелеять это
Лето, вечное лето.

Этому августу так не хватает ветра,
Так не хватает воздуха, цвета, звука...
Стал небывальщиной твой небольшой Каретный —
Это, наверное, старость пришла без стука.

Что там на завтра, сколько чего осталось —
Так ли уж важно? Жизнь не начать сначала.
Ты не Иисус, не Лазарь, но самую малость
Хочется только, чтобы любви хватало.

А время точно свернулось в точку,
И, глядя в небо и веря в небывль,
Ты беззаветно лелеешь это
Лето, вечное лето.

ЭНДЕМИКИ

Седой Байкал в себя вбирает всё:
Сто тысяч рек, тебя, меня и небо.
И стаи нерп, и облака пасёт,
И всех, кто ищет зрелищ или хлеба.

Останемся на миг или на век —
Как все, кого Байкал себе присвоил.
Мы на планету выпали, как снег,
Без всяких обязательств и условий.

И белую собакою во тьме
Мы мечемся в огромном этом мире,
Где я в тебе живу, а ты — во мне,
И мы с тобой — эндемики Сибири.

ХАРИЗМА

В далёком городе Шанхае
Живёт настойчивый еврей,
Проходим говорит: «Лехаим!» —
Чтоб не толпились у дверей.

Затем дорогу ищет к Богу,
Мешая русский и иврит.
Он хочет строить синагогу,
Но мэр Шанхая не велит.

В Шанхае, дескать, нет условий,
Чтоб соблюдать шаббат и пост —
Для всех трудящихся сословий
В субботу самый сенокос.

И вновь бредёт еврей понуро,
Но путь свой завтра повторит
И окружающим гяурам:
«Шалом алейхем», — говорит.

Он верит, что его харизма
Преграды разнесёт, как дым,
Чтоб на осколках даосизма
Создать второй Ершалаим.

Ольга Немежикова

Чистая Пядь

История в поезде в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СТЕПАН ИЛЬИЧ — *пожилой селянин, говорит лирическим тембром.*

АЛЁНА — *его погибшая семнадцатилетняя дочь.*

ГУЛЯ — *спортсменка.*

МАТВЕЙ — *молодой врач.*

КОЛЬКА — *демобилизированный срочной службы.*

ПРОВОДНИЦА.

ОТШЕЛЬНИК.

Пассажиры поезда, люди на перроне.

Девочка Алёна, десяти лет.

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК.

МОЛОДОЙ МУЖЧИНА.

Время действия — лето 2010 года.

Действие происходит в купе поезда дальнего следования и в воображении Степана Ильича.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Летний вечер. Завершается посадка в купейный вагон. Вокзальные сообщения, гудки составов. Купе представляет собой просторную конструкцию с дверьми, но без стен и потолка. Столик расположен к зрителям. «Вдали», за обозначенной дорожкой коридора, по ходу поезда на экране-окне во всю сцену меняются картины вокзалов и природы. Пассажиры среднего купе занимают места. Нижние полки застелены, одна из них — довольно небрежно. У столика на аккуратном месте сидит СТЕПАН ИЛЬИЧ. К посадочному месту по коридору направляется МАТВЕЙ. На плече дорожная сумка, он безмятежен и счастлив. Звонит жена, с улыбкой он включает телефон...

МАТВЕЙ (*крайне удивлённо*). Как в аэропорту? (*Останавливается. Недоуменно.*) Я же через пару дней буду! Как же так?.. Только приехала... и обратно? Кира, кто знал, что мне задержаться придётся?.. Кира, я всё понимаю... Я не спрашиваю, что там у вас стряслось... Терпеть осталось совсем немного, каких-то полгода... (*Медленно*

*двигается к своему купе, стараясь успокоиться.) Кира... Хорошо... Тебе нужен покой, вам нужен покой, нам всем нужен покой — понимаю. Хорошо, ты больше ничего не хочешь выслушивать... Кира! Ну, молодец, ты хорошо придумала. Ещё поживёшь на даче, потом спокойно родишь, мама с ребёнком тебе поможет... Нет, я не хочу жить отдельно, тем более с мамой, ты как первый день — я с тобой жить хочу! Так... Похоже, снять квартиру всё же придётся, пока дом не сдадут. Слушай, мне после этой стажировки обещали прибавку. Давай не будем тянуть, ты отдыхай у мамы как следует, а я по приезде квартирой займусь — хватит, назрело... За неделю подышу поближе к больнице, вещи перевезу, и ты вернёшься, договорились? Снова будем в парке гулять. Ну вот и умница. Чёрт с ними, с деньгами, — выкрутимся! Массаж нужен всем, ещё клиентов возьму, клич по друзьям кину. Кира, ты, главное, не беспокойся — выкрутимся! Поди, у мамы малина созрела? Вот и будем считать, что вам захотелось первой малины. Ты, кстати, ей позвонила? Не отвечает?... Конечно, на огороде. Совсем удержу нет, говоришь? Совсем расхотелся? Перевернулся? Каратистом, наверное, будет. Или гимнастом? Вы... выпрыгнуть хочет? А может, он — парашютист?! Да шучу я, шучу. *(Через силу, но смеётся.)* Кира, я в вагоне уже... Что?... Слышу, и вас приглашают. На регистрацию?... Ты давай в небе успокоиться постарайся. СМС кинешь, как долетела, потом как доехала, и утром, как выспишься, обязательно набери — буду ждать. Говоришь, с мамой связаться так и не удалось? Будем надеяться, в огороде она СМС-ку твою получила и на последнюю электричку успела. Сомневаешься?... Ничего страшного, ключи у тебя, переночуешь, проснёшься — и до лесу не спеша: мечтать, птичек слушать. Просится тоже? Ничего, пусть поплавает, успеет здесь нахлебаться. Ты давай себя береги. И парашютиста нашего тоже. *(К окончанию разговора ему удаётся настроиться на лучшее.)**

Купе. Пассажиры приветствуют друг друга. Матвей устраивает сумку, расстилает матрац с подушкой над местом Степана Ильича, стелет бельё. В это время в вагон буквально влетает Гуля, слышно, как за ней громко захлопываются двери. Она в стильной спортивной одежде для беременных, с рюкзачком и с большими пакетами в руках, двигается энергично, пышет здоровьем. При подходе к купе у неё звонит телефон, она ставит один пакет у ноги, вынимает телефон, готовится отвечать, но пакет кренился, оттуда выкатываются яркие малышковые игрушки, раздаётся трель неваляшки, звон погремушек.

МАТВЕЙ *(выходит из купе)*. Вы проходите, устраивайтесь, я соберу гуля *(в телефон, скороговоркой)*. Мамуль, извини, всё валится, поезд уходит! Сейчас говорить не могу, конец связи. *(Матвею.)* Спасибо!

МАТВЕЙ (*трясёт и слушает нарядную игрушку*). Прелесть какая!
А мы ещё не покупали. По старинке: родится — возьмём.

ГУЛЯ. А-а... Да какая разница? Знакомая старый «хлам» — большую коробку игрушек — выкидывать собралась, квартиру матери разбирает. Фотку вчера прислала: я как увидела... Звоню: дождись, пожалуйста, не выбрасывай! У меня когда-то была такая же неваляшечка, а тут приехала, смотрю: погремушки, формочки, пирамидки, мозаики разные — до чего милые, такие родные! Так и хочется поиграть! В последний момент к ней заскочила, она у вокзала живёт, не удержалась, от коробки не могла оторваться — всё детство своё собрала, сколько вошло. Наскоро вымыли и в пакеты, какие нашлись, — паковать некогда было. (*Убирает под нижнюю полку пакеты, закидывает наверх рюкзачок, плюхается на сиденье напротив Степана Ильича.*) Здравствуйте всем! Меня Гуля зовут.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Здравствуй, Гуля! Я — Степан Ильич.

МАТВЕЙ. Матвей, рад знакомству.

ГУЛЯ (*довольная*). Очень приятно! Уф... Добежала, не опоздала.
Можно сказать, на ходу заскочила!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Ох и резвая ты.

ГУЛЯ. Спасибо!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. И всё-таки, доченька, хоть ты и резвая, не стоит тебе на втором этаже ехать. Давай-ка с пареньком вот (*кивает на место напротив*) меняйся, он тут набегами больше, в другом вагоне ему как мёдом намазано.

ГУЛЯ (*скороговоркой*). Нет-нет-нет! Спасибо, спасибо, Степан Ильич: беременность — нормальное состояние женщины! Я нарочно верхнюю полку взяла — всю дорогу отдыхать буду, как в гамаке, такой у меня каприз — с детства верхние полки люблю.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. А если дёрнется поезд? Да мало ли что?

ГУЛЯ (*у неё звонит телефон, отвечает*). Мама, я уже в поезде, не дёргай меня — успела, успела. Мы тронулись, мне разложиться пора. Не трать драхмы, мамуль, — перезвоню. (*Степану Ильичу, бойко.*) Хоть подпрыгнет пускай! У меня работа такая — спорт. Случись чего — руки вцепятся сами. И не факт, что внизу безопасней.

МАТВЕЙ (*видя, что Гуля тянется за матрасом*). Позвольте, снова вам помогу. (*Раскладывает для неё матрац с подушкой.*)

ГУЛЯ (*довольная*). Спасибо... (*Застилает постель.*)

Слышны звуки отправления поезда, вокзальные шумы, нарастающий стук колёс. В купе входит проводница, собирает корешки билетов. Звучит приятная музыка. Гуле поступает СМС. Она выходит

в коридор, закрывает за собой дверь, отходит от купе, делает вызов и терпеливо, вместе с тем темпераментно, ведёт разговор.

Мама!.. Слушай, докапываться перестань! Я же сказала: свадьбы не будет — банкет отменяется, и твой приезд (*с нажимом*), соответственно, тоже. Да и нечего делать в Москве — гарью поволокло, торфяники тлеют, чует сердце, скоро нечем будет дышать. Восемь лет назад впечатлений хватило — совсем не хочется мне в противогазе ходить, да и ребёнок должен начать жизнь с глотка свежего воздуха. К счастью, моя фотосессия «с животом» для каталогов закончилась, рекламные ролики тоже успели отснять, заодно квартиру удачно, считаю, сдала их новому оператору, аккуратно до следующего лета. Как в мозаике всё сложилось, так что пылю в родовое поместье — спокойно родить, о жизни подумать. Квартирантам до приезда разрешила пожить — и здесь договор к месту истёк. За три дня в квартире косметикку наведут — со строителями списалась, круглосуточно будут работать, пока в гостинице пересяжу — мне ведь не привыкать. (*Пауза.*) Мамуль... Так... Спасибо скажи, что тебя слушаю, хотя оно сильно мне надо?.. У тебя своя жизнь, у меня своя — не я выбирала. Мама... Ребёнок ведь не его — ко мне какие претензии? Почему жениться хотел? Ну, говорил старомодно, что всегда говорят... и тому подобная чушь... Я?... Мне вдруг захотелось отца ребёнку. Да, представь! Подумала, стерпится — слюбится, он парень-то, в общем, нормальный, три года в одной обояме, весь на виду. А тут — нет, ты прикинь, засада какая — не ожидала... решил, что я (*волнуется*)... на шестом месяце (*обиженно и зло*)... его мамаша по этому поводу таблеточки приготовила — сдалась мне семейка такая! Мама, я, представь, тоже хочу кого-то любить. Не собачку, не кошечку, не птичку, не рыбку... Чтобы прийти домой, а там родной человечек, и я к нему, то есть к ней — в объятия! А ещё вместе гулять, говорить обо всём, на каруселях кататься. Да, представь, материнский инстинкт... Чуть по стене не размазала гада! Встречу ещё?! (*Запальчиво.*) Ой, брось... Мама, какая любовь?.. Ты откуда свалилась? Ты похоть сюда не путай, пожалуйста, не надо инстинкты невесть за что принимать. (*Язвительно.*) Где ты любовь встречала — в романах?! Это каких?! Деятого столетия? Двадцатого?.. (*Кривляется.*) Что ли, «Лолита»? Не надо?! Или снова старая добрая «Анна Каренина»?! Знаю, твоя любимая тема... романов! Ага, чуть что, ты мне капаешь: поезд, омут, таблетки, крыша, петля, — не понимаю, откуда такая тяга к членовредительству? Это я — циник?! Мама, окстись, а ты что хотела: в двадцатом веке убили автора, Бога, семью. Да, и семью в ту же яму, а с ней и любовь, она ведь теперь совершенно свободная. Есть инстинкт, долг, польза, в конце концов. И мне как-то жить в этом надо, со своими, представь, даже — чувствами...

Смотрю на Татьяну Валерьевну, вот уж постояла на пьедесталах, да кончился спорт, хорошо, тренерская осталась, нас муштрует, спать не даёт — молодец баба... Но разве это жизнь, разве за это боролась? У неё же, кроме работы, нет ничего: как гонка была, так и осталась. А мы — мы солдаты под генералом, в одном строю денежку получаем. Она, Ленку когда рожать провожали, в пьяном припадке мне повинилась, что аборт в юности в жутком раздразе сделала — на Олимпиаду рвалась. Так вот, дороговато медаль обошлась: выла, что больше — всё! не заводились в ней дети... А я решила: ну нет! Закрываю мишени на всех рубежах — пусть родится ребёнок, если случился. И знаешь, я так довольна, такое мне утешение... Справлюсь, мамуль, не стони. Сама, сама: не я первая — и точно уж не последняя. Ну ладно, чао-какао! Вот видишь, и я твоими прибабасами заговорила. Скучаю, быть может? (*Со вздохом.*) Кто он?.. Это имеет какое-то значение? (*Крайне удивлённо.*) Ба-а-абушка? Опа! Америка-Европа! Нет, право у тебя никто не отнял. (*С иронией.*) Не хочешь ли поводитьсь? Ладно, ладно, не напрягаю. Не волнуйся, мамуль, не волнуйся, ребёночек будет что надо. Производитель — племенной жеребец-конькобежец. По-русски ни в зуб, зато как потрясно он улыбался... Глорией звал... Ах, мама! Сам — как балетный премьер, а уж ухоженный... смотрела бы и смотрела. Прельстилась, не смогла устоять, крышу снесло, затмение, зов не знаю чего — природы, крови, луны... А что, улучшать породу не надо? Ну, спасибо, что понимаешь! (*Хочет, не может остановиться.*) Во даёшь! Да не волнуйся ты: белый он, белый! Я, мам, в отличие от тебя, на родине жить собираюсь! Та-ак, а теперь, так и быть, к стрельбе заключительной... Слушай, а тебе не пора на работу? Автобус ещё уйдёт. Что?! Опять двадцать пять! В самом деле, работать зачем, когда дочь такая богатая — призовые потратить не в состоянии?! И что это я не лечу, а в поезде еду?! На верхней полке, заметь! Мама, пойми — я в декрете: сама держись, ничем, прости, помочь не могу. (*Почти в отчаянии.*) Ну когда это кончится? Почему они вечно тебя бросают?! (*Издавательски.*) Где южная их любовь к зрелому женскому телу? Ну что — Аглая, Аглая?! Возьму вот сейчас и залаю! (*Жёстко.*) Ладно, кончай хлюпать, рыдать, бери пример с дочери. Понимаю, в Греции чиабатта подорожала, зато рыба дешёвая! Что? Чиабатта была в Италии, и рыба нигде не дешёвая? В Греции пита? Так и быть, пита и рыба подорожали. Мировой кризис, у нас тоже не дешевают. Да ведь ты же худеть собиралась! И вообще, займи себя чем-нибудь! Нет, не проси, слать книги больше не буду — по Интернету читай. Мамуль, с годик надо бы потерпеть, на пособия продержаться, заодно фигуру себе наведёшь. Что?! Нет, ты (*с нажимом*) свою уже продала. Кому-то на страшную пользу! А я папину продавать не собираюсь, и не проси: университет в трёх шагах, навсегда очередь на аренду.

И вообще, представь себе — родина... Хорошо, мама... Не дави на меня — тебе всегда плохо. Доеду — чуток перечислю. Немного, совсем немного: рубль падает, евро растёт. Я планирую няню-медичку нанять, через полгода закончу родильный этап, начну восстанавливаться, к Олимпиаде своей буду как заводная. Ничего себе, что тебя беспокоит! Нет, не дурю — спасибо, не переживай. Елена до последнего, дурочка, бегала, всё кислородом плод насыщала. Добегалась: умер мальчонка у чемпионки на третий день — врождённый порок сердца. Она зареклась от дури своей, а нам всем наука. Так что даже на самолётах пока не летаю — вечная спешка достала, а в поезде так потихонечку: тук-тук-тук... тук... Всё! Отбой! Мама, мне стелиться пора — хочу отдохнуть! Целую-целую, чао-какао!

Гуля убрала телефон, стоит боком, смотрит в окно. К ней со спины гоголем приближается Колька в эффектной дембельской форме. Он подшофе, только что вышел из тамбура, молодая женщина ему нравится, её живот ему не виден. Колька заламывает берет, начинает пританцовывать, идиотски мурлыча: «Ах, какая женщина-а...» Гуля не реагирует, тогда он, приблизившись, не долго думая, хлопает её под ягодичы, сопровождая выходку игривым: «Ого!» Гуля сердито поворачивается — Колька отступает на шаг.

(Смело.) Что, съел? А ну давай лесом вали да ручонки придерживай!

колька. Пардон, мадам, ошибочка вышла...

Гуля возвращается в купе, садится рядом со Степаном Ильичом. Следом входит сконфуженный Колька. Оглядывая купе, чешет затылок. Матвей, озабоченный невесёлыми мыслями, лежит на верхней полке.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Вот и сосед Николай — ясное солнышко.

гуля. Пьяное солнышко!

колька (*извинительным тоном*). Мадам... Пардон, не имею чести знать ваше имя...

гуля (*усмехнувшись*). Аглая Филипповна.

колька (*оторопев, но быстро оценив ситуацию*). Ого! Рад представиться: Николай Львович!

гуля. Николай Львович? Ого! (*С иронией*.) Мышкина сын?

колька (*подхватывая игру*). Будут ещё попытки?!

гуля. Не будут. Видно, что Львович: пуд бахромы на тебе!

колька (*доброжелательно выдерживает паузу; вкрадчиво*). Аглая Филипповна, позвольте узнать: вы путешествуете в приятном сопровождении? (*Вопросительно показывает глазами на Матвея*.)

гуля. Я путешествую приятно! И без нужды в сопровождении!

колька (*уверенно*). Тогда для начала имею честь предложить своё место! А также занятное общество моего боевого товарища Вадима Андреича, если джентльмен (*кивает на Матвея*) проявит добрую волю перебраться в соседний вагон на точно такую же полку. Там в купе добropорядочная семья с двумя спиногрызами.

гуля. Вы, дембеля, как вообще в купейные вагоны попали?

колька (*по-простому*). Деньги есть, билетов нет. Купили что ехало. Да мы всё больше в ресторане сидим (*манерно*), шампанским спиваемся.

гуля. Пьяных гусаров лучше смотреть в кино!

колька. Ну почему пьяных? Мы порядком интеллигентные. (*Явно врёт.*) Я, между прочим, учитель... русского языка и литературы! Мой товарищ тоже стремится к преподавательскому поприщу.

гуля. Учитель — вот маскарад! Кому расскажи! И товарищ куда-то стремится! Ври, да не завирайся! Учитель он!

колька. А может, я на самом деле учителем стану?

гуля. Когда рак на горе свистнет? Учитель!

колька (*Матвею*). Ты как, брат? Поменяешься, сможешь? Мы — тихони, никого не тревожим... И совершенно не пьём...

степан ильич. Коля, тут ехать-то что? И хорошо, что в разных вагонах. Только ты сегодня на вторую-то полку как заберёшься? Вчера на свою не сразу попал.

гуля. Ха! Что ль, промахнулся?!

степан ильич. Сел косовато, видно, задумался. Потом головой столик едва не снёс.

колька (*босаяцки*). Ну что ты, Ильич... Молодым не был? С армии не возвращался? (*Матвею.*) Слышь, как ты, браток? Переберёшься?

матвей. Где ехать, мне безразлично, но я ведь здесь не один.

колька. В смысле? У тебя тоже здесь кто-то едет?

матвей. У меня — летит. И не здесь. Я про товарищей говорю (*кивает на Степана Ильича и Гулю*): мы уже познакомились.

колька. Жаль... Ладно, не будем меняться (*Гуле*) — с ним. А ты на место моё давай!

гуля. Ещё чего! Это просто опасно!

колька. Дедушка шутит.

гуля. Зато я не шучу. Спасибо, не о чем беспокоиться — специально гамак купила. (*Ловко забирается на полку.*)

колька. А я тоже так не могу — под дамой ехать. Так я ночевать не приду. Мой репрессированный прадед, Аглая Филипповна, был, между прочим, сельским учителем, сыном присяжного поверенного,

в юности, кстати, гусара. Пращур бы застрелился, оказавшись на моём месте.

гуля. Какие слышу слова... Ты сам-то понял, чего сказал?

колька. Ты тоже ведь поняла?

гуля. Я одного не поняла: болтаешься почему? В школах нехватка мужчин-учителей...

колька. Я... ещё выбираю. Но речь не обо мне. (*Церемонно.*) Аглая Филипповна, вы покидаете верхнюю полку?

гуля (*с досадой*). Как тебе объяснить?.. Мне нравится ездить на верхних полках! Сто лет на них не каталась — всё самолётами. А тут случай представился, хочу удовольствие получить.

колька. Как хотите, Аглая Филипповна, честь превыше всего — спать я не буду!

гуля (*запальчиво*). Коля! Я — Гуля. Давай будем на «ты». (*Матвеев.*) Матвей, с тобой тоже: я из простых, дворян в нашем роду точно не было — я, стыдно признаться, толком не знаю, кто там и был. Это мама так меня назвала, она как раз учитель русского языка и литературы. (*В интонации уловима обида.*) Давно за границей болтается. Там некого учить русскому языку и русской литературе. К тому же ресторан ведь до двенадцати — ты где не спать-то собрался? Что за подвиги? Я, конечно, не радикальная феминистка. Но... пусть будет, если угодно, маленький дамский каприз.

колька. Мадам... Что бы сказал ваш супруг? Хотя какая разница, что он нам скажет?

гуля. Я не замужем.

колька (*крайне удивлённо и даже обрадованно*). Да?! Тем более спать я не буду!

гуля. Боже, какой упрямый! Может, мне тоже не спать?

колька. А что? Вот и поговорим, а то и разговоримся!

гуля. Я бы поговорила, если будет о чём.

колька. Тогда не проблема!

гуля. Проблема: ночью не выйдет — режим у меня.

колька. Режим?! Аглая Филипповна, вы мне нравитесь больше и больше!

гуля. Ищешь няньку себе?

колька (*смешливо*). Место няньки ищущу!

гуля. Рассмотрю резюме с медицинским образованием.

колька. Вам повезло: я не кто иной, как медбрат!

гуля. А ещё кто?

колька. О... Тут хватит рассказов не то что на ночь — на целую жизнь!
гуля *(со вздохом)*. Две балаболки в купе — просто беда, перебор.
колька. Перебор. Так как, Аглая Филипповна, перебираешься?
гуля *(с удивлением)*. Куда?

колька. Как куда?! На место моё!

гуля *(твёрдо)*. Нет! *(С досадой.)* Вот пристал! Матвей, да скажи же ему — у меня что-то не получается.

МАТВЕЙ. А может, на ночь спуститься на нижнюю полку, а днём на верхней качаться? Николай всё равно в ресторане, а в окно ночью кого смотреть?

гуля *(притворно оскорбившись)*. Ещё чего не хватало... На ночь в чужую постель!

МАТВЕЙ *(самому смешно)*. Действительно, не подумал...

гуля. Мне рисковать ни к чему: мало ли, перепьёт — на живот рухнет. Нет, и не просите! *(Добродушно.)* Коля, имей в виду, если надерёшься сверх меры — терпеть я не стану! Это тебе со Степаном Ильичом повезло. У меня на ближайшей станции будешь трезвость усваивать! *(Примириительно.)* Ладно. Спасибо за мужскую заботу — очень приятно. На самом деле, приятно ехать среди мужчин: что может быть лучше? Ну что же делать, может, я таким образом от стрессов себя оберегаю?! Поезд дёрнется, в это время кто-то с лапшой горячей к столу...

колька *(бодро)*. Ну, тогда нормалёк — убедила, красавица! Вообще-то я заходил посмотреть, кто вселился. А коль переселению крышка, я в ресторан.

гуля. Шампанским не захлебнись! И дверь оставь: пускай сквознячком протянёт!

Колька уходит, дверь остаётся открытой. Гуля смотрит в окно. Матвей раскрывает книжку. Степан Ильич сидит за столом. Проводница с пассажиркой проходят по коридору.

ЖЕНЩИНА. Как, говорите, деревня та называется?

ПРОВОДНИЦА. Раки. Так и называется — Раки. У них раки когда-то водились, потом вышли, а лет пятнадцать откуда-то вновь завелись, и теперь раков этих — ловить не переловить. А ещё говорят, там что ни дом, то постоянный двор. И огромная изба-ресторан никогда не пустует. Там всё, говорят, в русском стиле, даже клетки с канарейками под потолком — такая диковина. Отдыхающих в Раках немало, даже из-за границы едут. К нему всё, к отшельнику.

ЖЕНЩИНА. Надо ж так, теперь и у нас святые, ну прямо как в Индии!

проводница. К нему, считай, целый вагон сойдёт. И зимой ездить не прекращают. Многие были не раз. Он и лечит, и ответы даёт. Случается, наркоманов к нему везут, алкоголиков разных.

женщина. И лечит всё наложением рук?

проводница. Всё наложением. Как взглянет... Всё видит, с чем к нему человек!

женщина. Вы сами-то видели?! Пряма-таки чувствует?!

проводница. Не видела я, но всякий раз что только не порасскажут. Говорят, он посмотрит-посмотрит и — руку на темечко, держит сколько-то надо. Кого лишь коснётся, а когда, обычно больным, долго может держать.

женщина. И что, встают больные-то, поднимаются?

проводница. Наверное, встают, раз люди едут и едут. Земля, слышала, в Раках идёт, почитай, как в столице, строят и строят, дорогу от станции проложили. Да мы самого, подвезая, быть может...
(Уходят.)

Слышен мерный стук поезда. Звонит телефон Матвея, он откладывает книжку.

МАТВЕЙ (*прохладно*). Да, мама... Здравствуй. (*Выслушивает.*) Успокойся, Кира к матери улетела. И вообще, какого рожна тебе занавески эти сдались? Ну, привезла она их, повесила как смогла. Тебя не спросила — в нашей ведь комнате! Что ты к ним привязалась? Съедем — с собой заберём. (*Долго выслушивает.*) В общем, спасибо за всё. Поживём на квартире, пока в свою не заселимся. (*Долго выслушивает.*) Мама, никто никого ни в чём не винит, успокойся, пожалуйста. Кира вернётся — помирится, жизнь впереди. Будь здорова. Пока. (*По манере его разговора понятно, что он — почти-тотальный сын.*)

Матвей берёт в руки книжку, но не может сосредоточиться, закрывает. Потом снова пытается читать — опять безуспешно. Гуля это видит.

ГУЛЯ. Прости, Матвей, может, о чём-нибудь поболтаем? Что пытаешься вычитать?

МАТВЕЙ. Вычитать я пытаюсь.

ГУЛЯ. Ого! Что-нибудь по теории вероятностей?

МАТВЕЙ. Попала почти. Только я пытаюсь задачу решить.

ГУЛЯ (*импровизирует*). Из пункта А в пункт Б направляется поезд. Сколько пассажиров доедут до конечной станции, если... О, сколько всего может случиться! Ты — математик?!

МАТВЕЙ. Нет, я врач. Но люблю математику.

гуля. Ничего себе! Какие у людей интересы! Боже, с кем дорога свела — врач-математик!

МАТВЕЙ. Врач. Просто врач.

гуля. Сегодня — врач, а завтра, чем чёрт не шутит, р-раз — и математик! Я вот в спорте сейчас, но не век же лихачить?

МАТВЕЙ. И в спорте запросто — век. Уйдёшь в чиновники, судьёй или тренером будешь.

гуля. Ну уж нет, не вижу себя чиновником. И насчёт тренерской тоже сомнения. Хочу что-то другое, чтобы не скучно и заново! Вот медицина и математика — это мне нравится! Пряма завидую: сильный разбег, есть куда двигаться — из пункта А в пункт Б столько всего другого. Я, кстати, девочку жду, а вы?

МАТВЕЙ. Сынишку.

гуля. Имя придумали?

МАТВЕЙ (*неуверенно*). Выбираем...

гуля. Степан Ильич, а вот скажите, пожалуйста, имя ребёнку лучше выбрать заранее?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. А ты, поди, уже выбрала?

гуля. Ещё как выбрала! С трёх раз не угадаете! Даже со ста!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Да как же назвать-то дочку решила? Поди, по-заморскому?

гуля. По-сказочному! Мальвиной её назову! Как ни у кого! Будет у меня Мальвиночка-картиночка! Кружавчики, пышные юбочки, локоны, банты!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Мальвина — малина, малинка, малинушка — сладкая, нежная ягода... (*Говорит сам себе, тише.*) А я свою младшенькую Алёнушкой назвал. Тоже из сказки. Только другой... (*Закрывает лицо руками, погружается в воспоминания.*)

ИНТЕРМЕДИЯ I. «ЧИСТАЯ ПЯДЬ»

Лес, залитый солнцем. Вдали кукует кукушка, слышны шелест листьев, журчание ручья — чарующие лесные звуки. Появляется десятилетняя Алёна с ведёрком малины.

АЛЁНА. Па-па-а-а! Ау! Ты где?! Ау!

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*слышен голос*). Иду-у-у! Алёнушка-а! Здесь я, неподалё-ёку! Иду-у!

АЛЁНА. Папа! Мне одной не управиться — помоги.

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*выходит с полным ведром*). Какая плантация!

АЛЁНА. Доверху набрала, глаза поднимаю, а вокруг красным-красно.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Да-а... Нам и собирать уже не во что, да и не надобно — пускай другим пригодится. Что, Алёнушка, вдоволь полакомилась?

АЛЁНА. Вдоволь! До чего сладкая!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. И я малиной сыт на весь год. Нынче на удивление рано она уродилась — даже кукушка ещё поёт.

Степан Ильич с Алёной усаживаются отдохнуть.

АЛЁНА (*только что оборвалось кукование кукушки*). Ой, что она? Почему? Я только-только считать начала... Семь насчитала...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Ничего... Кукушка надолго не замолкает, чуть отдохнёт и опять закукует.

АЛЁНА (*кукушка закуковала*). Папа, ты давно обещал про Чистую Пядь рассказать.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Про Чистую Пядь... Это легенда такая, сказка для взрослых.

АЛЁНА. Разве я маленькая? Папочка, расскажи!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Взрослая, говоришь?

АЛЁНА. Мне давно десять!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Действительно, взрослая.

АЛЁНА. Расскажи, от кого ты услышал про Чистую Пядь?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Я? Ни от кого...

АЛЁНА. А как же узнал?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Она... мне приснилась.

АЛЁНА. Приснилась?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Да, однажды. Да так ясно приснилась, будто кино какое смотрю, и будто не раз. Так хорошо всё там было, что не смог позабыть.

АЛЁНА. И мне расскажи — я тоже её не забуду. Почему так называется — Чистая Пядь?

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*певуче, размеренно*). Каждый человек, который приходит в Чистую Пядь, горсть земли с собою приносит — горсть своих чистых помыслов — и бросает её на хлебное поле. Чтобы и его чистые помыслы там прорастали.

Рассказ Степана Ильича прерывается: сойка устроила переполох. Алёна испуганно жмётся к отцу, тот крепче её обнимает.

АЛЁНА (*испуганно*). Папа, ой, кто это?.. Баба Яга?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Не бойся, Алёнушка. Откуда здесь взяться Бабе Яге? Это сойка кричит, надрывается. Видно, куница побеспокоила,

к птенцам подбирается, вот и гонит сойка разбойницу: как оголтелая свищет, хоть святых выноси. Не бойся, Алёнушка...

АЛЁНА (*успокоившись*). Папа, а где она, эта Чистая Пядь?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Скрыта... Лежит среди синих гор, голубых озёр, вечной тайги...

АЛЁНА. Как там? Наверное, красиво?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Да... Очень красиво. Лето там жаркое. Зимой много снега и солнца. Весна в Чистой Пяди звонкая, а уж осень... Осень красная и золотая; тёплая, долгая — чтобы успеть собрать урожай и вволю налюбоваться.

АЛЁНА. Папа, а как там люди живут?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Люди там по людским законам живут.

АЛЁНА. А какие ещё бывают законы?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Нелюдские бывают — звериные, когда прав тот, у кого сила. А в Чистой Пяди правят любовь и справедливость.

АЛЁНА. А чем там люди живут?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Детей растят и работают от зари до зари — всякий дело своё знает и делает. Трудностей люди те не боятся, потому что живут одной дружной семьёй и праздники весело справляют.

АЛЁНА. Эти люди — они, как мы, умирают?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Конечно, как мы, умирают. Но в Чистую Пядь приходят новые люди, и каждую осень справляются свадьбы.

АЛЁНА. Люди приходят? Откуда?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Из мира. Из нашего мира. Идут, ищут своих наречённых и обязательно в Чистой Пяди находят.

АЛЁНА. А где дорога туда?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Дорога туда известна: через огонь, воду и медные трубы. Только никто не знает, какой тропинкой кому придётся идти.

АЛЁНА. Папа, а ты можешь дорогу мне показать?

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*ласково*). Отыщешь сама!

АЛЁНА. Сама?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Конечно, сама! Время придёт — отыщешь. Ты, главное, не отступай, а всё, что не ясно, спрашивай.

АЛЁНА. Папа, как же я могу у тебя не спросить?

Затемнение. Степан Ильич сидит за столом, убирает руки от лица.

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*сам с собой, горько, глядя в ладони*). Не спросила... гуля (*будто проснувшись*). Что?.. Степан Ильич, вы о чём?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Так... Своё... А давайте, ребята, ужинать! Чем Бог послал. Мне одному не съесть, так что всех приглашаю. Припасы

невестка купила: помидорчики с рынка, огурчики, лепёшки-лаваш, сыру косичка.

МАТВЕЙ. Спасибо! У меня курица гриль, прямо из печки: кусками не продавали, пришлось целую взять — вот и уговорим.

ГУЛЯ. Вкуснотища какая! Тогда паштеты мои пусть лежат — всё равно где-то на дне валяются, потом доберёмся и доедим.

Все собираются у стола, достают припасы, обедают.

Степан Ильич! Вы не артист, случайно?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. С чего это ты?

ГУЛЯ. У меня пластинки мамыны сохранились. Там сказки читает Бабанова. Ваш голос чем-то похож, только мужской, но такой же красивый — слушала бы и слушала.

СТЕПАН ИЛЬИЧ *(себе, тихо)*. Вот и она тоже... Слушала всё и слушала... *(Всем.)* Что голос?.. Если бы я артистом родился, был бы красивым, а я такой же, как все. Нет, я не артист — всю жизнь трактористом работал.

ГУЛЯ. Трактористом?..

СТЕПАН ИЛЬИЧ. А что тебя удивляет?

ГУЛЯ. У вас не только голос красивый. Язык... Говорите вы хорошо, чисто, правильно...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Что в сердце, то и на языке... Мне, наверное, повезло: при школе небольшая библиотека была, по тем временам в ней интересных книжек было немного, но с десятков томов Льва Толстого на полках имелось. Может, не всё у Льва Николаича я понимал, но любил перечитывать: будто отца, без вести пропавшего, слушаю — так мне казалось. И поныне много читаю — глаза не подводят, дневники очень люблю, мемуары.

ГУЛЯ. Вот я, Степан Ильич, спросить вас хочу. Помню, однажды, я дома ещё жила, смотрела по телевизору какую-то древнюю запись — со столетней бабушкой интервью. Она как раз в год отмены крепостного права родилась. Не знаю, по какому поводу бабушку эту с полки достали, но помню, что говорила она не по возрасту ясно. Так вот, бабушка эта такую выдала вещь, до сих пор забыть не могу: что не понимает, зачем и что за любовь такая придумана. В их время никакой любви не было — так и сказала. Лишь бы муж и жена были здоровые, работающие. Так и вертится в голове... Ведь человек сто лет прожил без всякой любви — и ничуть не решил, что без чего-то остался. Опять, если вдуматься: ну кто мог позволить себе любовь? Дворяне! Им чем ещё заниматься? Любовь, она времени требует — фантазий там разных, а фантазии эти, хоть тресни, на турнике не рождаются. Там об одном думаешь: выжать, выдержать, сделать! Так и пашешь, как

вол, к вечеру падаешь, потому что к утру очухаться надо. Опять же, это если как лесоруб вкалывать, но ведь и то внутри всегда что-то тлеет, стоит только раздуть... Оно, чувство это, словно часа ждёт своего. А у бабушки той, получается, и часа этого за всю жизнь не случилось — или что? Не пойму.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Часа, говоришь, не случилось? Это ты зря. Жизнь у неё случилась, вот что скажу.

В двери появляется Колька, цепким взглядом впивается в стол, сглатывает слюну.

КОЛЬКА. Приятного аппетита честной компании!

ГУЛЯ. Садись, гусар! Поди, в ресторане еда дорогая? Садись, перекуси. Сколько можно пивом питаться?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. В самом деле, Коля, присаживайся, хватит шустрить между вагонами.

Гуля пропускает Кольку к окну, он с аппетитом принимается за еду.

ГУЛЯ. Как же, Степан Ильич, бабушке этой без любви прожить удалось? Ведь и она была молодая, красивая и уж точно здоровая?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. А зачем ей эта любовь, если лад был?! Если семья крепкая, дружная — ладная.

ГУЛЯ. Лад...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Тут уж судьба. Потому что семьи кто по потребности, кто по нужде создавал. Кто побогаче, брал жену покрасивее, чтобы дети были пригожими. А если и лад в семье, то что ещё надо?!

ГУЛЯ. Лад... Вот оно что — лад! А я ведь тогда не поняла... В голове всё крутилось: неужели, кроме жизни привычной, ей ничего и не надо?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Хорошо, когда лад... Значит, и дело у каждого есть, и чувство друг к другу имеется, ну, или что там вместо него — уважение, привычка, обычай. Женщина эта, видно, свой век прожила как по укладу положено, в ладу с собой и с людьми. А может, злых, чужих рядом не было.

КОЛЬКА *(с набитым том)*. Чужая душа — потёмки!

ГУЛЯ *(задумчиво)*. Да... Ей позавидовать можно — ладу её. Это не узел тебе на узле, не захочешь — в трёх соснах заблудишься. Простая жизнь... Даже представить себе не могу... А как бы хотелось!

МАТВЕЙ. Хм! И в какой это сказке эта столетняя бабушка две войны просидела?

КОЛЬКА. Действительно, где так сидят?! В каком таком месте? *(Гуле.)* Ты запомнила место?

ГУЛЯ. Место я не запомнила, а вот вопрос бабушкин так и застрял в голове.

КОЛЬКА. А какой вопрос?

ГУЛЯ. Меньше бегать надо по значным местам! Но для тебя, так и быть, повторю: бабушка не понимала, что за любовь такая придумана, она сто лет без любви прожила, детей, внуков, правнуков нажила — всё без дури блажной, которую она за любовь и считает.

КОЛЬКА. Моя бабуля тоже таких же правил, и тоже, дай Бог, сто лет проживёт.

ГУЛЯ. Любишь бабулю?

КОЛЬКА. Бабулю люблю! О-о, какие у бабули блины! А пироги! А варенье! Ждёт не дождётся, когда женюсь, правнуков хочет понянчить.

ГУЛЯ. Ничего себе! Тут днём с огнём, чтобы к внукам бабушку заманить, а твоя даже правнуков ждёт! Кем она работала?

КОЛЬКА (*удивлённо*). Работала?.. Работала... А!.. Женой председателя! Работать ей некогда было: детей пятеро, скотина, большой огород.

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*спокойно*). Потому и не работала, что женой была председательской — им только и попускалось. А моя мать трактористкой была, по призыву Паши Ангелиной: «Сто тысяч подруг — на трактор» — плакат в избе долго висел, пока мухи не засидели. Как женщины эти рожали?.. Ведь те трактора — что твои перфораторы! Мать говорила, не успела родить — на третий день на работу погнали: хватит вылёживаться, поле не ждёт. Одна в доме, муж на фронте, никаких тебе стариков, чтоб за дитём доглядели. А чужой ребёнок нужен кому? Что делать? По закону грудное дитя можно кормить — перерывы на это давались. Она в корзинку меня и под куст: на краю поля устроит, покормит, перемотает, слезу утрёт — и обратно на трактор. Говорит: не дай Бог, молоко бы пропало, помер бы с голоду — только того и боялась. Так до зимы и жил под кустом, в тряпках замотанный, от дождя-снега коробкой прикрытый. Мать лишь кормить подъезжала. Страшное было время для женщин — всех на работу гнали. Надорвалась она на работе такой, и бросить нельзя — никто не позволит.

ГУЛЯ. Да... В то время в деревне, считай, что на каторге: паспорта отбирали, и за пайку паши, пока не померёшь.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Ты, Гуля, со скольких лет в спорте?

ГУЛЯ. С семи. Но тогда были детские тренировки. Пахота началась в интернате, с тринадцати.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Нравится?

ГУЛЯ. Да. Я всегда побеждать хотела, в полную силу работать — я люблю в полную силу.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. И хорошо платят?

ГУЛЯ. Грех жаловаться.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. А матери денег так и не дали, чай, не Паша Ангелина,— писали одни трудодни. Помню, успела мать пенсию получить, три рубля заработанных.

КОЛЬКА *(подавился)*. Каких три рубля?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Три рубля пенсия.

КОЛЬКА. Не понял...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. У колхозников пенсия три рубля в месяц была.

КОЛЬКА. Ого...

ГУЛЯ. Мотай на ус, обормот! Про деда-прадеда помнишь — конигусары, а дальше — провал. Слушай, это уже вырождение...

КОЛЬКА *(чесет затылок)*. На уроках истории этого не говорили...

ГУЛЯ. А самому собрать информацию? Горе-учитель... Мне простиительно, я на ниве своей пашу. А ты, разгильдяй, чем занимаешься? После школы, сознайся, болтался, пока в армию не уекли? Матвей лечит людей, а ты?

КОЛЬКА. При чём тут я?! Ты чего на меня налетела?! Ей простиительно, значит...

ГУЛЯ. Ну, может, не так и простиительно. А налетела, что ты здесь у нас один не у дел.

КОЛЬКА. Мне спешить некуда — в нашем роду все долгожители.

ГУЛЯ. Талант не пропьёшь?

КОЛЬКА *(притворно-обиженно)*. Что прицепилась? Я мужик хоть куда! Ты ведь меня не знаешь! *(Игриво.)* Но что мешает узнать?!

ГУЛЯ. Жуй, не отвлекайся, а то опять ненароком подавишься.

КОЛЬКА. Не страшно, у нас тут врач. *(На самом деле глотнул не туда, закашлялся, выпучил глаза. Гуля основательно простучала его по спине.)*

ГУЛЯ. Вот видишь, от удушья едва не погиб!

КОЛЬКА *(иронично-сдавленно)*. Если б не ты...

ГУЛЯ. Чистая случайность — спасла по пути.

КОЛЬКА *(вытерев руки о салфетку, бережно поправляет эполеты, стряхивает невидимые крошки, выпячивает грудь)*. Спасибо, что хоть по пути. Но мы отклонились от темы — вечной темы любви!

ГУЛЯ. Гусары, по коням!

КОЛЬКА. Зачем? Спешиться самое время.

МАТВЕЙ. Лад... Это вы, Степан Ильич, как точку над «і» поставили. Лад в семье — он и есть любовь, бабушка просто была неточна в терминологии.

ГУЛЯ. Боже, а кто в ней точен, в этой любовной терминологии?!

С этими словами Гуля ненадолго покидает купе, дверь так и остаётся открытой.

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*говорит, словно сам с собой*). Лев Толстой, я так понял, тоже искал прозрачную для себя простоту, только вот не нашёл. Да и как ему её для себя отыскать? Не на глухом хуторе жить ему довелось. Что же касается слов... Вот без слов — как объяснить? Возьмём честь. Не будет слова для чести — и понятия «честь» не будет. Хотя честь только кровью и выкупается... (*Задумывается ненадолго.*) Однако что за честь без понятия? Достоинство или спесь? Или сила дурная? Смешно... Честь — она, как и любовь, изнутри, только словами снаружи описана. Не говори ничего человеку, махни рукой, не воспитывай (*с неожиданной горечью*) — и будет животное скоро... Скот скотом будет...

КОЛЬКА. Скот скотом, это точно. Особенно женщин касаемо... (*Загораются.*) Слышь, отец... Ты ведь тоже был молодым... Ведь любой за собой испытал. Поправила юбочку или там чёлку — и кажется, что для тебя: обрати, мол, внимание! А как не обратить, я ведь мужик! И — готов, всё забываешь, чуть дотронулся — забирает: и что мне теперь, грохнуть себя за это? Девка крутит тобой как хочет, всего изведёт. А как надоела — не знаешь, куда бежать, так вцепится, ходит и ходит, всё караулит, так надоест, что... Да суки они! Ладно, пускай не все. Но этих «не всех» что-то мне не встречалось. А я, может, хочу быть единственным! Так и быть, пусть не первым, но чтобы дальше — только моя... Не захотела — свободы ей подавай, не дождалась... Сука! А как задом вертела, старалась... Как по мне, сучка не захочет — кобель не вскочит!

На последней фразе заходит Гуля.

ГУЛЯ. Чай всем заказала и печенюшек. (*Кольке.*) Ты, гусар, говори, да не заговаривайся — ишь, ушлый какой! Да тебе до тех кобелей далеко — и слава Богу, что далеко. Выпал мне случай однажды, схлестнулась... Тот ещё зомби...

КОЛЬКА (*участливо*). Где угораздило?

ГУЛЯ. Да всё там же, в тёмном лесу — в парке попалась, в праздник большой, День молодёжи. На танцульках подзадержалась. Смотрю, наши кто куда разбрелись, я — одна, темень кругом. Ну ладно, тихо на выход, по боковой аллейке топаю до остановки, тогда автобусы долго ходили. Неожиданно кто-то сзади хватъ поперёк, рот зажал — и в кусты. Мне, понятно, это не нравится: ничего себе! Как хабалку какую-то! (*Колька вытаращился на Гулю.*) Сильный, гад, оказался, но я-то тоже не лыком — десять лет каждый день тренировки. Он вроде отстать бы должен, видит ведь, девушка сопротивляется, а он то ли обколотый, то ли бывалый — в общем, без тормозов... Честно, я даже не испугалась, когда взгромоздился

(запальчиво),— взбесилась! Если б не придушил, если б смогла до горла ему дотянуться — зубами бы выдрала! И пускай бы кровью своей захлебнулся! *(С ненавистью.)* Вот ни на миг не сомневалась: тварь эту — насмерть! *(Гуля взволнованно замолчала.)*

В купе с подносом чая с печеньем заходит проводница. Все благодарят, молча пьют, ожидая финала. Гуля продолжает, не заметив, что упустила самое интересное.

Я не из трусливых, но в парках с раза того ночами не околачиваюсь, ни к чему это. Ведь он не только мог изнасиловать. Как бы тогда выступала? Всю жизнь, гад, мог пустить под откос...

колька *(с участием)*. Слушай, так он...

гуля. А-а... Завалить-то он меня завалил, зверь крепкий попался, руки перехватил, но тут я очухалась. Что делать? Руки в тисках, так я его так ногами зажала... Под прессом — нежнее. Со всей дури обе ноги подонку переломала — взвыл как белуга! Тут менты подоспели. Но я уже и сама с ним бы управилась. Мокрый, вонючий, мешком валяется, а как ему встать? Перелом средней части бедра и колена: остался, наверное, хромым. По паркам точно больше не шнырит.

колька. Так он в засидке сидел, караулил?

гуля. Откуда я знаю? Было темно.

колька. Слышь, а ты раньше с ним нигде не встречалась?

гуля. Когда повязали — узнала. Я с ним, оказывается, танцевала... Хотя — как танцевала? Все кругами елозили, ну, кто-то подходит, кто-то дальше идёт. Этот втёрся, передо мной что-то изобразил, я ему как бы ответила, поломались друг против друга, но это было недолго. Он потом ещё подходил, но я даже внимания не обратила — хотелось просто расслабиться, потанцевать. А он, оказывается, обратил.

колька. Гуля, слышь, а ты... спортом каким занимаешься?

гуля. Стреляю и бегаю.

колька *(с уважением)*. Биатлон?

гуля. Попал.

колька. Налётчику не повезло...

гуля. До меня после дошло... Хорошо, что менты появились... Потому что спасли! Ведь убила бы гада! Кирпичом ему по башке или ломом железным... За оскорбление конкретно взбесилась! Адреналина такого и не припомню — забила бы на фиг... *(Все молчат.)* В общем, менты от греха сберегли. *(Со смехом, но натянутым.)* Ко мне потом, вот хохма, следак подходы искал. А я на мир тогда укатила, там выступила, всех удивила: как с цепи сорвалась, силища так и прёт...

Из себя выпрыгнула! Ведь и в голову не приходило, что запросто могу человека убить — прихлопнуть, ни на миг не задумавшись. колька (*сучастием*). Ты того... Сильно давай не волнуйся — нельзя тебе. Мужики, а может, за пивом сбежать? Там неплохое... Гуля, тебе?

гуля. Лучше бананов мне принеси — в пакеты уже не вмещались. Станция, кстати! Бананы можно купить: вижу, из сумок торчат.

Поезд тормозит, по коридору проходят пассажиры с вещами. Обычные вокзальные шумы.

колька (*выскакивает*). Я быстро! Туда и обратно!

матвей. Коля, деньги у тебя есть? Вот, возьми (*достаёт из кармана, протягивает купюру*) пару связочек, да покрупнее.

колька. Есть деньги, хватит своих!

гуля. Неужто не пропил?

колька (*задорно*). Я не из бедных. Может, ещё апельсин?

гуля (*доброжелательно*). Да хоть ананас!

колька (*шуточно отдавая Гуле честь*). Так точно! Разрешите идти?!

гуля. Идите!

Колька бодро выскакивает в коридор, исчезает за дверью. Через пару секунд, к удивлению всех, появляется навтыяжку напротив двери, заходит строевым шагом, по уставу останавливается, отдаёт Гуле честь.

колька (*комически-серьёзно*). Р-разрешите бегом?!

гуля (*подхватывая игру, шутя отдаёт честь, низким тембром*). Разрешаю!

Все смеются.

(Хмыкает.) Забавный парнишка!

Обстановка полностью разрядилась. Колька убежал. Гуля, Матвей и Степан Ильич укладываются на своих местах.

степан ильич. Доченька, а как бы ты поступила, если...

гуля (*понимает, что он имел в виду*). Если?.. Та-акой бы срок ему накатали и проследила бы, чтоб не скостил... Тяжкое преступление — хлебал бы по полной.

степан ильич (*тихо*). А сама... как бы... с этим?

гуля. Сама?.. Хреново бы было самой... Такое забыть... Я думала об этом, не думать-то не могла... Тут ведь даже с несчастным случаем не сравнить или с дракой какой... Но всё-таки с ментами мне

повезло! Ещё немного — и точно не знаю, как бы жила: кого-то прибить, пускай защищаясь... А я, конечно, дралась до последнего... Но убийство, оно убийство и есть... *(Далее с сочувствием.)* А женщины — те живут, куда им деваться?..

СТЕПАН ИЛЬИЧ *(нервно)*. Так жила бы?

ГУЛЯ *(не совсем понимая, к чему он клонит)*. Конечно, жила. А что остаётся? Вот только задачка досталась бы не из последних — мерзость такую забыть. Но я, считай, и забыла: сорок тысяч потов — что угодно забудешь. После, кстати, даже не вспоминала — это сейчас к слову пришлось. Личный, так сказать, экстремальный опыт гендерных отношений. А вообще, слыхала, кто-то из женщин начинает приёмы самозащиты осваивать, кто-то во что-то впадает, да хоть бы в то же вязание — говорят, успокаивает, отвлекает. *(Разворачивается к окну.)*

ИНТЕРМЕДИЯ 2. «ДНО»

В купе входит девочка Алёна. Кроме Степана Ильича, её никто не видит, их разговор никто не слышит. В руках у Алёны рукавичка. Степан Ильич садится навстречу.

АЛЁНА. Папа! Я рукавичку тебе довязала, примерь, пожалуйста: хочешь посмотреть, как палец сидит. *(Степан Ильич надевает рукавичку, любуется ею, сжимает-разжимает.)* Шерсть тёти-Сониной козочки. Как тебе? Мягкая? Тёплая?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Да! Очень тёплая. Шелковистая, мягкая!

АЛЁНА *(садится рядом, берёт его руки, прикладывает к своим щекам)*. Как твоя рука...

Пауза. Степан Ильич обнимает, целует дочь.

(В его объятиях.) Папа! А когда мы в Чистую Пядь поедем?

СТЕПАН ИЛЬИЧ *(удивлённо)*. В Чистую Пядь?

АЛЁНА *(встаёт)*. Ну конечно! Ведь это, признайся, твоя ведь родина?

СТЕПАН ИЛЬИЧ *(грустно)*. Родина... Нет, мы туда не поедем...

АЛЁНА *(недоуменно)*. Почему?!

СТЕПАН ИЛЬИЧ *(горько)*. Нет нашей деревни. Под воду ушла. Водохранилищем затопило... *(Снимает рукавичку, отдаёт дочери.)*

АЛЁНА *(отрешённо)*. Под водой... наша Чистая Пядь...

Алёна встаёт и, понутив голову, уходит, прижимая рукавичку к груди. Степан Ильич укладывается под пододеяльник, отворачивается к стене, закрывается с головой.

Появляется Колька с фруктами.

колька *(понимающе)*. Сон-час?! Дело хорошее... А я тут бананчиков, груш, яблочки вот! Киви с ананасами не было, видать, разобрали. гуля. Не шуми. Тоже ложись, отдыхай. Фрукты после съедим. Спасибо, что сбежал.

колька *(кладёт пакет с фруктами на свою кровать)*. Пожалуйста, кушайте на здоровье. А я много спать не привык. Ладно, покуда, вы отдыхайте, я к боевому товарищу. *(Уходит, закрывая за собой дверь.)*

Некоторое время в купе тишина. Матвей пытается сделать звонок — телефон не отвечает. Он листает задачник, потом откладывает его, снова безуспешно пытается дозвониться, вновь открывает книгу. Гуля хочет его отвлечь от тяжёлых мыслей.

гуля. Матвей! Ты, наверное, примеры на время решаешь?

матвей. Вроде того.

гуля. Слушай, Матвей! Ой, я такая болтливая, любопытная с детства, ты прости, если в душу лезу, можешь даже не отвечать, я не обижусь.

матвей. Чего уж там, спрашивай! Ехать ещё и ехать.

гуля. Я вот спросить хочу: слушай, а ты как жену любишь? В смысле, как это чувствуешь, что она для тебя?

матвей *(мечтательно, заулыбался)*. Кира... Я когда о ней думаю, мир сразу какой надо становится: меня понимают, я не один. То, что мне дорого,— дорого ей. Да мне всего-то от жизни надо, чтобы Кира была.

гуля *(задумчиво повторяет)*. Чтобы была...

матвей. Да. Без неё всё ненужным становится. Только маме этого не понять... Как-то раз, никогда не забуду, мы тогда после свадьбы месяц на съёмной квартире жили, пока в новый дом не въезжали, Кира к подруге ушла, заговорила, телефон дома оставила — она не сильно-то к штуке этой привязана. Я вдруг как-то забеспокоился, засуетился: зима, мороз, время позднее, мне на дежурство пора, Киры всё нет, ещё догадается на остановку пешком, вместо чтобы такси. Схватил её телефон, давай подруге названивать. А у той тоже телефон разрядился. К счастью, тут и Кира вернулась. Помню, я тогда сам себе удивился, потому что... что только, оказывается, не передумал за каких-то двадцать минут! Так себя накрутил, ещё немного — и к подруге бы той рванул, а не на работу. Благо быстро всё разрешилось.

гуля. А ты, извини, не думаешь, что это... ну, привычка, зависимость там? Или уверен, что это... тот самый лад?

матвей. Уверен. Зависимые подвоха боятся, им не до радости, вечно они как на войне, а тут реальное чувство — подлостей никаких... Всё как надо, всё как ожидаешь.

Гуля думает над его словами. Матвей пытается дозвониться, наконец это ему удаётся.

(Привстав на локте, тревожно.) Инна Аркадьевна? Здравствуйте! Вы уже... *(Матвей в недоумении смотрит на телефон. С отчаянием.)* Чёрт!!! Батарея... чёрт бы её побрал...

гуля *(протягивает телефон)*. Мой возьми.

МАТВЕЙ. Спасибо. *(С благодарностью принимает телефон, набирает номер и вскоре дозванивается.)* Инна Аркадьевна? Простите, с чужого звоню. Телефон зарядить надо, и, похоже, связь барахлит. Вы уже дома, успели? Как, тоже не отвечает? Я в поезде... Может... вылет задержан? Да-да, большое, огромное вам спасибо... Жду, очень жду...

Матвей крепко озабочен. Гуля с беспокойством на него поглядывает.

Ничего не понимаю. Что с ней случиться могло?

Слышен приближающийся звук движения дверей, издали плач ребёнка. Вскоре в купе заглядывает проводница.

проводница. Извините, всех обхожу: нет ли у вас врача? В соседнем вагоне ребёнок с полки упал, плечо повредил, осмотреть надо.

МАТВЕЙ *(с готовностью спускается)*. Я врач. Идёмте.

гуля. Стойте! *(Обращается к проводнице.)* Будьте любезны, телефон врачу поставьте, пожалуйста, прямо сейчас на зарядку — связь очень нужна.

Матвей уходит за проводницей. Через некоторое время раздаётся звонок с телефона Гули.

Инна Аркадьевна? Здравствуйте! Это попутчики Матвея — мы в одном купе едем. Его позвали ребёнку помочь, он отошёл. У него действительно связь барахлит, но телефон скоро зарядится. Что с Кирой? Матвей места себе не находит. *(Долго слушает, лицо её хмурится всё сильнее. Степан Ильич откидывает одеяло, слушает.)* О Боже... *(В трубку, ошеломлённо.)* Нет, нет! Ему ни в коем случае в лоб нельзя говорить, подготовить как-то бы надо... И дождаться... До конца прежде выяснить, чтобы наверняка... Ведь от Аэрофлота ничего до сих пор не было — ему бы первому сообщили... Самое меньшее часа три-четыре проходит, а то и пять... Пока по списку родственников оповестят... Давайте дождёмся... *(Выключает телефон.)* О нет. Только не это... Только не это... *(Степану Ильичу.)* Жена у него, похоже, погибла. Еле от тещи добилась — понятно, она не в себе. Не знает, как сообщить, сама чуть живая... Боже мой... Да как сообщать-то?.. Кто?.. Там вообще что-то странное... Самолёт упал, а данные по пассажирам закрыты. И Кира перед самым отлётом

ей почему-то не позвонила, даже не попыталась. В общем, выводы делать рано, ждать надо, тянуть, пока что-нибудь прояснится.

Возвращается озабоченный Матвей.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Что там случилось, сынок?

МАТВЕЙ. Три годика пацанёнку, о столик ударился, локоть ушиб. Укол поставил ему, чтобы уснул, успокоился. Доедут — с поезда сразу в травмпункт, сделают снимок. Думаю, с ним ничего страшного, до свадьбы заживёт.

Матвей забирается на своё место, он заметно озабочен, бесцельно теребит книжку.

ГУЛЯ (*старается держать нейтральный тон*). Матвей, а ты... врачом хотел быть?

МАТВЕЙ (*отвечает механически*). Нет, я хотел быть математиком.

ГУЛЯ (*рассеянно*). Математиком... (*Живо.*) А как это — хотеть быть математиком? Расскажи, как можно им захотеть? Прости, представить себе не могу, но так интересно.

МАТВЕЙ. К нам в десятом классе в начале зимы новый учитель пришёл — наша математичка куда-то неожиданно съехала. А он профессор, давно на пенсии, раньше в университете преподавал. Пришёл — и стало вдруг ясно, как оперировать с цифрами, которые я иначе как грёбаными не называл. Если раньше всё делал по аналогии, но почему-то А плюс В равнялось, конечно, С, а если В плюс А, то пути к С как-то терялись. До его прихода на математике получалось «кто не понял, тот дурак и неудачник», а он запросто всё умел объяснить. Дядька он был суровый: всегда задавал по пять примеров, ну, или задач. Один решённый пример — единица, два — двойка, ну а пять, понятно, пятёрка. Мне не то чтобы сама математика нравилась, а... ощущение... отношение через неё к себе самому. Что сам, именно сам теперь разобраться могу! Наша математичка толком, получается, объяснить не умела: такая скука была... до того, что иногда казалось, будто я какой-то умственно неполноценный. А тут на носу выпускные экзамены. Я попытался было о математике заикнуться, уже сам начал было готовиться... Что тут началось! Мать в крик, головой о стену: династия! Наши предки до революции были врачами! Забудь про бесполезную математику эту! Кому она, математика эта, скажи мне, нужна? Я всю жизнь на тебя положила, а ты... (Понятно, я — скотина неблагодарная!) Слушать ничего не хочу: через мой труп — твоя «тра-та-та» математика, будешь врачом, я сказала! Меня не то чтобы обухом по голове, но я до тех пор как-то и не задумывался, что даже профессию выбрать себе не могу. Крепко мама меня тогда подкосила, я изнутри просто взорвался: через три дня прыщами пошёл. Опять же, тут

другое ещё получилось: не мог понять, где работают математики, кроме как учат, а идти тогда в преподаватели совсем не хотелось. Зато Кира поняла меня с моей математикой, очень серьёзно к ней отнеслась, хотя сама на примеры не западает. Да что говорить, с Кирой я ожил! Всё уговаривает пойти заочно учиться, говорит: вдруг на самом деле решу задачу тысячелетия? Но пока ипотека, надо квартиру сделать, обставить, так что пока только примеры решаю, задачки, так сказать, приземлённые, теоремы почитываю. А помню, когда впервые решил пять задач — со стулом подпрыгнул от радости! В этом есть даже что-то похожее на любовь: вот от земли оторвался и полетел, и нет тебе удержу, и всё я сумею!

Гуля спускается вниз, выбирает фрукты, ест.

гуля. Степан Ильич, а вы кем быть хотели?

степан ильич. Я-то?.. Я как раз хотел быть учителем. В школе историю преподавать.

гуля. Учителем быть хотели?! Тогда почему?..

степан ильич. Потому, дочка... Деревня, колхоз. Мать изработалась, её оставить не мог, так хоть с работы непосильной забрал, она в сорок (это не то что сейчас) уже старухой была, — сел за неё на трактор, мужики-то с войны не вернулись. Да и как без трактора? Ни подвезти, ни увезти, ведь небольшое хозяйство держали — мать настояла. Опять же, трактор: соседи чуть что — сразу к тебе, всегда уважают, к тому времени послабления начались. И когда, скажи, мне учиться? Как дом бросить, хозяйство? Корову уже держали, поросёнка кормили. А вскоре и сам женился, сыновья родились. Какое учительство, да ещё с такой школьной зарплатой? Учителя всегда из города к нам приезжали, свои — в город, чтобы не возвращаться, нужды натерпелись: какое, нам, сельским, учительство?..

гуля. Наверное, сильно жалеете?

степан ильич. Что толку жалеть? Жизнь не спросила, живу как умею. *(Мечтательно.)* А помню, как-то утром, большенький был уже, проснулся вдруг и хорошо так представил, сердечно: вот в класс захожу — в костюме, обязательно с галстуком, брюки со стрелками, ботинки (не сапоги!) начищены так, что блестят. Ребятишки встают, дружно приветствуют, я ласково им: дети, садитесь! Представилось вдруг наяву, как уроки веду, обстоятельно всё объясняю, и всем ребятам они интересны, много вопросов мне задают, потому что про Родину. За окнами птицы щебечут, весна... Мечтаю: вот бы каждому крылья, чтобы летел...

матвей. Степан Ильич, а кто на земле работать останется?

степан ильич. Останутся! Это кажется, что все улетят. Я ведь, даже если бы стал учителем, всё равно бы в школу свою вернулся — тянет

меня к родным местам, к полю, к лесу, к реке. В городе как-то теряюсь: кругом люди, много людей, ты никого не знаешь, все куда-то бегут... Да нас таких много, я такой не один.

гуля. Степан Ильич, я смотрю, вы столько всего из истории знаете. Расскажите что-нибудь интересное, поразительное что-нибудь.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Поразительное... Надо подумать... Я вот от сына старшего еду. Внуки с компьютерами, и мне интересно. Сколько всего можно теперь прочитать! А раньше только в архивах хранилось. Так вот, на такую любопытнейшую статейку наткнулся. Вы, конечно, знаете, что немцы во время войны русских девушек угоняли в Германию. Оказывается, все эти девушки обязательный медицинский осмотр проходили. Так вот, почти все из них незамужние честными девицами оказались. Составили отчёт, который Гитлеру поднесли со словами, что такой народ победить невозможно. Вот и я думаю так же...

гуля. Вот это да... Не знала, не слышала, не задумывалась даже!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Для меня тоже этот факт был удивительным. Одно дело, что вещали с плакатов, другое — жизнь. Получается, не мимо вещали...

гуля. Мне тоже кажется, что кое-где и не мимо. Теперь-то многие, как бы это поделикатнее выразить, по природе живут... Но зато теперь многие женщины финансово независимы: не надо из безысходности неволиять себя или там по расчёту — сейчас проще самой зарабатывать. Мама, откуда-то знаю, она ведь ради алиментов меня родила, на них и жила, хотя никогда в том не признается. Опять же, я знала: отец у меня есть, у меня его отчество и фамилия, знала, что он не где-нибудь, а на Севере, человек сильный — не все там могут жить и работать. В маминой молодости матери-одиночке любой мог обидное слово сказать, а если замужем — всё по порядку, муж на Севере — даже по-умному. Как по мне, это всё лицемерие. Редко когда люди друг друга по-настоящему любят. Это в яблочко попадание.

Пауза. Гуля забирается на полку, удобно укладывается. Слышен стук поезда. Постучавшись, заходит проводница.

проводница. Возьмите, доктор, ваш телефон — зарядился.

МАТВЕЙ. Ну наконец-то! Спасибо огромное!

Проводница уходит. Матвей тут же принимается звонить, но всё неудачно. Гуля продолжает его отвлекать.

гуля. А мне иногда, представляете, кажется, я могла бы запросто проводницей работать, нисколько бы не пожалела — так поезда люблю! Хотя о чём я — какой проводницей? Вот машинистом — это было бы здорово! Такие просторы вокруг: едешь и смотришь, смотришь вперёд, только вперёд!

МАТВЕЙ. Не получится, машинистом не выйдет. У нас женщины машинистами не работают.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. А что мешает? Поезда современные. Скоро, наверное, и женщинам разрешат. Что, Гуля, пойдёшь в машинисты?

ГУЛЯ (*шутливо*). Не знаю, не знаю: годы не те, здоровье не то. (*По-простому.*) Не то чтобы я уставать начала, а просто всему своё время. У меня всё как-то сразу как надо сложилось — во всяком случае, думать хочется именно так. Я в школу как раз пошла, а осенью папа, царствие небесное, с Норильска нагрянул, с мамой развод оформить, я-то с ним была совсем незнакома. Он, как водится, в парк повёл, на каруселях кататься, потом в тир зашли — оказалось, папа заядлый охотник. Гляжу на него — и мне вдруг тоже пострелять захотелось. С шутками подставили табуреточку, показали, куда смотреть, как держать, на что нажимать: я винтовку в руки, к щеке её и — пиф-паф по мишеням! Только посыпались! У папы глаза горят: моя дочка, с винтовкой в руках родилась! Хочешь стрелять, спрашивает? Хочу, папа, хочу! У нас как раз секция биатлона открылась, он со мной туда, а там, такая удача, его школьный товарищ тренером оказался — так что папа отдал меня в самые надёжные руки. Спасибо Антону Михальчу, первому тренеру, в спорте я прижилась, выступать начала. На первые выездные соревнования в поезде ехали. Я сразу на верхнюю полку прыг, только, конечно, в плацкарте. Помню, в окошке нескончаемое кино, а ты как в люльке качаешься, и на тех, кто внизу, глядеть интересно. А ещё в тех соревнованиях победила в личке — первая победа была моя. Так и запало: лучше поезда нет в мире места, и везёт он к удаче!

МАТВЕЙ (*улыбается, оживился*). Это точно! Я с Кирой в поезде познакомился, в электричке, точнее. Но всё равно поезд.

ГУЛЯ. Расскажи, расскажи!

МАТВЕЙ. Обстоятельства самые забавные. Зачем-то в пригород ездил, зимой... Зачем? Вот уже и забыл... А, нет, не забыл: у любимой девушки там дача была. Третий курс, она меня с Новым годом поздравила — неожиданно бросила. Я, понятно, лирик, стихов начитался, ничего не вижу, снежинки в глазах такие колючие... Сел в вагоне на обратном пути на пустую скамейку, ушёл в себя, мучаюсь, даже цифры в уме не считаются. К городу подъезжаем, кто-то падает рядом — смотрю, знакомый парень с первого курса, девушка с ним. Чувствую, он гусарит, ей понравиться хочет. Ещё подумал: я-то ему зачем? Оказалось, затем: пошли, говорит, дверь мне поддержишь. Какую, думаю, дверь, в туалет, что ли? Пошли, говорит, мне выйти надо пораньше — отсюда до дома рукой подать. Кира, говорит, вы тоже меня проводите. Я ещё на имя девушки

внимание обратил — редкое. Однако ни во что не вникаю, вяло в тамбур за ними плетусь. В пригород въехали, мимо сортировочной поезд ход замедляет. Он двери раскрыл и мне: давай придержи. Я замороженный, всё безразлично, но двери ему придержал, он говорит: бывайте, ребята, пока, — и в щель сиганул. Помню, я сильно тогда удивился: оказывается, эти двери руками несложно раскрыть. У Киры глаза округлились — не ожидала она! В вагон с ней возвращаемся, и вдруг чувствую: отошёл, согреться начал! Смотрю, не только имя — девчонка сама ничего! Глаза круглые, тревожные, с беспокойством глядят. Оказывается, она за меня, а не за того парня, перепугалась. А я думал, им безбашенные нравятся, вот меня девушка моя и бросила... А эта, похоже, наоборот, решила, что он того, неадекватный.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Умная девушка оказалась.

ГУЛЯ. И я бы бросила: охота из-за придурка с ума сходить?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. В жизни и так передрыг хватает, надо, чтобы в семье тихо-надёжно было, чтобы отдых-покой.

ГУЛЯ. Кстати, случись чего со стрекозлом этим, тебя бы как соучастника загребли.

МАТВЕЙ. Вот и Кира мне то же сказала, она у меня юрист. Всю дорогу её утешал, благо до станции двадцать минут тянули. Сказал: куда же деваться, значит, судьба — придётся сидеть! *(Все смеются.)* Наколками обзаведусь, зубами железными, освою жаргон — стану неотразимым! Она говорит, тогда тоже соучастницей будет и тоже на зоне фенечек поднаберётся. Слово за слово, до общежития её проводил, потом, весь в стихах, гулял до полуночи — падал снег, было красиво. Несчастную любовь как рукой сняло — с тех пор я счастливый!

ГУЛЯ. Да... Волшебная сказка. А парень-то нормально скатился?

МАТВЕЙ. Откуда?

ГУЛЯ. С насыпи.

МАТВЕЙ. А, тот... Не помню, может, он сразу хромал, я после с другой девушкой его видел; потом он исчез куда-то, может, отчислился. *(Немного обиженно.)* Почему сказка? Так всё и было!

ГУЛЯ. В самом деле, иногда появляется человек, говорит что-то или там делает, что-то глупое даже, и навсегда исчезает. А жизнь твоя р-раз — и меняется, словно разрезали, до и после...

Звонит телефон Матвея. Он, не глядя, кто абонент, прижимает телефон к уху. Гуля и Степан Ильич напряглись.

МАТВЕЙ *(в смятении)*. Мама! Не надо мне ничего говорить! Выкинь ты эти чёртовы занавески и успокойся! Не было их — забудь! Забудь — не было их! И меня не терзай! *(Чуть не плачет, его трясёт.)*

Я — Кира не знаю где, у неё телефон не отвечает, и у матери её нет, Аэрофлот занят и занят... Ещё ты меня проклятыми занавесками этими душишь! Впору на них повеситься!

Выключает телефон, откидывается на постель. Ему очень плохо.

колька (*заходя в купе, весело, с интригой*). Слышьте, друзья, а нам повезло!

гуля (*недовольно*). Крупно?

колька (*задавил ругательство междометием*). Ох... Сказал бы по-русски, но дама! Масштабно нам повезло! Эпически!

гуля. Выкладывай, не томи.

колька. Повезло, что в поезде едем.

гуля. Ну да, не по шпалам в ночи ковыляем.

колька. Повезло, говорю! Что на поезде! Самолёт ведь грохнулся, насмерть упал!

МАТВЕЙ (*не похож на себя, вскакивает*). Какой самолёт?

гуля (*возмущённо*). Ты чё несёшь-то? Где-то напился, сюда пришёл...

колька (*обиженно*). Заткнись! Я, считай, и не пил. Самолёт, говорю, пять часов как упал. Мы в ресторане сидим, пиво цедим — заходит мужик, белый, как простыня. За водкой пришёл. У него жена, прикиньте, на этом рейсе с маленькой дочкой лететь собиралась, да опоздала, а тут звонит: привет, говорит, дорогой, если что, мы — живые. А сама, так он понял, слегка не в себе... Мужики за соседним столом ему водку поставили, бармен лично достал. Мы тоже по стопочке за здоровье семьи пропустили. У мужика зубы колотятся о стакан, того и гляди откусит... Нет, это ж надо!.. Грохнулся самолёт, насмерть (*тут что-то до него доходит. Пауза. Слово произносится по инерции, угасая*) разбился...

Все ошарашенно смотрят на Кольку.

(Недоуменно.) Эй, вы чего?

гуля (*на выдохе, с горечью*). Вот недотёпа...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ИНТЕРМЕДИЯ 3. «Ад»

Будто издалека, доносится короткий рингтон с телефона Матвея. Темнота и тишина сменяются тревожными всполохами света в каком-то проулке. Слышен звонкий девичий голос среди невнятных мужских.

девичий голос. Где пострадавший?.. Аптечку, скорее! Давайте что есть! Что?.. Что вы делаете?.. Что вам надо?.. Пустите меня,

пустите, пустите, не трогайте!.. Остановите машину... (Звуки борьбы. Отчаянный удаляющийся крик.) Помогите, кто-нибудь, помогите...

Резкий звук отъезжающей машины.

В исступлении потирая виски, Степан Ильич садится на кровати, спускает ноги на пол. Столик пустой, на нём лишь бутылка воды и стаканчики. Степан Ильич тянется за бутылкой, наливает воду, пьёт. Ему кажется, что стук колёс стал слышнее, он настораживается, прислушивается и вдруг замечает, что дверь открыта. Степан Ильич подсказывает, видит, что Матвея нет. Гуля и Колька спят. Как по наитию, он бросается в коридор, оттуда в тамбур. Поезд летит на высокой скорости, стук и гул нарастают — бьют по голове. Просыпается Колька, выскакивает следом за ним. Слышны чертыхания. Через некоторое время Колька со Степаном Ильичом под руки ведут Матвея обратно. Тот не сопротивляется. Все мужчины босиком, в белье. Гуля тоже проснулась, свесилась с полки.

СТЕПАН ИЛЬИЧ (тяжело дыша, негромко, Гуле). За ним теперь глаз да глаз... Из дверей... Еле удержал. Хорошо, сила ещё в руках, да Коля вот подоспел...

КОЛЬКА (неожиданно уверенным тоном, Гуле). Оба едва не слетели. Дедушка как в душу вцепился, не отпускал. (Всем, сурово.) Мужики, у меня во фляжке НЗ — коньяк, немного, но что-то осталось.

Матвея усаживают к окну на место Степана Ильича, который садится, отгораживая его от двери. Колька достаёт фляжку из рундука, разливает на три стаканчика. Гуля спускается вниз. Степан Ильич и Колька молча выпивают. Гуля пьёт воду. Матвей безучастен — глядит в пустоту, не пьёт. Степан Ильич из фляжки трясёт последний глоток, выпивает. Тяжёлое молчание.

МАТВЕЙ (едва подаваясь вперёд, глухо). Зачем?.. Если всё кончилось...

СТЕПАН ИЛЬИЧ (подсказывает, бьёт кулаком по столу, Колька подхватывает стаканчик Матвея). Зачем?! Только из бутылочки можешь, лишь подогретое?! Слушай, ты, молокосос!.. Ты сообщение о смерти получал? Свидетельство о смерти в руках держал? Ты её хоронил? Могилу — копал?! (Кричит.) Страдал??? Или жизнь — она только из пряников?! Чем вообще ты до сих пор занимался? (Продолжает жёстко.) Хочешь ты жить, не хочешь — спрашивать я не буду. Оттуда... ещё никто не пришёл...

Продолжительная пауза. Степан Ильич обессиленно падает на сиденье.

(Горестно восклицая.) Господи-и... Зачем?.. Зачем она это сделала? (Бурно рыдает, однако быстро овладевает собой.) Алёнушка...

Сколько лет... беда у меня... *(Пауза.)* Дочку... Дочку мою... Подонки... На другой день нашли — спасибо, река отдала... Лето... Хоронить надо, обрядить, могилу, поминки устраивать... Узелок её, что в руке сжимала, лоскуток от платья с щепоткой земли в гроб положить. Кто поймёт, кто сделает, кроме меня? Мы с ней вдвоём жили, сыновья сами, по городам, семьи, дети у них, дачи-хозяйства, а я с ней, теперь у могилы... Уже никуда, от неё — никуда...

Долгая пауза.

(В отчаянии.) И умереть не могу, мне понять, понять надо!.. Всего себя вымучил... Кто мне ответит: надо ли было топиться?! *(Крайне взволнован.)* Неужто я бы не принял её? Неужто словом каким бы обидел? *(Покаянно.)* А виноват, получается, виноват... И обидел, выходит... Сызмальства дочке внушал: нет греха срамнее для женщины, чем распутство. Что никто уважать не будет, а главное, муж не простит, повод найдётся — начнутся попреки, и какая тут жизнь?.. Всё к тому подводил, что девичья честь — нет ничего святее для женщины. А когда дочка не стало... Зачем? Зачем она это сделала? Зачем жизни себя лишила? Раньше ещё понимал, а теперь смотрю и понять не могу: чёрт-те что... *(Пауза.)* Другие живут — и ничего... А она... Не смогла...

Все молчат. Колька выходит из купе, оставляет открытой дверь.

гуля *(негромко)*. Степан Ильич, а насильников наказали? Нашли? СТЕПАН ИЛЬИЧ *(непонятный ответ)*. А-а...

Колька возвращается с четырьмя стаканами чая в подстаканниках, в зубах держит небольшой пакет кускового сахара. Матвей молча выпивает коньяк, к своему чаю он не притронулся. Остальные тихо принимают пить чай.

гуля. Степан Ильич, вы... не вините себя... не надо...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Как не винить?..

гуля. Будь я на месте дочери вашей, может, и я бы... Может, она после страшно бы мучилась, после принять бы себя не смогла — куда уж страшнее... Не все после травм поднимаются, да и всякие травмы бывают... Всё-таки жизнь пыткой быть не должна... Боже, что говорю...

СТЕПАН ИЛЬИЧ *(уткнувшись в ладони)*. Невыносимо... Нелепо всё это... Потому что... потому что... уважила доченька... гордость мою. Смыла жизнью своей поругание. Всю гордыню мою... Выходит, меня и спасала, хотя это ей, молодой, жить бы да жить. *(Тяжко.)* А как оно — жить-то? Ведь не вернёшь! Такое насилие, надругательство, пытка... над нею, чистой, невинной... Разве сам

смог бы забыть? Сам!.. Об этом, таком — забыть?! И она... Оба бы высохли... Даже весной, даже на солнышке...

Пауза.

гуля. Степан Ильич, ваша мама верующей была?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. С чего, милая? Церковь давно обвалилась. Ты думаешь, доченька, в монастыре меня воспитали? Как бы не так. У нас такое водилось... Да что у нас, дело обычное, хотя блуд за норму никто никогда не считал. Грех — он и есть грех. Сосед по весне огород под картошку копает, слышу: грязная ругань — и с лопатой за сёстрами... Те врассыпную, да с визгом, потому что если догонит — вломит с души. Я рано узнал, в чём там дело: выкидыш подкопнул.

КОЛЬКА. Чего?!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Сёстры гуляли... Да многие... Бабы сами... себе — потому как в тюрьму за плодоизгнание. Баню протопят — и в землю следы. Вроде как если в землю, то грех невелик. Если зима, на огороде только и можно до земли докопаться.

гуля. Жесть...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Сосед, он, сестёр хотя и гонял, отходчив был, да и пили они... Пьянство было повальным. А я почему-то с детства, не знаю, откуда во мне, боялся лишь одного — спиться и скотоваться. Брезлив я, изнутри оно было — себя сохранить... Почему у других не было? Может, и было когда-то, тут ведь стоит лишь раз не туда — и увяз коготок... Я всегда как заговоренный был: чур меня, чур...

КОЛЬКА. Н-да... Вот и может ли в Вифлееме родиться что-то хорошее...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Так получается... Всё думаю-думаю, и кажется мне, что и Алёнушка в меня уродилась, такое же у неё отвращение было к мерзостям этим — как полевая ромашечка, чистая родилась. Врачом быть хотела, людей от всякой болезни лечить...

гуля (*как очнувшись*). Стойте. А как же справка для Гитлера? Степан Ильич, голова кругом — верить чему?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. То и то, доченька, было. Грех — он как болезнь, получается. Где-то косит, а где-то переболели. Народ, он выхода ищет, ему — выживать...

гуля (*после небольшой паузы, вздохнув*). Выживать — это вы точно сказали. Мне тоже выжить пришлось, самой себя вытащить. Я в тринадцать лет повзрослела (*усмехается*) — мамина школа. Тогда мода пошла: уж замуж за рубеж, — женщины как взбесились. Не знаю, на беду ли, но мама умудрилась в нашей провинции встретить своего итальянца. Специалист по «железу» — они нам компьютеры

свои поставляли. На цыгана чем-то похож, глаза блестят, так и стреляют... А уж уверенный — куда с добром, победитель... *(Иронично.)* Чемпион по уличному футболу.

колька. Приставал?

гуля. Терпеливый оказался и осторожный. Но лопотал с акцентом, что папой мне будет, что о дочке такой мечтал. И нас в Италию волоком тянет. У мамы голова кругом, а мне его Италия с какой стороны? Какой мне там биатлон?! Мама слушать ничего не хочет: едем и едем, он там на ней женится. А я, даром что лет немного, быстро сообразила: мне самой жизнь устраивать надо — папа умер как год и вроде как биатлон тоже мне завещал. Я к тренеру — всё как на духу: тогда как раз в интернат появилась возможность попасть, я среди своего возраста в спортивной школе который год лучшей была; ему, конечно, жаль отпускать, но всё равно рано или поздно пришлось бы. Он — к матери: убедил её документы все подписать, расписал перспективы, возможности, рассказал о доходах спортсменов, — уломал, удалось ему. Да и я вопрос круто поставила: либо в интернат, либо... она ещё пожалеет! Потому что мне тренироваться надо и выступать! Я к тому времени твёрдо решила профессиональным спортом заняться: силу почуяла, запах побед, — вот поняла, что могу, что получается у меня, а главное, пришло ощущение, что сама сезон за сезоном жизнь свою строю — ни одно соревнование не пропускала, как по ступенькам, только вперёд. А ещё гнал страх остаться ни с чем, если вдруг потеряю. Так и стучало во мне: сама, только сама! Не ныть, не скулить, не плакать! Вперёд что есть силы, вперёд! Назад не оглядываться: забыть и тренироваться! А с тем итальяшкой мама потом натерпелась... Он женился на ней, только не сразу: квартиру сначала продать убедил. Деньги не сказать что великие, зато у неё, как у дворянки, приданое якобы. Только быстро оно улетучилось, это приданое, а с ним и брак итальянский, да мама уже и сама не рада была, но это её дело. А я впервые тогда всерьёз испугалась. Вдруг поняла, что осталась ну совсем ведь одна, — от ужаса чуть с ума не сошла. Потому что мама меня как не видит: итальянец прекрасный в глазах, жизнь на беломраморной вилле с лестницей в море, жемчуг, дельфины или какой бред ей привиделся — среди тухлой рыбы она ещё не жила. Алессандро этот так её распалил — она как одержимая стала: не мама, а чужой человек, для которого я — едва не что-то досадное. Так мне, конечно, казалось, потому что он меня тоже в Италию требует. Так что интернат под руку оказался, и всё там вышло как надо, только знай тренируйся да выступай. Повезло мне — самый лучший выход нашёлся. Это сейчас понимаю, что тот Алессандро, он на самом деле как дьявол красивый был и мне ведь тоже понравился, это он сразу смекнул. А я насмерть чувства того,

глядя на маму, перепугалась, потому что неизвестно, куда бы оно нас завело, а биатлон мой точно прости-прощай — вся жизнь полетела б насмарку. Ведь этот дьявол и маму бы убедил, что всё у нас распрекрасненько. Я тогда любви долго шарахалась. Все девчонки влюбляются, а мне как прививку влепили — у меня олимпийские планы. И всё-таки это случилось. Влюбилась. Мгновенно. В прогрессивной стране европейской. Что-то в нём было от Алессандро того — взгляд победителя, модельный типаж... Он и всего-то пару раз таинственно улыбнулся. Как-то быстро в семью привёл, его родители молча принялись обихаживать: а как со мной говорить? Языка-то не знаю. А он весь такой обходительный — я в замешательстве, совершенно не ожидала... Но, странное дело, почуяла что-то... Вроде как... сон это, мнимость, мираж. Вот он, рядом, весь невозможно красивый, как с картины, да только за стеклом эта картина и на стене — не достать. Казалось, язык начала учить, скоро станем общаться, всё образуется, я пойму, что он за человек. Он, как в балете, позой и жестами предложил руку и сердце — Боже, это было неотразимо. Я домой засобиравшись за документами, брак с иностранцем — очень непросто. Его родители комнаты рядом нам обустроили, а он лишь раз зайти удосужился — свадьбы галантно ждал. А рядом всё крутился товарищ его по команде, близкий друг, всюду с нами ходил — странный такой, я понять ничего не могла. А однажды, случайно... Близкий друг... Ближе и некуда. У меня в глазах потемнело: я-то ему — зачем? Для чего? Такое не должно быть со мной — куда я попала?! Ума хватило — юриста по брачному праву нашла, эмигрантку. Она всё по полочкам мне разложила. Ему и родителям нужен наследник. И жена сыну, хоть на какое-то время. Спонсорские контракты в статье доходов у нас приоритет, опять же — имидж, пиар. Ребёнка бы не отдали, это как пить дать, отсудить там у матери-иностранки — нечего делать. Юристка мне: руки в ноги — и дуй отсюда на всех парусах, тем более если беременна, — а я о беременности день как узнала. В тот же день в аэропорт — и уехала на ближайшем рейсе в Москву, без объяснений, по-быстрому. А сама плачу, и дело даже не в том, что обидно, а — ведь успела влюбиться по-настоящему... Невесть что за те пять недель, что жила у него, напридумала. Попробуй быстренько разлюби, даже если такое... Маму как-то враз поняла, пожалела... Аборт сделать недолго — многим зуб выдрать страшнее... И дело даже не в том, что назад не вернёшь, а в том, что я только-только поверила, а теперь вдруг от жизни своей отрежу, может, самое важное, может, то, что живое... Может быть, навсегда... На самом деле всё очень непросто... Как вечер, его вспоминаю, забыть не могу, и глаза — Боже, какие глаза... Красивые... и виноватые. Словно просят: останься, спаси... А я вроде как не поверила — бросила. Нет, не то говорю: ребёнка реально лишиться боялась, да и в целом

сработал инстинкт — страх оказаться бесправной. Юристка предупредила: на жалость давить они мастера, а если что, через женщину перешагнут — не поперхнутся. Не знаю, может, всю жизнь буду терзаться, глядя в глаза дочери — а у неё, конечно, будут его глаза, — что лишила отца: они, говорят, отцы-то хорошие, — только я тоже счастья хочу, личного, женского, я тоже хочу быть любимой, без которой не хочется жить. А его стараюсь забыть, на ребёнка переключиться.

Пауза.

колька (*допивая чай*). Н-да... Мне казалось, бабам — им лишь бы захомутать, чтобы денег побольше, жрачку послаще да хвостом повертеть половчей. Конечно, не всем, но мне попадались только такие. Н-да... И в голову не приходило...

гуля. Думаешь, мне приходило? Я вообще без понятия, что оно такими петлями будет накинано. Всё быстро случилось, ещё подумала: вот она, сказка...

Пауза. Шум колёс.

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*Матвею*). Давай, друг, забирайся на полку, сосни постарайся. Утро вечера мудренее. Мы рядом побудем. Я спать не лягу — всё равно не усну.

Матвей, который до этого отрешённо смотрел в одну точку, медленно забирается на полку (Колька его подстраховывает) и падает в забытьё. Все укладываются. Вдруг раздаётся рингтон Матвея. Все во внимании. Матвей отрешённо берёт телефон.

МАТВЕЙ (*не своим голосом*). Ты?! Живая?!!

С этими словами Матвей подсказывает так, что чуть не падает с полки, в следующее мгновение он на ногах, необыкновенно взбудоражен. Все встрепенулись, Колька уже закрывает собою дверь, Степан Ильич мягко усаживает Матвея на своё место — тот жадно слушает телефон.

(В состоянии крайнего потрясения.) Виталик? (*Сам себе говорит.*)
Виталик... Сынок... (*Долго слушает, потом, обмякая, обессиленно отвечает.*) Да, спал, конечно... Еду я, еду... (*Крайне измученно.*)
Господи, не может этого быть...

колька (*Гуле, негромко*). Чёрт возьми, с кем он там говорит?

гуля. Думаешь, галлюцинации?

колька. Я с вечера ни о чём не думаю — какой смысл?

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*ласково, Матвею*). Сынок... Кто звонит?

МАТВЕЙ (*прикрыв телефон рукой, лицо блаженное*). Тихо! Она... (*Жадно вслушивается.*)

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*Гуле и Кольке*). Вот попали так попали...

Все тревожно переглядываются.

КОЛЬКА. Похоже, нам нужен врач.

ГУЛЯ. Та-та-та-там!

КОЛЬКА. Ты чего?

ГУЛЯ (*с сарказмом*). А что, в нашем купе врачей совсем не осталось?

КОЛЬКА. Не понял?

ГУЛЯ. Или забыл?

КОЛЬКА (*подумав*). Забыл. Ну прости, пошутил. Глупо, конечно.

ГУЛЯ. Вот так понадеешься на человека...

КОЛЬКА. Н-да... Как говорит моя бабушка, игра до добра не доводит.

В самом деле, понадобился врач, а я...

ГУЛЯ. Да ладно, есть у нас врач. Один на весь поезд — в нашем купе.

(*Хмыкает.*) Есть кому роды принять.

КОЛЬКА. Надеюсь, роды принять он сможет в любом состоянии, но лучше не торопиться. И вообще, похоже, роды он уже принял...

ГУЛЯ. Слушайте, а может, это на самом деле она?

КОЛЬКА. Дорого бы я дал за такой королевский джекпот.

СТЕПАН ИЛЬИЧ (*Гуле и Кольке*). Так... Подождите. Сообщение о смерти до сих пор не поступало. Может, и впрямь она?

МАТВЕЙ (*выключив телефон, сам себе*). Виталик...

Телефон выскользывает из руки Матвея на пол, сам он тут же засыпает.

КОЛЬКА (*кладёт телефон на столик*). Степан Ильич, давайте его на ваше место уложим. Вы можете на второй этаж забраться? Вздремните немного. Я внизу покараулю — так будет надёжней: вдруг придётся вскочить? Кто его знает, что с ним случилось? Может, к утру что-нибудь прояснится и с ним, и с женой.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Да... Так будет лучше.

Вдвоём с Колькой укладывают Матвея. Колька помогает Степану Ильичу забраться на второй этаж.

КОЛЬКА. Как вы? Не упадёте?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Всё нормально, сынок, не беспокойся, во сне не ворочаюсь.

КОЛЬКА (*проверив пульс*). На обморок не похоже. Дышит вроде спокойно. Будем считать, что это глубокий сон. Ага, шевелится,

устраивается поудобней — получается, спит. Надо ж так — совсем отрубился.

гуля. Отрубись ты тут с такими событиями... остаётся только молиться.

колька. А ты умеешь?

гуля. Если бы! Тот случай, когда об этом можно только мечтать. А ты?

колька. В этом месте мы совпадаем.

гуля *(зевает, не может удержаться)*. Извини, что-то меня, как Матвея, похоже, тоже сморило. Смотри-ка, Степан Ильич... *(Засыпает, не договаривая.)*

Утро. Все проснулись, лежат с открытыми глазами. Колька, уткнувшись в руки, сидит за столом, дремлет.

МАТВЕЙ *(удивлённо)*. Как я здесь очутился?

гуля. Где? *(Осторожно.)* В поезде?

МАТВЕЙ. Ты чего? А где я должен, по-твоему, быть? *(Хлопает себя по лбу.)* Вот чёрт! Я вполне мог быть и не здесь!

Гуля выразительно смотрит на Степана Ильича, затем треплет по голове Кольку, который за столом, сонный, ласково ловит и пожимает её руку.

(Кольке.) Ты уже подскочил?

колька. Да я не... *(Гуля шлёпает его по макушке, дёргает за ухо)* несколько озабочен скорым прибытием к станции назначения и началом жизни гражданской. Как спалось? Что-нибудь снилось?

МАТВЕЙ *(говорит, глядя перед собой)*. Телефон Киры в аэропорту, в дамской комнате, остался, её неотложка рожать увезла. Родила, укололи, она ненадолго уснула — надо ведь отдохнуть. Проснулась, пока номер мой вспомнила, конечно, она же с чужого звонит... Кира! Сын! Про самолёт она ничего и не знает. А я... Вот придунок! *(Подскочил. Его колотит. Пауза.)* Ведь ждал, ждал оттуда звонка... Ждал и боялся... Боялся услышать... Вдруг звонок, смотрю — номер не тот... Жить — невыносимо... Ничего не помню, помню только — на выход... За ними, за ней... *(Небольшая пауза.)* Надо сходить умыться.

колька *(на выдохе)*. Вместе пойдём. Мне тоже туда. *(Вместе уходят.)*

гуля. Степан Ильич, что вы на это скажете? Что-то не разберу, он бредит, или на самом деле Кира жива?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Мне тоже не ясно. Такая беда — сам тогда чуть не умер, помню, чуть с ума не сошёл, всё казалось, проснусь —

и Алёна моя засмеётся, подойдёт и обнимет... А Матвей — он очень уж впечатлительный... Да я ещё на него накричал...

гуля. Не волнуйтесь, он ваш крик и не заметил, не до того ему было. Так что себя не вините.

Возвращается Матвей, за ним тенью держится Колька. Гуля без слов, кивком, спрашивает у Кольки: «Ну как?» Колька без слов показывает, что ничего непонятно. Матвей садится.

МАТВЕЙ. Вспомнил! Не пойму, объясните, друзья: почему я внизу оказался? Степан Ильич, вы тоже решили в гамаке покачаться? СТЕПАН ИЛЬИЧ. Я... Покачаться...

гуля. Да это случайно всё вышло. Ты внезапно уснул, мы не стали будить...

МАТВЕЙ. Коля, ты почему своё место Степану Ильичу не уступил? КОЛЬКА (*растерянно*). Я... Я хотел...

Звонит телефон Матвея.

МАТВЕЙ (*совершенно адекватным голосом*). Здравствуй, мама! Не плачь... Всё обошлось. Знаю, всё знаю! Жива наша Кира, жива. Ну, хорошо, что тебе Инна Аркадьевна перезвонила. С внуком тебя! С Виталиком! Что? Ясновидящим будет?! Не знаю, не знаю... Лучше парашютистом. (*Смеётся, однако чувствуется нервное напряжение.*) Да, мама, завтра прибуду, в обед. Душ приму — и сразу в роддом, к жене и сыну! Ты сегодня можешь что-нибудь для неё приготовить? Посмотри в Интернете, что сейчас можно. Завтра вместе пойдём! О нет! Да забудь уже, забудь эти чёртовы занавески! Что?! Развесила?! Сама? Ну, я не знаю, что тут сказать... Красивые, говоришь? Малышковые? Как? С парашютиками? На них мишки-зайки-лисички? Хорошенькие?! Ну, видишь, все живы, всё хорошо. Скоро Киру домой заберём... Больше не ругайтесь... Даже? Подарок нам сделать решила? Мебель в квартиру купить? Мама... Такую дорогую — зачем? Ну мало ли что нам понравилось... Ну хорошо, хорошо, мы довольны, спасибо тебе, спасибо! Не плачь. Еду я, еду. До встречи! Пока! (*Вытирает выступившие слёзы.*)

ВСЕ (*одновременно*). Кира жива?!!

МАТВЕЙ (*смотрит на них ошалело*). Я же сразу сказал! Вы что, мне не верите?

ВСЕ (*одновременно*). Верим!!!

Пауза. Все глубоко потрясены.

КОЛЬКА. Мать моя женщина...

гуля. Вот это стрельбы! Ну вы даёте!

колька. Даст ист фантастиш...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Слава Тебе, Господи, обошлось...

МАТВЕЙ. Друзья, друзья, подождите... У меня как вроде провал. Почему я спал на месте Степана Ильича? Я же был наверху...

ГУЛЯ. Был... Зазвонил твой телефон, ты оказался внизу, еле тебя словили, потом как подкошенный выпал. Мы, прости, решили: у тебя бред... Ну, мало ли — нервное напряжение, стресс... Решили ждать, наблюдать...

МАТВЕЙ (*озабоченно*). Спасибо. Сразу не понял — вот идиот... Действительно, помню, как привели, потом ничего не помню. Потом чужой номер — оказалось, Кира звонит, а потом снова обрыв... Очнулся утром, внизу... Нет, не постичь...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Какое уж тут постичь? Не человеческого ума это дело. Значит, судьбе было угодно, чтобы вы жили, и не надо больше вопросов — никто на них не ответит.

МАТВЕЙ (*бормочет*). Кира... живая... Сын...

За дверью купе оживление, топот. В коридоре несколько пассажиров стоят у окна. Стук в дверь.

ГУЛЯ. Войдите!

ПРОВОДНИЦА (*взволнованно*). Доброе утро! К Ракам, к отшельнику подъезжаем. Может, увидеть его повезёт. Выходите! Он, случается, поезд — крестным знамением... И тогда... Хорошо это, всем хорошо... Выходите, скоро увидим, если он на горе. Мы всегда замедляемся в этом месте. (*Уходит.*)

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Кто скажет, в чём дело?

КОЛЬКА. Пустынник какой-то. Вроде как местный то ли святой, то ли блаженный какой чудотворец, я так и не понял. Мужик в ресторане обедал, рассказывал: едет к нему чуть ли не из-за бугра, на что-то решиться не может — надеется, этот оракул подскажет.

ГУЛЯ. Во дожили! Выходит, не только климат меняется. Теперь и у нас как в Древней Греции — практическая мифология. А мама всё по Европам скитается, когда здесь чудеса! Он, что, ясновидящий, этот оракул?

КОЛЬКА. Даже вроде как лекарь. Народный. Я толком так и не понял. Но что интересно — этот мужик говорил, а ему кто-то ещё рассказал: после его руки след на голове остаётся, вроде как грелка, будто рука так и лежит, не отпускает. А через некоторое время человек понимает, что делать должен, ну, или там на поправку идёт. И след исчезает.

ГУЛЯ (*потрясённо*). Ты что, в это веришь?!

колька. Чёрт его знает, как это может быть?.. Не испытывал...
гуля. Я, однако, иду посмотреть! Мне любопытно!
матвей. Интересно, а желание загадать можно?
степан ильич (*задумчиво*). Хуже не будет.
Все встанут, одеваются, выходят в коридор.

ГОЛОСА ПассажиРОВ: Подъезжаем! Сейчас, сейчас... Повернёт — и увидим... В каком он возрасте? Ни старый, ни молодой. Вот он, смотрите, смотрите! Идёт, поднимается! Господи, страсти какие! А кто он такой? Говорят, грешник великий был, да снизошла благодать. Говорят, всю семью потерял. Говорят, много лет воевал. Говорят, инвалидом родился, бревном лежал тридцать лет. Говорят, обет молчания принял. Не знает никто, кто он и откуда пришёл. Грешен, Господи, грешен! Прости, не оставь...

По горе к одиноко стоящей берёзе восходит отшельник с посохом. Вместе с ним появляется нежный радужный свет, который становится ярче, слышится дивная музыка с птичьими трелями, стихает шум колёс — массовая галлюцинация. Дойдя до берёзы, отшельник встает на колени, начинает молиться. Пассажиры замерли, кто-то шепчет молитву, кто-то начинает плакать, рыдать, бормотать. Всем кажется, что поезд остановился, что они находятся не в поезде, а стоят перед отшельником. Проводница истово молится, крестится, целует, не выпуская из рук, нательный крест. Отшельник медленно крестит мир. Крики среди пассажиров, смешанные с рыданием: «Благословил! Благословил!» Грохот поезда, набирающего ход, всех словно будит, оглушённые пассажиры встают с колен, расходятся по местам. Потрясённые Гуля, Степан Ильич, Матвей и Колька расаживаются в своём купе.

колька. Что это было?

гуля. Я успела желание загадать.

матвей. Только бы сбылось...

степан ильич. Он что, настоящий?

колька. Думаете, артист?

степан ильич. Кто его знает?..

гуля. Поживём — увидим.

колька (*чешет затылок*). Время, оно покажет...

гуля (*прикладывая руки ко лбу*). У меня лоб тёплый, словно кто-то коснулся... А у вас?

колька. Уже? Началось?! (*Пальцами щупает свой лоб, потом ладонями голову, лицо, шею, потом обеими руками хватается за сердце.*) И у меня тоже!

гуля (заливаясь смехом). Эх тебя понесло!

Раздаётся пронзительный свист встречного поезда. Вскоре с грохотом проносится и сам поезд. Пауза. Колька становится серьёзным, потом встаёт, медленно снимает дембельский китель, укладывает его. Сверху кладёт берет. Все на него удивлённо смотрят.

колька (озадаченно). Мне, похоже, пора...

гуля. Ты же с нами... Ведь вместе едем!

колька (увереннее). Если успею, следующим составом вернусь. Ну, или как там получится. (Гуле.) Гуля, прости, прошу, погуляй, переодеться мне надо.

гуля (с пониманием). Ладно.

Гуля выходит в коридор, смотрит на природу за окном. Колька достаёт сумку, переодевается в джинсы, футболку, кроссовки, убирает форму. Матвей и Степан Ильич молча за ним наблюдают. Переодетый Колька встаёт перед ними. Поезд замедляет ход.

колька. Ну, пока, мужики. Спасибо за всё. Приехал, похоже, на первую гражданскую станцию. Смех смехом... Однако сам хочу испытать. Хотя, признаться, не сильно-то верю. Бабуля меня Фомой неверующим зовёт. Ну чем попугай с билетиком хуже? Смех смехом... Иду как к вещему камню. То-то бабушка будет смеяться! Однако есть что спросить. Спасибо за встречу, Степан Ильич! Здоровья вам и долгих лет, хороший вы человек! (Обнимаются.)

степан ильич. Тебе тоже спасибо! Славный ты, Коля, парень. За дело скорее берись да радуй бабушку, не тяни.

колька (довольный). С тем и стараюсь!

степан ильич. А товарищ твой как же?

колька. Товарищ? Спит товарищ без задних ног, доберётся до дому — пить будет без продыху, типа, на радостях. Да и какой он мне товарищ? На станции познакомились. Это вас теперь не забуду, наше купе. Матвей...

матвей. Коля... Не знаю, как и благодарить...

колька. Матвей, брат... Разве ты на моём месте поступил бы иначе? (Крепко обнимаются.) Здоровья мальцу твоему, жене красоты, и ты — бывай!

Поезд остановился, проходят пассажиры с вещами, Колька выходит на перрон. Там его ждёт Гуля. Она улыбается, они дружески обнимаются.

гуля. Снял-таки свою бахрому?

колька. Похохмил, и довольно. Смех смехом, глядишь, какая умная мысль заведётся от руки отшельника этого. Может, дело подскажет...

гуля. Ого! Он круто работает — первая мысль уже на ходу завелась! колька. По горячим следам продолжу. Да и взглянуть любопытно: подозреваю, там целая индустрия. Надеюсь, к нему всех пускают? Вроде тот мужик едет без записи. Да вон он, вижу, идёт... Смотри-ка, уже и чемоданчик из рук подхватили, везут. Глубинка, а как всё налажено!

гуля. Ха, уже и к нам направляются!

колька. Ничего, подождут. *(Делает знак рукой.)* Я с тобой проститься хочу. Гуля... Ты *(выпаливает)*... произвела на меня неизгладимое впечатление!

гуля. Спасибо, приятно.

колька. А я?

гуля. Ты? Ты от скромности не помрёшь.

колька. А ещё?

гуля. Что ещё?

колька. Ну, впечатление!

гуля. Да я ведь тебя совершенно не знаю! Ты ничего о себе не рассказывал.

колька. Я не успел.

гуля. Ну да, сначала... шампанским спивался. Потом...

колька. Потом... Потом уже не мог вас — наше купе — оставить. Когда дошло до меня...

гуля. А до меня-то когда дошло...

колька. Н-да, попали мы в переплёт... Да ещё этот отшельник...

гуля. Все постарались. Ты что от него услышать-то хочешь?

колька. Сам толком не знаю.

гуля. А что соскочил?

колька. Надо. Вот чувствую!

гуля. Расскажешь потом?

колька. Легко, если тебе интересно.

гуля. Мне много что интересно. Чудеса — всегда интересно.

колька. Сама не сподвигнешься?

гуля. Я-то? Да вроде как ни к чему.

колька. И правильно: ребёнок, мало ли что... Хотел бы я, чтобы и мне ни к чему было. Да, выходит, права моя бабушка: своего ума нет — живи век чужим.

гуля. Коля, брось на себя наговаривать. А что сомнения — так у кого их нет? Уверена, всё у тебя будет как надо.

колька. Затем и иду, чтобы как надо. Аглая Филипповна, значит, мы продолжим знакомство?

гуля. Почему бы и нет? Время покажет, что там, под твоей мишурой.

колька. Ну, тогда я спокоен. Гуля, прости за глупые шутки — немного дурачился, на радостях, что домой возвращаюсь. А если серьёзно, всегда мечтал встретить человека, который сам жизнь свою строит. Кто бы сказал, что это будет женщина...

гуля (*с иронией*). А как насчёт комплекса неполноценности?

колька. В самом деле, как насчёт комплекса неполноценности?!

Смеясь, обнимаются.

(Дружески целуя её.) Я в сети тебя отыщу?

гуля. Надеешься, запутаюсь?!

колька (*с восторгом*). Так я же ведь вызволю! Спасу!

гуля. Отыщешь. Гусары... вперёд?!

колька (*игриво хлопает Гулю по ягодицам*). Р-разрешите бегом?!

гуля (*шутливым командирским тоном*). Отставить! Руки по швам!

Колька отскакивает на шаг и вытягивается в строевую стойку. Гуля шуточно оценивает выправку.

Вольно!

колька. Есть вольно! (*Меня подчинённый тон на заботливо-покровительственный.*) Пора, чемпионка, назад полезай — поезд пыхтит, того и гляди тронется.

Поезд призывно свистит. Гуля заскакивает в вагон. В шуме поезда, набирающего ход, слышится звонкий Колькин голос: «Я люблю тебя!» Гуля некоторое время стоит в коридоре, смотрит в окно. Затем, на седьмом небе от счастья, заходит в купе. Мужчины у стола пьют чай, Гуля садится рядом.

матвей (*искренне*). Степан Ильич... Вы мне теперь вроде как крёстный отец. Всей семье нашей крёстный отец.

степан ильич. Вот и славно! Вот и в гости ко мне всей семьёй приезжайте! Дом у меня большой, доехать от вас можно на электричке за три часа, а я на машине встречу. На реке рыба, в лесу грибы, ягоды. Вокруг птицы поют: соловьи... камышевки... кукушки... Огородик держу небольшой. Зимой — лыжи с санками, снега по самую крышу. А воздух... И ты, голубка, с дочкой своей отдыхать приезжай — места всем хватит.

гуля. Степан Ильич! Дорогой! Как домой переберусь — наведаемся обязательно! Будете дедушкой дочке моей.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Вот и славно! Николай тоже обещал не забывать. Значит, приеду — делом займусь: дом подновлю и всех вас в гости ждать стану.

ГУЛЯ. Даже не верится... Чудеса! Такие только в поезде и возможны! Ой, наверное, о карьере машиниста подумаю. Хотя нет, шучу, конечно, шучу — пускай мужчинам место моё достанется. Потому что к тому времени, чувствую, мне окончательно захочется дома. Смотрю на маму: ну сколько можно болтаться?

У Гули звонит телефон. Она остаётся в купе, говорит без стеснения, как среди родных.

Да что там опять стряслось, мамочка? Господи, да не плачь ты, успокойся, пожалуйста. С небоскрёба мужчина упал?.. Так... Снова в экран плюнься, от новостийных каналов оторваться не можешь? Что? На твоих глазах?! Прыгнул прям под ноги?.. Так... Наконец-то... И тебе домой захотелось... Ой, мама, брось, ну что ты, ей-богу! В тесноте, да не в обиде! Хотя какая там теснота — северный папин размах, смотри, как сгодился. Да приезжай, конечно, и поскорее, вместе будем рожать, так что спеши! Вещи соседям раздай, а книги пакуй, их заberi. Деньги отправлю. Ну сколько можно болтаться?! *(Жизнеутверждающе.)* Всё равно наши мужчины — самые лучшие! С чего взяла? Да с того и взяла, что самые лучшие, — в поездах надо кататься! Встретила! И ты ещё встретишь! Уф... Наконец-то дошло до тебя... Жду!!! Целую-целую, чао-какао!

Совершенно счастливая, Гуля забирается на свою полку. Вечер, все укладываются спать.

Сон Степана Ильича.

ИНТЕРМЕДИЯ 4. «АДАМ И ЕВА»

Распахнутое окно в глубине сцены, выше уровня купе. На широком подоконнике, не касаясь друг друга, сидят обнажённые юноша и девушка, смотрят в звёздное небо. Видны только их силуэты.

ГОЛОС АЛЁНЫ. Я прошла к тебе через ад. Что там было — не помню: что-то ужасное... Очнулась — ты выносишь меня из воды. Как хорошо, что ты меня ждал... Любимый, единственный...

Утро. Степан Ильич уже собрал свои вещи, сидит, ждёт остановки. Гуля и Матвей пьют чай.

ГУЛЯ. Доброе утро, Степан Ильич! Проснулась — и знаете с чем?

СТЕПАН ИЛЬИЧ. С ласковым солнышком? Погода-то нынче какая!

ГУЛЯ. С именем ласковым! С дочкиным именем! Моя мама в последний момент Аглаей меня назвала. Отчество редкое, она,

конечно, сначала Настасьей назвать хотела — в юности диссертацию по женщинам Достоевского всё писать порывалась, да запуталась в них окончательно. Суслову боготворила. Только на Аполлинарию духа её не хватило, а то бы я Полей, Полиной была. А вот на Аглаю мама решилась. А что?! Не только мне нравится! Звучно, красиво. За имя я крепко ей благодарна, пускай дочка я не самая нежная...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Ещё какая нежная! Ты просто не знаешь — ну, ничего, скоро узнаешь! Так как дочку назвать-то решила?

ГУЛЯ. Ладой! Ладой её назову!

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Вот и славно! Дай Бог, чтоб и с отчеством к рождению дочки тоже сложилось.

ГУЛЯ. Ой, это просто из области сказок!

МАТВЕЙ. А ты упираться будешь, что сказке в жизни не место?! Да мы в поезде этом просто взрываем теорию вероятностей!

Все довольны. Поезд начинает замедлять ход.

ГУЛЯ (немного смущаясь). Степан Ильич, это ещё не всё... Признаться хочу. Я как того подонка из парка припомнила — думаю всё... И надумала: нет, не убила бы я человека. Разве что защищаясь, в аффекте. А когда отбилась, когда он в корчах валялся — нет, не убила бы... Сдала бы властям, чтоб наказали, чтобы всё по закону.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Думаешь, стал бы другим, изменился? Когда-нибудь, освободившись?..

ГУЛЯ. Изменился?.. Да Бог его знает? За это бы я не поручилась, однако...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Однако он тебя не жалел.

ГУЛЯ. Дело не в жалости. Мне не жалко его сломанных ног — получил по заслугам, да и не было выбора. Знаете, для меня всегда главным было — держать себя, как винтовку, крепко в руках. Своих — не чужих. Быть собой, настоящей. Про случай тот я вспоминать, получается, просто боялась — противно и мерзко... Ведь как до границы дошла, за которой не люди, а нелюди.

Пауза.

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Жизнь прошита и злом, и добром. Мудрецы говорят: подобное к подобному, — да только нитки, хотим не хотим, пересекаются.

Пауза.

ГУЛЯ. Я ведь почему в биатлоне осталась? Там стреляют. Могла бы и просто на лыжах гонять, а мне надо чувствовать ствол, мишень, тактику — бой. Чтобы было чем отбиваться, а если надо,

то наступать. Чтобы знать, что могу. Я потому бы его не убила, что как раз бы смогла. Только зло злом не убьёшь. Ведь в такой «победе» я от него отличаться не буду: как ни назови — он победил. Пускай ему останется шанс, пусть ничтожный, но будет. Потому что даже подлецу, уверена, когда-нибудь да захочется понимания, чтобы кто-то и его успокоил и пожалел. Будь это не так, мы признавали бы только силу, а это, считай, одичание. И спорт был бы не нужен: зачем, если можно без правил? Только водить за правила, хотим не хотим, жизнь будет, наверное, всегда... Быть может, она проверяет, люди мы или скоты? Степан Ильич, мне кажется, ваша дочь иначе поступить не могла... Выходит, кто-то за всех выкупать должен девичью честь, чтобы честь эта — была, живой оставалась и чистой... Ваша Алёна — она... *(В волнении обрывает фразу.)*

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Спасибо, дочка, родная, спасибо...

Поезд замедляет ход. Степан Ильич прощается с Гулей. Потом к нему подходит Матвей.

МАТВЕЙ. Степан Ильич, дорогой... Спасли меня: сыну спасли, жене, матери... Теперь всю жизнь с этим крестом — как сам себя, по малодушию...

СТЕПАН ИЛЬИЧ. Ничего, вынесешь — должен, а теперь и обязан. И Виталий Матвеевич, когда подрастёт, пусть узнает из первых рук, что жизнь нельзя обрывать — надо ей верить. До конца, до вдоха последнего. Вот и я снова верю... Снова знаю чему — высокому, чистому... Ну, всего тебе... Давай, Матвей, будь! *(Обнимаются.)*

Степан Ильич выходит, закрыв двери. Гуля и Матвей укладываются на свои места и закрывают в окнах шторы.

ИНТЕРМЕДИЯ 5. «ВСТРЕЧА»

Степан Ильич медленно идёт по перрону, навстречу ему выходит Алёна с младенцем на руках. Чуть поодаль — её супруг из Чистой Пяди, он держит за руки детей — десятилетнюю девочку Алёну и мальчика помладше. Они медленно сближаются со Степаном Ильичом. Шум летнего леса. Вдали кукует кукушка.

ЗАНАВЕС

Красноярск, 2020

Игорь Герман

Миссионеры и язычники

(Театральный документ 2013)

Печатается в сокращении

*В жизни шарлатаны обычно симулируют болезни,
а в искусстве они симулируют чаще всего здоровье.*

В.Э. Мейерхольд

НОВЫЙ ГЛАВНЫЙ

В начале сентября в наш театр прибыл новый главный режиссёр.

По некоторым обстоятельствам я был вынужден задержаться с выходом из отпуска на неделю. Пришёл. Написал без содержания пропущенные дни. Поднялся на третий этаж знакомиться с главным. Он был у себя в кабинете. Поздоровались, представились.

Першин Сергей Александрович произвёл впечатление крепкого орешка: среднего роста, гладко выбритый, коротко подстриженный, с крупной круглой головой и без излишеств в фигуре, присущих мужчинам за пятьдесят. Держится уверенно, смотрит прямо. Не заигрывает и не желает понравиться. Ведёт себя естественно, говорит просто. С первого же взгляда в нём чувствуется внутренняя сила. Это хорошо: лидерские качества в характере главного режиссёра — обязательное условие. Без них он не сможет стать организующим творческим центром своего коллектива.

Я объяснил главному, почему не смог вовремя выйти на работу.

— А мы уже всю в процессе, — бодро ответил он.

— Отлично. Надеюсь, не опоздал?

— Нет. Для вас тоже припасена роль. За эту пьесу мы ещё не брались. Завтра утром первая репетиция, — Сергей Александрович вынул из стола стопочку листов с отпечатанным текстом пьесы и положил передо мной. — Вот. Почитайте пока. Потом придёте. Поговорим. Поделитесь впечатлениями.

— Хорошо, — сказал я и взял пьесу.

— Сейчас одиннадцать, у меня репетиция. К двум подходите.

Я вышел из кабинета. Спустился в свою гримёрку на первом этаже, раздвинул шторы, чтобы стало светлее, сел к столику и принялся за чтение. Прочитал название: «Любовь». Имя автора незнакомо: кто-то из новых. Главный дал пьесу с прицелом: буду что-то играть. Нужно прочесть внимательно и спокойно. Так я и сделал, потратив на чтение

час с небольшим. Следующий час у меня ушёл на то, чтобы прийти в себя после прочитанного. Это было моё первое прямое столкновение с айсбергом под названием «новая драматургия».

Вкратце сюжет пьесы таков. Муж убивает свою жену, рубит труп топором на куски и скармливает собакам. Сообщает о пропаже в полицию. Изображает из себя несчастного, убивающегося мужа. Дело поручают вести следователю — молодой женщине. В процессе дознания у неё с мужем пропавшей гражданки (то есть с убийцей) возникают отношения, переходящие затем в более глубокое чувство. Герои отдаются ему. Труп так и не находят. Дело зависает. Молодые живут вместе и уже собираются узаконить отношения, но тут он признаётся ей в убийстве. Признаётся накануне свадьбы. Она в шоке. Требуется от него написать явку с повинной, после чего идёт к себе в кабинет, оставляет его заявление на рабочем столе и здесь же вешается на собственных колготках. Сослуживцы утром находят её тело, читают признательные показания любовника и всё понимают. В финале пьесы автор, видимо, желая показать свою осведомлённость в области физиологии человеческого организма, вкладывает в уста капитана полиции просьбу к уборщице — подтереть под повесившейся лужу мочи. Последняя фраза пьесы этого же капитана: «Вот такая вот любовь!»

Ну, дикой историей в наше время никого не удивишь. Бесконечная череда диких историй тянется по всем телеканалам с утра и до утра. Так что одной больше, одной меньше — уже всё равно. Другое дело, каким языком эта пьеса была написана. Когда я прочитал первый мат, подумал: ошибка или опечатка, — но... сквернословием в пьесе страдали все, включая влюблённых героев. Вкупе с чёрным сюжетом безобразная авторская лексика провела по моему сознанию массивную психическую атаку, и к последней странице пьесы я был морально разбит. Нахлынуло беспросветно гадостное состояние — казалось, будто изнасиловали мою душу. Хотелось хватить чистого воздуха и внутренне отдышаться. Какое-то время я сидел молча, не двигаясь и прислушиваясь к себе. Впечатления для меня новые, я должен их прочувствовать и пережить. Почему-то всплыла в памяти услышанная когда-то информация о том, что в начале девяностых, когда всё *это* только начиналось в Москве и стало проникать в столичные театры, старая актёрская гвардия, воспитанная в традиционной культуре, получив роль в такой пьесе, приносила её домой, брала двумя пальцами, выбрасывала в мусоропровод, а потом долго мыла руки с мылом.

Мне сейчас захотелось сделать то же самое. На минуту стало страшно. По-настоящему страшно. Бывают моменты откровения в жизни, когда внутренний голос подсказывает тебе: всё, ты попал. И вот после прочтения этой пьесы, подумав, взвесив и рассудив, я должен был честно сознаться себе, что попал. Открывшиеся новые театральные берега не обещали лично мне ничего хорошего.

Я попытался стряхнуть оцепенение тела и души. Поднялся со стула. Начал нервно ходить по гримёрке. Я и так всё принимаю близко к сердцу, даже когда для этого нет причины, а уж если она есть!.. Сейчас ситуация касалась меня конкретно: мне жить и работать в этом театре, а другие времена на один день не приходят. Хотя паниковать не надо. Рано. Я ещё не говорил с главным. Вероятно, он как-то прояснит ситуацию. Сгладит её, что ли. Он не намного старше меня. В школе и институте учились примерно в одно время, нас воспитывали одни педагоги, и в наши души вложены одни ценностные установки. Это давало надежду, что мы найдём общий язык, по крайней мере, в отношении того, что сызмальства заложено в наше сознание как безобразное.

Я открыл ящичек своего столика, взял кружку, натряс в неё из баночки кофе, сходил на вахту к кулеру и набухал до краёв горячей воды. Вернулся. Пил кофе, не чувствуя густого горького вкуса. Вскликивал, ходил, вслух спорил с воображаемым оппонентом. Снова, обжигаясь, пил кофе. Думал — искал и находил аргументы. Так пролетело оставшееся время.

В четырнадцать ноль-ноль я взял прочитанный текст пьесы и, немного взволнованный, направился в кабинет главного. Он уже был там.

— А-а, проходите, присаживайтесь... — Першин с улыбкой заглянул мне в глаза. — Прочитали пьесу?

— Прочитал.

— Ну и как?

Я выдержал паузу. Пауза перед ответом — всегда несогласие.

— Не понравилась?

— Скажите... — первым делом я хотел задать именно этот вопрос. — Скажите, Сергей Александрович... как вы относитесь к матерщине на сцене?

Главный даже на секунду не задумался:

— Очень хорошо отношусь.

Я растерялся.

— А почему?

— Что — почему?

— Почему хорошо относитесь?

Теперь в его глазах мелькнуло удивление.

— А почему я должен относиться плохо?

— Но ведь это сквернословие.

— Ну и что?

— Как — что?

— Это часть нашего языка. Она имеет место в жизни, значит, имеет право быть и на сцене.

— Сергей Александрович... простите... но ведь должна же быть какая-то культура...

Все аргументы, придуманные мной за кружкой горячего крепкого кофе, в секунду вышибло из головы — как после удара палкой. Позиция главного меня дезориентировала окончательно. Я не мог собраться с мыслями, от которых, таких стройных ещё минуту назад, сейчас остались раздрозганные лохмотья.

Прямой открытый взгляд интеллигентного человека Сергея Александровича Першина и его убеждённость действовали на меня обезоруживающе.

Мы разговорились.

Я пытался возражать, вспоминал и приводил свои доводы, пару раз удачно парировал, но в целом спор проиграл.

От общей культуры языка разговор перешёл на тему прочитанной мною пьесы. Першин сказал, что с завтрашнего дня приступаем к работе над ней, и назвал роль, которую мне предстоит репетировать. Я вспомнил роль: сосед, друг главного героя и его собутыльник. Язык этого персонажа такой же поганенький, как и всех остальных. Я сразу поставил и известность главного, что произносить *этого* не смогу ни на репетициях, ни тем более со сцены. Буду пропускать *это* либо заменять нормативными синонимами.

— Пожалуйста, — согласился Сергей Александрович. — Нет так нет. Никаких проблем.

— Ещё вопрос... — всё никак не мог успокоиться я. — Как вы думаете, качество этой пьесы, если оно, конечно, существует, пострадает, если мы уберём оттуда все маты?

— Думаю, что нет.

— А тогда для чего они там?

— Сейчас все так пишут.

— Зачем?

— Пример Запада. Гниём оттуда.

— Ну, Запад гниёт — это его проблемы. А нам для чего гнить вместе с ним? За компанию?

— Это не ко мне. У меня тоже есть вопросы к политикам. Но у них свой театр, а у нас свой... Ладно. Будем работать. Я запускаю шесть пьес современных драматургов. Занята вся труппа. Будут пока не спектакли, а только читки.

— Что такое читки? — не понял я.

— Не сталкивались?

— Нет. Не приходилось.

— Это новая форма театральной работы. Появилась именно благодаря современной драме. Суть состоит в том, что за три-четыре-пять репетиций показываем результат, то есть всё, что можно сделать за это время. Возможен приближенный эскиз спектакля. Ну, эскиз — по сути, более углублённый вариант читки. Поэтому и говорю — приближенный... Вот так. В процессе всё поймёте. Если вопросов больше нет — за работу! Завтра в одиннадцать...

ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Назавтра, в одиннадцать утра, собрались в кабинете главного режиссёра на первую репетицию. Перед тем как прочесть по ролям, Першин сказал о пьесе вступительное слово. Прежде всего, он горд тем, что первым нашёл её в Интернете и заинтересовался ею. Пьеса совершенно новая, написанная молодым драматургом, которому всего двадцать четыре года. По мнению Першина, удивительно то, как такую зрелую тему мог раскрыть совсем молодой человек.

— Я перечитал кучу пьес современных авторов, — говорил Сергей Александрович, — а современные авторы — это, прежде всего, молодёжь. Хочу сказать, что не так много из прочитанного можно ставить на сцене, но они пишут, пишут и пишут. Неумело, коряво, но ведь прорываются. Как видите, и в драматургии количество постепенно переходит в качество. Судя по этой пьесе — наконец-то писать научились. И это не только моё мнение. Пьеса «Любовь» стала победительницей драматургического конкурса-лаборатории в Москве. Так что это, на всякий случай, уровень.

Он замолчал и с осторожной улыбкой посмотрел на актёров, сидевших по обе стороны длинного репетиционного стола. Артисты уткнулись в листы своих текстов и молчали, слушая главного режиссёра. Никто не поднимал ни головы, ни взгляда. И только Михаил Петенькин, маленький, кругленький и ершистый актёр сорока четырёх лет, внимательно и спокойно смотрел в глаза Сергея Александровича. В его спокойствии вибрировал какой-то нерв, и опытный человек Першин не мог не почувствовать за этим спрятанной иголки.

— Вы что-то хотите сказать? — спросил главный режиссёр.

— Пока ничего, — спокойно ответил артист.

— Тогда почитаем пьесу по ролям.

Прочитали.

Першин лукаво поглядывал на актёров в тех местах, где встречался ненорматив. Молодёжь с ненормативом справлялась на раз, то есть просто читала его. Шестидесятилетняя Надежда Павловна Лапихина, играющая мать главной героини, Миша Петенькин и я на ходу перефразировали *это* или же вовсе не произносили.

Думаю, что для главного расклад сил в нашей группе определился. Стало понятно, кто за ваших, кто за наших. Главные режиссёры, как и все прочие руководители, тоже нуждаются в своих людях. Свои люди для начальника — это как группа поддержки, и без них рулить в коллективе очень сложно. Любой режиссёр предпочитает работать с беспроблемными артистами, и это правильно, с точки зрения самого режиссёра.

Сказать, что я был поражён той лёгкостью, с которой большинством коллег преодолевалась авторская матерщина, — значит, ничего не сказать. Разумеется, все мы знали о существовании таких пьес и таких авторов, сколотившихся сегодня в своеобразную «могучую

кучу». Но, не касаясь нас напрямую, они до сего дня существовали как в параллельном мире. Как другая форма жизни. Пьесы эти я не читал, а если и случалось, то до первого мата. Сквернословие — показатель уровня культуры автора, а произведение — зеркало его души. Что может сказать миру такой автор, и что можно увидеть в таком зеркале?.. Именно по этой причине современная драма меня не интересовала. Кто-то где-то её репетировал, ставил, смотрел, даже хвалил, но я, оставаясь в стороне, надеялся, что волею судьбы чаша сия и далее будет следовать мимо. Но...

Текст с ненормативом в стенах нашего театра читался впервые. Я слушал товарищей, озвучивающих полную авторскую версию, делающих это в здравом уме и твёрдой памяти, и ничего не понимал. Складывалось ощущение предательства (слово на каблуках, конечно, но другого подобрать не могу): предательства родителей, которые воспитывали, педагогов, которые учили, культуры, в которой выросли, профессии, которой служили. И никого не упрекнёшь, все взрослые люди и понимают что творят. Какая-то оторопь брала оттого, что понятия «хорошо» и «плохо» в момент поменялись полюсами. Кувырк — и ваши не пляшут!

Все делали вид, что ничего не происходит. Я не мог делать такого вида, поэтому был растерян и подавлен.

Дочитали пьесу.

В паузе Першин с вопросительной улыбкой смотрел на нас. Мы молчали, глядя кто куда. Только Миша Петенькин всё так же спокойно смотрел в глаза главного режиссёра.

— Михаил Петрович, давайте начнём с вас, — обратился к нему Першин. — Ваши ощущения от прочитанного?

— Сложные, — кратко ответил Петенькин.

— А если попытаться сформулировать?

— За такие пьесы в тюрьму сажать. И надолго.

— Это всё?

— Всё.

— Ясно, — Першин слегка покраснел, но продолжал улыбаться. — У кого ещё какое мнение?

Высказалась Надежда Павловна Лапихина:

— За такую пьесу зрители нам спасибо не скажут! — подумала и добавила: — Нет. Не скажут.

— Ну, прежде чем предполагать реакцию зрителей, спектакль нужно сначала поставить, а потом показать, — не согласился с актрисой главный режиссёр. — А уж зритель сам решит, что сказать.

— А если мы уже знаем, что они скажут?

— Откуда вы можете это знать?

— По нашим же впечатлениям. Мы такие же люди. Если нам не понравилось, то, скорее всего, не понравится и зрителям. Чернуха — она и есть чернуха.

— Давайте всё же не будем торопиться. Зритель тоже бывает разным. Тем более что пьеса не чернуха, я в этом с вами, Надежда Павловна, категорически не соглашусь.

— А что это, по-вашему?.. Белуха?— спросил Миша Петенькин.

— Ну... белуха — не белуха, а пьеса хорошая.

— И в каком месте это видно?— не унимался Миша.

— Вот когда мы разберём её, я думаю, что вы всё увидите сами.

— Но ведь такую пьесу в самом деле не будут смотреть зрители. Неужели вы этого не понимаете?

— Не понимаю,— пожал плечами главный.— Я ставил спектакли по пьесам современных драматургов не в одном театре, и они идут, и идут с успехом, не сочтите за бахвальство.

Петенькин промолчал. Успех — настолько тяжёлый обух, что тут бессильна любая плеть.

Я решил поддержать Мишу и переспросил Першина о возрасте драматурга.

— Двадцать четыре,— повторил главный.

— В такие годы этот молодой человек уже настолько испорчен?

— Испорчен?— удивился Першин.— Чем же он испорчен?

— Последняя сцена пьесы, где героиню находят повесившейся в своём кабинете...

— Ну?..

— Смерть — это таинство. Таинство перехода в другой мир или в никуда, я не знаю... и ёрничать над этим...

— А кто ёрничает?.. — похоже было, что Сергей Александрович и в самом деле не понимал.— Никто не ёрничает.

— Автор обозначил смерть героини... не хочу повторять в точности эту фразу... это что такое — подтереть под ней лужу мочи?!

— И что вас смущает?

— Это, по автору, такой художественный образ смерти человека?

— Вообще-то при удушении организм расслабляется, и происходит произвольный выброс... ну, ясно, да?.. Это нормальная физиология.

— Но театр — искусство, а не физиология.

— ?..

Если Першин только делал вид, что не понимает, то делал он это очень органично.

— То есть, Сергей Александрович, вас это не смущает?

— По крайней мере, в пьесе всё укладывается в рамки жизни человеческого тела.

— А как же жизнь человеческого духа?

— А вот дух, друзья мои, будем вдвигать в персонажи мы сами.

Я более не нашёлся что сказать. Сергей Александрович в своей абсолютной уверенности был очень убедителен.

— Всё равно зрители не скажут нам спасибо,— задумчиво повторила Надежда Павловна.— Не скажут. Вот увидите.

— В московском театре... — Першин назвал его, — тоже взяли в работу эту пьесу. И актёры тоже спорили сначала, называли её чернухой, потом успокоились, выговорили её и нашли, что это очень даже светлая история.

— Вот ярчайший пример того, как можно всё перевернуть с ног на голову, — заметил Миша Петенькин.

— Я думаю, что люди просто разобрались, что к чему. Огульно можно заплевать что угодно...

Преппирательства, вероятно, продолжались бы ещё, но главный решил прекратить их.

— Ладно, — сказал он. — Каждый остаётся при своём мнении. Все взрослые люди, никого не переубедишь. Но так как мы ещё и профессионалы, то давайте найдём в себе силы смириться с материалом, над которым предстоит работать. Это шестая пьеса, которую я запускаю в читку. Над пятью уже работаем. Премьера в начале октября. Текст всё равно не выучите, будете ходить с листочками. Форма работы это допускает.

— А потом? — спросил кто-то из молодых.

— Потом?... Потом по этим эскизам зрители сами решат судьбу будущих спектаклей: быть им или не быть на нашей сцене.

ЭСКИЗЫ СПЕКТАКЛЕЙ

У актёров к зрелому возрасту стадия романтического обожания лицедейства, как правило, переходит в стадию кислого скепсиса. Но я любил и люблю свою профессию. Верно служил и служу ей. Никогда не разочаровывался, научившись отделять Богово от кесарева. Мне всегда хотелось играть, я радовался, когда получал роль и делал её на совесть. Но вот в работе над пьесой «Любовь» впервые запнулся. Запнулся о противоречие внутри самого себя. С одной стороны, есть работа и есть роль, но с другой... над такой ролью работать не хотелось. Не хотелось, и всё. Крайне раздражал убогий авторский язык, который сам автор пытался выдать за убогость языка своих персонажей.

Дома я брал текст в руки, честно пытался собраться, читал, но скоро происходило внутреннее отторжение, я раздражался, откладывал текст, ходил по комнате, плевался и ругался вслух, пугая своих домашних. Затем снова пытался, снова не мог, снова ходил, злился, ругался и пугал. И так в нескольких подходах. Вымотавшись вконец, возненавидев пьесу, роль и себя, убирал текст с глаз долой. Клялся, что больше никогда не возьму его в руки.

Но приходил на репетицию, слушал бодрого Сергея Александровича, видевшего за общей авторской безграмотностью сермяжную правду нашей жизни, брал себя в руки и находил силы на творческую работу (если работу над таким материалом можно назвать творческой). Должен сознаться, что первый раз в моей театральной биографии я не чувствовал любви к своему делу.

Першин, безусловно, обладал даром убеждения или гипноза, каковым и должен обладать профессиональный режиссёр (так же как и актёр, в силу своей профессии, обязан быть в достаточной мере гипнабельным, то есть поддающимся гипнозу). Профессионализм Сергея Александровича чувствовался во всём: в умении вести репетиционный процесс, в собственной дисциплинированности, в способности требовать и добиваться, копать и находить, зажигать, увлекать и в конечном итоге вести за собой. Он был явно выраженным творческим лидером. Профессиональная уверенность в себе нового главного, конечно, основывалась не на пустом месте — на сегодняшний день он обладал постановочным багажом в девяносто спектаклей! Умный, интеллигентный человек. Грамотный. Выдержанный. Принципиальный, но в то же время понимающий. Доброжелательный. Тем загадочней и необъяснимей была его привязанность к откровенно сомнительной драматургии. Причём, если я не обманываюсь, привязанность искренняя, идущая от ума и сердца.

Репетиции пьесы «Любовь» продолжались. Мы уложились не в три-четыре, как планировал Першин, а не менее чем в десяток репетиционных точек. Текст в полной мере осилить не смогли, но какие-то сцены уже легли на язык.

Сергей Александрович работал с актёрами подробно, на совесть, несмотря на то, что будущий результат был заявлен как читка. Ну, читку он перешагнул, это было понятно, и тянул на хороший эскиз — более глубокую и подробную работу. Эскиз спектакля — это примерно четверть дороги до полноценной премьеры. Эту четверть мы благополучно прошагали и десятого октября должны были выйти на зрителя. Под зрителем подразумевался коллектив театра — желающие посмотреть новую форму сценической работы, а также приглашённые — родные, друзья, знакомые и, по традиции, студенты городских вузов, всегдашний авангард молодёжи. Показ не закрытый, но ограниченный.

Ещё одно новшество, которое принёс с собой принцип читок, — перемещение зрительских мест из зала на сцену. То есть на сцене устанавливались сваренные железные конструкции (подобие амфитеатра), сиденья и спинки которых обшивались мягким материалом. Здесь и планировалось размещать зрителя. Эту конструкцию устанавливали на сцене в непосредственной близости от декораций. Закрывался занавес, и получалось своеобразное камерное пространство, или малая сцена на большой сцене.

Сначала была непонятна причина такого смещения акцентов. Понимание пришло потом: на подобную драматургию зрительский спрос невелик, и пятьдесят человек в зале на шестьсот мест будут смотреться удручающе, а здесь те же пятьдесят человек — практически полный зал.

И вот вечером десятого октября мы, с текстами в руках, взволнованные, как на настоящей премьеры, впервые вышли для себя в новой сценической версии.

Эскиз спектакля «Любовь» предлагался первым в запланированной череде показов, потому что, по мнению Першина, эта пьеса была наиболее мощной. Главный хотел открыть сезон читок именно ударным материалом.

Интерес работников театра подогревался ещё и слухами о хулиганской лексике текста, и если кто-то пришёл посмотреть из любопытства здорового, то кто-то откровенно шёл на скандал.

Перед началом выступил главный. Сказал пару слов о современных пьесах и их авторах, попросил не расходиться после показа и пожелал приятного просмотра...

Разумеется, зловонную матерщину изгнали из текста — Сергей Александрович решил попридержать козыри современных драматургов до лучших времён. Но вместе с тем он оставил нетронутыми все полуненормативные выражения, там... ну... понимаете. Однако и этой дозы адреналина оказалось достаточно. Зрители, привыкшие к иному уровню сценической культуры, были, мягко говоря, озадачены. После трагического финала с лужей мочи они как-то растерянно и жидко похлопали.

В центре внимания опять появился главный режиссёр. Он попросил актёров, работавших в показе, вновь выйти на сцену, присесть и принять участие в обсуждении. Чтобы не забыть, Сергей Александрович сразу сказал, что при выходе, в фойе, стоит столик с двумя ящичками для голосования, там же лежат ручки и заготовленные бюллетени, на которых следует поставить зрительское «да» или зрительское «нет» будущему спектаклю по просмотренному эскизу. Першин подчеркнул, что сценическая судьба материала полностью зависит от мнения зрителей. Но голосование — это чуть позже, а сейчас он предлагает поделиться впечатлениями.

Разговор на тему предварила долгая зрительская пауза. Сергей Александрович настойчивее пригласил присутствующих к диалогу. Присутствующие довольно несмело, но всё же высказались.

Наиболее показательным стало мнение одной студентки-старшекурсницы. Она пришла на просмотр со своим парнем. Вдвоём они сидели немного особнячком, потому что их соседи справа и слева ушли по окончании показа. Девушка, красивая шатенка с выразительными карими глазами, попросила слова.

— Пожалуйста, — сказал Першин.

— Знаете, — заговорила она, — я посмотрела ваш спектакль...

— Пока это только эскиз, — поправил главный режиссёр.

— Хорошо, эскиз, — согласилась девушка. — И у меня сложилось странное ощущение. Я сейчас попытаюсь как-то сформулировать его, потому что это ощущение такое... общее... от того, что я увидела. Так вот. Я поняла из этой истории, что любовь — это гадкое чувство, — она помолчала и закончила мысль: — Но ведь это не так.

Ни слова добавить и ни слова убавить!

В целом высказавшимся зрителям сама пьеса как таковая не понравилась, и только одна женщина, не сумев сдержать одолевающих её эмоций, сказала, расплакавшись, что её сестру тоже убил муж и что это очень жизненная история.

На этом обсуждение закончилось. При выходе зрители голосовали — опускали листочек с написанным словом и уходили. Сколько там было «за» и сколько «против» — неизвестно, потому что Сергей Александрович, всё это единолично подсчитав, на следующее утро объявил, что зрители проголосовали за доработку эскиза и превращение его в спектакль.

Через парочку дней я, уже как зритель, отсмотрел эскиз спектакля по пьесе другого современного драматурга. Тому вообще не исполнилось даже двадцати лет. Художественность в тексте так же нужно искать днём с огнём, но зато, по мнению Першина, как и в пьесе «Любовь», здесь была близкая и понятная нам реальность. Чем эта реальность была нам близка и понятна, Сергей Александрович так и не объяснил.

Обсуждение со зрителями проходило по уже апробированному сценарию.

Выступающие говорили, что пьеса чёрная, язык недопустимый, смысл истории непонятен, морали никакой.

Кому-то из молодых, напротив, понравилось, особенно подкупало то, что персонажи говорят так, как они сами в жизни, а они в жизни говорят ещё и не так, поэтому это круто.

По окончании обсуждения публика голосовала, и, так же как и в прошлый раз, после единоличного подсчёта голосов Першин объявил, что и этому эскизу зрители подарили жизнь... Попробуйте возразите главному режиссёру!..

На показ следующего эскиза я шёл уже без энтузиазма, заранее зная, что меня как зрителя ждёт. Но эта третья пьеса, со всеми её недостатками, написанная молодой девушкой, произвела на меня, скорее, благоприятное впечатление. Хотя за зрителей поручиться не могу. Пришлось верить на слово радостному Сергею Александровичу, который и не сомневался, что эта пьеса понравится всем без исключения.

Зритель оставшихся трёх эскизов оказался почему-то таким же непоследовательным, как и эскизов первых. На публичных обсуждениях был весьма сдержан, при тайном голосовании — опять же со слов Першина — одобрял.

Сергей Александрович остался удовлетворённым результатом большого проекта под названием «Читка-эскизы». Он объявил, что весь текущий сезон мы будем заниматься только современной драмой. Этим самым, по словам Першина, мы привлечём в театр не только старушек-одуванчиков, но и реальную силу завтрашнего дня — молодёжь.

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Сказано — сделано. Завертелось театральное колесо. Правда, завертелись вместе с ним не шесть пьес, а пока только пять. Театр подал заявку на получение гранта для постановки пьесы «Любовь» как двухактной и самой объёмной. От результата — получим или не получим — и зависела дальнейшая судьба этого недоделанного спектакля.

И вот всех нас, участников зависшего проекта «Любовь», переадресовали на подготовку новогодней сказки. Постановка сказок вообще, в том числе и новогодних, — это дело не царское, поэтому главные режиссёры, как правило, сказками не занимаются. Занимаются сказками режиссёры очередные — то есть такие же режиссёры, только не главные (все главными быть не могут, по закону социума кто-то должен быть и подчинённым).

Очередным у нас в театре много лет служил Артур Артурович Грецкис. В своём зрелом возрасте — пятидесяти пяти лет — он всё никак не мог дорасти до главного режиссёра. Когда эта должность у нас в театре время от времени становилась вакантной, республиканское руководство искало претендентов на стороне, раз за разом обходя Артура Артуровича. И дело здесь было не в отсутствии режиссёрского таланта у Грецкиса, а исключительно в особенностях его характера. Артур Артурович в повседневной жизни отличался прямоотой и несдержанностью. Он мог вспылить, наорать, обидеть и, что совсем непростительно, сказать правду. Поэтому, когда увольнялся главный режиссёр, кандидатура Грецкиса, сумевшего испортить отношения и с республиканским министерством культуры, даже не рассматривалась. Оправданием излишней горячности Артура Артуровича служили два смягчающих обстоятельства: творческая натура и хоть и порядком разбавленная, но южная кровь.

Итак, я попал в новогоднюю сказку. На первой репетиции, когда мы прочитали пьесу по ролям, Грецкис поинтересовался нашим мнением. Ну, просто по традиции: понравилась — не понравилась. Каждый нашёл в сказке свои сказочные достоинства, когда же дошла очередь до меня, я сказал:

— Матов в тексте нет — уже спасибо.

Коллеги рассмеялись, приняв мою реплику за шутку.

Между тем Першин усиленно готовил к премьере бывшие эскизы. Доделывал он их одновременно, то деля репетиционный день на пять, то работая утром над одним, вечером над другим, в зависимости от состояния дел там и сям.

Все пьесы — небольшого формата, примерно на час сценического времени.

Художник спектакля особенно не заморачивался над декорациями. Во-первых, раз зрители сидят на сцене, то и само понятие «сцена» становится условным; во-вторых, за основу каждого из пяти спектаклей была взята выгородка их эскизов. Добавили немного тут,

облагородили немного там, костюмы взяли с подбора, то есть со списанных ранее спектаклей, и в результате за пятнадцать затраченных копеек получили пять премьер в репертуар театра.

Последняя, пятая, премьера состоялась пятнадцатого февраля. В три плотных репетиционных месяца — пять спектаклей!.. Однако!..

Я принципиально отсмотрел всё. После каждого просмотра у меня складывалось впечатление от увиденного как от чего-то незавершённого. Полноценным спектаклем назвать такую работу язык не поворачивался — нет масштаба, нет настоящих декораций, ярких костюмов, воздуха между сценой и зрительным залом. Нет серьёзной драматургии, а значит, и поднимаемых проблем. В результате на суд зрителей представляли полуработу режиссёра, полуработу художника, полуработу актёров и в целом полуспектакль.

Может, где-то в подвально-чердачных театрах больших городов это как-то и прокатывало, но в республиканском драматическом, чьи зрители привыкли к искусству традиционному и масштабному, такие эксперименты вызывали лишь разочарование.

Ситуацию усугубляла полуненормативная лексика, уже прописавшаяся на наших подмостках. Откровенный ненорматив, коим изобиловала сегодняшняя драма, Першин всё ещё резал, подготавливая неиспорченного зрителя к словесной правде жизни поэтапно. Первым этапом в этом процессе и стал полуненорматив. Нецензурными такие слова как бы не назовёшь, хотя и цензурными как бы тоже.

Сидя на верхнем ряду трёхъярусных зрительских конструкций, я наблюдал реакцию зрителей на произнесение актёрами полуненорматива. Ведь вроде и ничего особенного: это ведь не мат — так, козерушка. Зрители реагировали по-разному: кто-то — никак, молча проглатывая выдаваемое со сцены, кто-то кривился, кто-то морщился, кто-то хмыкал, молодые девочки изумлённо хихикали, закрывая рот ладошками и пряча глаза в пол, — но неудобно было всем. Люди в своём большинстве реагировали так, как и должен реагировать нормальный человек на проявление публичного свинства...

В первую мартовскую неделю все пять спектаклей, согласно расписанию, должны были играть за два дня. Такой плотный график работы объяснялся тем, что на просмотр приезжали два театральных эксперта из столицы: Яков Грехов, руководитель Лабораторий современной драматургии, и российский театральный критик Владимир Бодрецкий. В их задачу входило отсмотреть спектакли, произвести разбор и дать оценку.

Многие коллеги, так же как и я, втайне надеялись, что учёные люди из Москвы воздадут заслуженное если не спектаклям по таким пьесам, то хотя бы самим таким пьесам. И если Першину по барабану мнение провинциалов, то мнения московских профессионалов он игнорировать уже не сможет. По большому счёту, от москвичей мы ждали спасательного круга.

И вот наступил день икс.

Творческий состав, а также всех желающих из числа работников театра собрали в зрительном зале (который на сцене) во второй день, по окончании последнего, пятого спектакля.

Критик Бодрецкий беседовал со зрителями после каждого просмотра. Он интересовался их мнением и непременно спрашивал, похожи ли персонажи пьесы на реальных знакомых нам людей. И обязательно находился из зрителей хотя бы один, который говорил: да, похожи. Тогда критик спрашивал, знаком ли зрителям тот язык, которым разговаривают герои спектакля, и опять тот же зритель отвечал, что знаком. Тогда, продолжал критик, если герои спектакля реальны и говорят реальным языком, можем ли мы сказать, что сценическая история, рассказанная драматургом, режиссёром и актёрами — это история про нас? И вновь тот же самый зритель соглашался за всех. Те, кто не соглашался, были в подавляющем большинстве, но они молчали. В искусстве, как и в жизни, несогласное большинство всегда молчаливо.

Критик внимательно слушал, кивал головой и потирал руки.

Диалог с подобными вопросами и подобными же ответами произошёл и со зрителями последнего спектакля. Потом зрителей отпустили, а мы остались на внутритеатральный разговор с приезжими москвичами.

Главный режиссёр предоставил слово гостям.

Первым вышел Владимир Бодрецкий, высокий приятный мужчина лет примерно сорока с густой вьющейся шевелюрой. Одет по-походному: джинсы, пиджак, жёлтый шарф-удавка вокруг шеи. Часто улыбается. Очень обаятельный. Быка за рога взял сразу: спектакли в целом ему понравились, какие-то больше вызвали вопросов, какие-то меньше, но по большому счёту последнее слово всегда за зрителем. А зрителей слушали после каждого спектакля, и зрители высказывались откровенно, от души. Их впечатления от увиденного на сцене были разными, но сходились в одном: разыгранная актёрами история очень близка к сегодняшним реалиям. А значит, такие спектакли, вернее, спектакли по таким пьесам, при всех их недостатках, имеют право быть. Лично он, Владимир Бодрецкий, любит современную драматургию, разумеется, не всю, он говорит о тенденции, и считает, что она отражает потребности сегодняшнего общества в правде жизни.

Он ещё много говорил, шутил и улыбался, сказал, в частности, что современная драма всё увереннее завоёвывает театральную Москву, к ней обращается всё больше и больше прогрессивных режиссёров. И лично он, Владимир Бодрецкий, искренне рад тому, что с сегодняшнего дня серьёзных и думающих театров в России стало на один больше.

На наших лицах радости по этому поводу не отразилось, но молодёжь захолопала.

Бодрецкий спросил, есть ли вопросы.

Вопросов по существу не оказалось, а своего недоумения мы пока внятно сформулировать не могли. Те из нас, кто ждал от умного человека из Москвы профессионального разгрома непрофессиональных пьес, не дождались этого.

Владимир Бодрецкий на отсутствие вопросов развёл руками и присел на место.

Я сделал каменное лицо, за которым спрятал своё внутреннее нервное напряжение.

Поднялся руководитель Лабораторий современной драматургии Яков Яковлевич Грехов, худой, высокий, сутулый. На вид лет пятьдесят семь. Седой. Одет подчёркнуто небрежно: грубый вытянутый свитер, как кольчуга, джинсы. Лысина на темени, серебряная борода, длинные пальцы рук.

Он также поздравил нас и наш театр с обращением. Обращением к современной драме. Он работает с подобным материалом уже давно, видит в нём перспективу, видит творческий рост этой пишущей молодёжной братии и убеждён, что за такими пьесами если не будущее, то очень значительная культурная ниша завтрашнего дня. Театр без современной ему пьесы мёртв. Не нужно бояться нового, новое по своей природе всегда в конфликте со старым, новое растёт и пробивается вопреки старому, и новое, согласно закону жизни, всегда прогрессивнее старого. Только это надо увидеть, понять и принять. Кому-то это будет проще, например, молодёжи, кому-то сложнее, но чтобы соответствовать времени и шагать в ногу с ним, необходимо уметь перестраиваться. Перестраивать сознание, прежде всего. Если этого не сделать — в новой реальности будет жить трудно.

Я сидел, слушал всё это и чувствовал, как у меня поднималось давление и опускались руки. Бывают минуты слабости, когда не хочется жить. Нет, не желание умереть, а нежелание жить. Забиться в глубокую норку, не видеть никого и никого не слышать. Невообразимая ситуация, когда из тебя публично делают дурака, и ты абсолютно ничего не можешь в своё оправдание!

Вспоминается эксперимент, показанный одним из телеканалов (и это тоже документально), проведённый психологом с десятью студентами московского вуза, ведущего учебного заведения страны... Пустая аудитория. Стол. На столе стоят пять небольших бумажных пирамидок: четыре из них чёрные, одна белая. Психолог вводит в аудиторию десять студентов и рассаживает их вокруг стола с пирамидками.

Задача очень проста: нужно посмотреть на пирамидки и сказать, какого они цвета. И всё. Один нюанс: девять студентов находятся в сговоре с психологом — они должны утверждать, что все пирамидки чёрные. Десятый ничего не знает и выскажет своё мнение последним.

И вот девять человек во главе с психологом начинают дурачить своего товарища. Каждый из молодых людей с серьёзной миной на вопрос психолога: какого цвета пирамидки? — отвечает, что все они чёрные.

Всё внимание телекамеры, естественно, направлено на фиксирование реакций десятого студента. Весьма любопытно наблюдать за внутренним процессом через его глаза. После первого, а затем и второго ответа товарищей, видевших все пирамидки чёрными, испытуемый улыбнулся, решив, что товарищи шутят. С каждым следующим ответом его недоумение нарастало, а лицо вытягивалось. После восьмого абсурдного утверждения взгляд его стал растерянно бегать, он ещё раз взглянул на пирамидки, на честные лица товарищей, на непроницаемую маску психолога, и, когда дошла очередь до него, он с такой же убеждённой уверенностью ответил что все пирамидки чёрные!..

Почему?! Почему он это сделал?! Ведь ничего не угрожало его жизни, здоровью, его не собирались отчислить из учебного заведения, лишать свободы или казнить. Просто скажи честно, что ты видишь своими глазами, и только. Психологу десятый студент также не смог внятно объяснить причины своего поступка.

Эксперимент повторили с другими группами. Результат в большинстве случаев оказался таким же самым. Испытуемые, физически и психически здоровые ребята, студенты-интеллектуалы, будущее нашего общества, не могли противостоять простому мнению большинства. Мнению, издевательски противоречившему элементарному здравому смыслу!..

И сейчас, сидя на сцене нашего театра, слушая монологи столичных театральных деятелей, уважаемых людей, я пронзительно осознавал себя тем самым десятым студентом. И мне так же предстояло сделать выбор. Выбор между тем, что я вижу, и тем, в чём меня пытаются убедить. Я не мог ни возразить, ни возмутиться. Наверное, надо было, но не мог, ведь за москвичами решающее слово. Для этого их и пригласили сюда. Многие из нас, я это видел, сидели униженные и подавленные.

Творческий курс театра на ближайшее будущее был утверждён!

Удовлетворённый Сергей Александрович поблагодарил гостей за внимание к нам, нас — за внимание к гостям и выразил надежду на дальнейшее сотрудничество.

Мы в молчании стали расходиться. Молодёжи было плевать, молодёжь тут же переключилась на свои проблемы. Я оставался под впечатлением, как под тяжёлым камнем. Миша Петенькин, с которым мы вместе вышли со сцены в коридор, находился в таком же удручающем состоянии. Мы молча посмотрели друг на друга и направились каждый в свою гримёрку. Говорить было не о чем. Всё стало понятно и без слов.

Примерно месяц спустя тот же Миша принёс в театр и показал всем свежий выпуск столичного театрального журнала, где публиковалось интервью с Греховым.

Яков Яковлевич в беседе с корреспондентом делился впечатлениями о творческой поездке в наш город. У нас ему всё понравилось. Как выразился Яков Яковлевич, «театр живёт в правильном направлении». В частности, он сказал, что если раньше театр ставил всякую ерунду, то теперь здесь взялись за серьёзную драматургию — интересных современных авторов.

Миша Петенькин подходил к каждому из нас и буквально заставлял прочитать абзац про «всякую ерунду» (на тот момент в нашем репертуаре были и А. П. Чехов, и А. Н. Островский).

— Какой страшный человек! — возмущался Миша. — Вы только почитайте, что он несёт! Это страшный человек! Просто сволочь!

Но дальше обид и оскорблений в адрес Грехова дело не шло. Миша кусал локти, потому что от Миши, как и от всех нас вместе взятых, ситуация уже не зависела.

Тогда рассерженный артист Петенькин в бессилии дал прозвище Якову Яковлевичу. Он так и назвал его — Страшный Человек.

ЛАБОРАТОРИЯ

Яков Яковлевич Грехов, добрый гений современной пьесы, выбрал наш театр в качестве площадки для проведения драматургической Лаборатории.

Не знаю, у кого как, но в моём представлении слово «лаборатория» ассоциируется с пробирками, белыми халатами, сосредоточенными лицами и стерильностью. Что же такое лаборатория театральная, никто из нас толком не знал. Нам предстояло теперь оценить это явление на ощупь. Сразу скажу, что чего-то большого и чистого мы не ждали, потому что та памятная встреча с Греховым и Бодрецким всё расставила по своим местам. Понятен был курс, приветствуемый и проводимый этими господами. Грехов являлся, в нашем понимании, командиром этого курса, Бодрецкий — его комиссаром.

Говорили, что Грехов внедрял в театры главных режиссёров из своего дивизиона, а те уже двигали на местах соответствующую репертуарную политику. И матерщина в таких театрах становилась своего рода направлением — неодраматическим реализмом. Актёры оказывались фактически отрезанными от мира привычной культуры и становились заложниками нового художественного вероисповедания — адептами хорошо организованной и набирающей силу театральной секты. Кто-то ломался с хрустом, кто-то с удовольствием, но в целом поставленный в перевёрнутые условия театральный народ вынужден был приспособливаться к новой системе ценностей и, как следствие этого, перерождаться. Да, да, перерождаться. Ведь если

человека целенаправленно отучать от здоровой пищи и кормить всякой дрянью с усилителями и заменителями вкуса, то самый вкус у человека в конце концов испортится. Пищу, полезную для здоровья, его природные рецепторы воспринимать уже не смогут. Всё натуральное будет казаться пресным, невкусным, и опять потянет на гаденькое. Необходимо время, чтобы организм такого человека восстановился и отвык от вредной и даже губительной для него пищи.

Теперь новая театральная кухня в полной мере добралась и до нас: пьесы, режиссёры, спектакли и шабаш новой драматургии — так называемая Лаборатория.

К нам съехались несколько групп из соседних театров — режиссёры, актёры.

Грехов роздал каждой группе по свежеиспечённой, ещё горячей пьесе начинающих и, по словам самого Грехова, очень перспективных авторов. Задача состояла в том, чтобы в течение трёх дней разобрать отношения персонажей, развести актёров по ключевым мизансценам и результатом показать эскиз будущего спектакля.

Представители каждого театра получили свой текст, а нам, как самой многочисленной команде и хозяевам базы Лаборатории, досталось три пьесы. За первую взялся сам Першин, вторую готовила молодая девчонка, она же — автор этой пьесы, и третью, в которую попал и я, — режиссёр, прибывший с командой господина Грехова.

Не теряя времени, наши режиссёры развели нас по кабинетам.

О пьесе, над которой предстояло работать и мне, я не скажу ничего. Просто потому, что сказать нечего.

Как и в предыдущих случаях при контакте с такой драматургией, с таким русским языком, и с таким уровнем авторской культуры, я рассчитывал держаться своей чистоплюйской позиции, но сейчас — увы! — не получилось.

— Стоп! — скомандовал режиссёр, когда я в третий раз пропустил в тексте то, что воспитанные люди не произносят в обществе вслух.

После первого моего текстового пробела режиссёр пронзительно посмотрел на меня, после второго посмотрел ещё пронзительнее и наконец не выдержал.

— Почему читаете не весь авторский текст? — обратился он ко мне.

Товарищи притихли, понимая, что на сей раз я попался.

— Я не могу этого произносить, извините... если за это надо извиняться.

— Извиняться не надо, надо читать весь текст.

Режиссёр, сорокалетний блондин, сурово смотрел на меня. У него были светлые холодные глаза. Мне стало ясно, что понимания со стороны этого человека я не найду.

— Почему вы не можете произносить текст автора? В чём причина? — наступал он на меня.

— Ну, я думаю, это понятно и так, — пытался защищаться я.

— Мне непонятно. Объясните.

Я постарался скрыть волнение. Ведь мне публично предстояло либо белую пирамидку назвать чёрной, либо дать объяснения: на каком основании белую пирамидку я смею называть белой?

— Так в чём дело? — повторил режиссёр свой вопрос.

Мне ничего не оставалось, как принять бой.

— Вообще-то меня воспитывали. В семье. В школе. В институте. Учили быть культурным человеком.

— Меня тоже этому учили. И что?

— И вас тоже?.. Тогда почему вы позволяете актёрам публично проносить эту ересь? И не только позволяете, но и заставляете это делать? Здесь женщины находятся, молодые девушки. Мало того, что им приходится выслушивать, так ещё и самим... Раньше за это в тюрьму сажали, а теперь лаборатории устраивают.

— Раньше мы на деревьях жили, давайте ещё вспомним и то время.

— Давайте. Потому что с такой культурой до этого нам уже совсем недалеко.

И режиссёр, и я взяли паузу для следующего раунда.

Коллеги почтительно молчали, ожидая исхода поединка. Первым отдышался режиссёр.

— Давайте не будем мешать в кучу жизнь и искусство, это разные вещи. Чему учили тут и чему учили там — это не одно и то же. В искусстве есть мера допустимости. То, что мы делаем в жизни, не обязательно к исполнению в искусстве, и наоборот.

— Странно, — удивился я. — Матерщинники от драматургии козыряют именно тем, что всё жизненное приемлемо в театре. Это и есть оправдание мата в их сочинительстве.

— Мат в драматургии — это речевая характеристика персонажей.

— Мат — это аргумент либо труса, либо бездарности.

— Это ваше личное мнение.

— Вы верующий человек?

— Это имеет значение?

— Имеет. Ребёнка крестили?.. Крестили?

— Ну, крестил. И что дальше? — он всё так же не спускал с меня жёсткого немигающего взгляда.

— А вы знаете, что с точки зрения православия сквернословие — это заклинание на призвание сатаны? Мат — это молитва сатане. Это говорил православный священник.

— Я бы ещё в бабушкины сказки верил. Мы здесь делом занимаемся, а не в страшилки играем. Если вы с нами — давайте работать.

— Работать я согласен.

— Прекрасно. Тогда читайте всё.

— Нет. Опускаться до уровня такого автора я не хочу.

— Вы считаете — опускаться?

— Не считаю. Это так и есть.

Режиссёр помолчал, принимая решение. Я послушно ожидал приговора.

— Знаете... признаюсь честно, я немного знаком с процессом написания пьес,— наконец заговорил режиссёр.— И знаю, как порой мучительно рождается каждая фраза, как тщательно работается над каждым словом. И произвольно менять авторский текст я, как режиссёр, не могу вам позволить. Либо вы с должным уважением относитесь к авторскому слову, либо я вынужден буду просить Сергея Александровича заменить артиста. Решайте.

Идти на попятную стыдно. Я развёл руками:

— Нет. *Этого* я читать не смогу.

— В таком случае я вас больше не задерживаю.

Я вынужден был встать и уйти.

Через час на мою роль назначили другого артиста, который с должным уважением отнёсся к авторскому слову.

Через три дня, как и предполагалось, состоялся показ результатов.

Я непременно приходил на каждый, но не из интереса, а потому, что уже планировал писать эту повесть и собирал материал.

Ну что же, впечатлений Лаборатория оставила предостаточно. Стало известно, что кем-то (а я подозреваю, что именно самим Страшным Человеком) было дано устное распоряжение режиссёрам-постановщикам хулиганить (то есть читать всю матерщину) по полной программе.

Оправдывалось это тем, что Лаборатория — внутритеатральная тусовка и здесь все свои. Зритель приглашается на такие мероприятия в качестве экспериментального кролика — чикнуть скальпелем по живому и посмотреть на реакцию.

Просмотры показов проходили всё там же, на сцене — зрители и актёры нос к носу. Зрительный зал как таковой уже был основательно забыт. Кресла в зале, не используемые по назначению, начали покрываться паутиной.

Закрытый показ, конечно, закрытым показом, но на зрительских местах сидело, помимо театральных работников, ещё и немало незнакомых (в том числе и молодых) лиц.

Все пьесы, представленные на этих эскизах, оказались похожи в главном: одна грязнее другой.

Актёры безбожно матерились на сцене, честно отдавая дань мучительно выстраданному авторскому слову.

Нетворческие люди нашего театра, то есть службы и цеха, включая сантехников, пожарников и уборщиц, после каждого такого просмотра надолго впадали в состояние шока, поражённые языковой правдой жизни, услышанной со сцены.

— Какая стыдоба! — возмущалась вахтёру одна из уборщиц.— Неужели артисты не могут отказаться говорить это?! Да как у них язык не отсохнет?! И ведь не боятся!

Творческая же половина театра уже не видела в публичной матерщине, в принципе, ничего предосудительного. Допускаю, что кто-то из наших, выживая, прятался и поэтому делал вид, что не видел.

Я чувствовал себя на этом эгегей-параде как на раскалённой сковородке, потому что здесь грешниками являлись не те, кто совершал публичное непотребство, а те, кто в силу ещё недобитого духовного иммунитета не мог это непотребство принимать.

Очень, очень тяжело жить, господа, в перевернутом обществе. Ну как же тут не поддаться искушению и не облегчить своё существование? Как не согрешить, наконец, согласившись, что все пирамидки чёрные?!..

Должен сказать что сегодня, когда пишутся эти строки, то есть в воскресенье, тридцать первого марта 2013 года, ведущая итоговой программы новостей прокомментировала принятый Государственной Думой и ожидающий подписи президента закон. Документ, запрещающий мат в средствах массовой информации. Телеведущая не скрывала своего ироничного отношения к принимаемому закону. Подборка мнений в телерепортаже от рядовых граждан на улице до писателя-матерщинника (как он сам себя позиционировал) в его заграничном особняке носила выраженный тенденциозный характер. Ни один из респондентов не высказался в пользу принимаемого закона. Интервьюируемые (очень точное слово!) как один недоумевали по поводу ущемления прав естественной части русского языка. А вот для людей с другим мнением не нашлось места в сюжете. И это — Первый канал! И это — информационное лицо государства! Что же спрашивать тогда с того, что лицом не является?..

Насколько всё же глубоко проникли метастазы нравственной мутации в ткани организма нашего государства! И как вообще могло морально здоровое большинство нашего общества незаметно задвинуться на позиции, занимаемые раньше маргинальными меньшинствами? И как извращённые в своих вкусах меньшинства стали занимать в нашей культуре, в том числе и культуре языка, лидирующие позиции, вербуя в свои ряды всё больше и больше легионеров? Как?!..

Знакомый всем эксперимент.

Внесём ложку дёгтя в бочку мёда. Тщательно перемешаем ингредиенты. Количество составляющих неравное, и по логике вещей меньшинство должно бесследно затеряться в большинстве. То есть дёготь должен принять вкус и благородство мёда. Снимаем пробу... ну, результат известен.

Может быть, так же и во всём прочем?..

Назвали свободой то, что на самом деле является только свободой другого вкуса, а в результате, извините, вонючим оказался весь мёд!!! А если вокруг такой бочки поставить десять испытуемых, девять из которых в сговоре с психологом?.. А если они будут утверждать, что

у испорченного мёда оригинальный и даже изысканный аромат?..
Что скажет десятый?..

МАЙ. ШКОЛА. МАТЕРЩИНА. ПУШКИН

Лаборатория современной пьесы, шокировав службы нашего театра, завершила свою работу. Страшный Человек в заключительном слове поблагодарил всех за труд, за результат, сказал, что все достойно справились с творческим заданием, и — до встречи на следующей Лаборатории.

Режиссёры и актёры с сознанием выполненного долга разъехались по домам.

Администраторы хватались за головы:

— Если здесь ставить такие пьесы, то мы отучим от театра последнего зрителя!..

— Дебилы, которые говорят таким языком, в театр не ходят. Кому будут интересны истории из жизни дебилов и их дебильных разговоров?..

— Кошмар!.. Кошмар!..

Кто-то услышал реплику из разговора пожарника с вахтёром. Пожарник говорил, что после таких лабораторий весь театр нужно дезинфицировать и приглашать батюшку на очистку сцены. Но батюшку не пригласили и театр не обеззаразили, ограничившись обычной влажной уборкой.

Спустя несколько дней по окончании Лаборатории в театре произошёл показательный случай. Описываю его со слов случайных свидетелей и тех, кому случайные свидетели всё это в подробностях рассказали...

Солнечным майским утром в помещение театра со служебного крыльца вошла немолодая, строгая и подтянутая женщина.

— Мне к директору, — сказала она.

— У вас назначена встреча? — поинтересовалась вахтёр.

— Нет.

— По какому вопросу?

— По важному.

— По лестнице на второй этаж, направо дверь приёмной.

Женщина уверенно двинулась в указанном направлении.

Секретарь доложила Светлане Сергеевне о посетительнице. Директор пригласила гостью в кабинет.

— Меня зовут Антонина Дмитриевна, — представилась вошедшая.

Директор предложила стул. Посетительница, не поблагодарив, присела. Помолчала. Посмотрела в глаза Светлане Сергеевне.

— Слушаю вас, — слегка озадачилась директор.

Утро выдалось тёплое, окна и двери кабинета были открыты.

— Я вот по какому вопросу, — официальным тоном заговорила Антонина Дмитриевна, чем ещё больше озадачила Светлану Сергеевну. — Значит, так... Я учитель русского языка и литературы.

Вчера на уроке ученик девятого класса при мне, ничего не стесняясь, выругался матом.

— Какой ужас,— посочувствовала Светлана Сергеевна.

— Но дело даже не в этом,— продолжала учительница.— То есть дело именно в этом. И связано оно конкретно с вашим театром. Поэтому я и пришла к вам.

— Каким образом это связано с нами?

— Когда я отчитала этого хама... своего ученика, он знает что мне ответил?.. Он сказал, что если матерятся актёры в спектаклях прямо со сцены, то, значит, это можно делать везде, в том числе и в школе! — она помолчала, сурово глядя на смутившуюся Светлану Сергеевну.— У вас что, действительно матерятся на сцене?

Директор взяла паузу перед деликатным объяснением.

— Видите ли... На нашей сценической площадке недавно закончила свою работу драматургическая Лаборатория... и там... актёры читали новые пьесы...

— И что, там были маты?

— Ну... там были... как сказать?.. всякие слова...

— И маты?!

— Вероятно... Но это был закрытый показ.

— Какой же это был закрытый показ,— возмутилась учительница,— если на нём присутствовал мой ученик с товарищем?!

— Мы не пускали несовершеннолетних...

— Но у него здесь тётка работает. Я не знаю кем.

— А-а, ну вот видите. Это тётка. Зачем она его привела?

— Безобразие. Учреждение культуры! Чему вы учите людей, подростков прежде всего?

— Но у нас до восемнадцати...— попыталась оправдаться директор.

— А после восемнадцати матерщину со сцены, значит, слушать можно? — перебила учительница.— Убийственная логика.

— Предполагается, что после восемнадцати это уже взрослый умный человек, который сам сможет отличить...

— Если вы сами здесь, в театре, своей головой не можете отличить, что можно, а чего нельзя говорить со сцены, то что требовать от восемнадцатилетнего ребёнка?! — выпалила раздражённая Антонина Дмитриевна.

— Ну, знаете...— растерялась директор.— Давайте без эмоций.

— А давайте на матах поговорим,— предложила учительница.— Раз на сцене можно, то в жизни тем более. Давайте, вы мне, я вам. Начинайте.

— Не надо! — категорично заявила Светлана Сергеевна.— Здесь вам не сцена!

Женщины недолго помолчали.

— Что вы делаете? — покачала головой расстроенная учительница.— Театр!.. Что же вы делаете? Я как ученику буду объяснять теперь, что нельзя сквернословить?

— Хорошо, — сказала Светлана Сергеевна. — А теперь я с вами поговорю не как директор театра, а как мать, рядовой зритель и просто человек... Во-первых, я хочу вам сказать спасибо за то, что вы пришли. Многим не нравится то, что происходит с нашим театром, но никто не возмущается, все молчат. Во-вторых, должна признаться, что я целиком на вашей стороне и полностью вас поддерживаю. Я сама против этого безобразия. Безобразия, конечно, — это ещё мягко сказано. Но что мне делать? Все вопросы творческой политики решает главный режиссёр. Он даёт направление. Так вот, в-третьих, вам правильнее было бы обратиться к нему. И я прошу вас это сделать. Поговорите с ним. Быть может, он прислушается к голосу народа, если к голосу своих коллег прислушиваться не хочет. У меня уже не хватает сил. С ним говоришь как со стенкой. Не хочет ни слышать, ни понимать. Я с детства люблю театр, для меня сцена всегда была чем-то святым, и как мне больно сейчас от того, что здесь происходит... и ещё больнее, что я пока ничего не могу сделать. Я на должности второй год, я молодой руководитель, он опытнее меня и пользуется этим. Я, конечно, остановлю это безумие, которое он насаждает здесь, но мне сначала нужно набраться опыта. И сил. А то, что вы пришли, — отлично!.. Поговорите с ним. Убедите его. Пожалуйста. Прошу вас.

— А где он?

— Поднимитесь на третий этаж, кабинет надо мной. Ещё нет одиннадцати, он должен быть у себя.

— Нет. Пригласите его сюда. Я хочу, чтобы в вашем присутствии.

— Хорошо. Так даже будет лучше, — согласилась Светлана Сергеевна и окликнула секретаря в приёмной: — Леночка!.. Пригласи, пожалуйста, Сергея Александровича.

Леночка оперативно привела в кабинет главного режиссёра.

— Только недолго, — предупредил вошедший Першин. — У меня через десять минут репетиция.

— Сергей Александрович, у нас тут возник вопрос, — обратилась к нему директор. — Или проблема, не знаю, как сказать. Вот. Педагог из школы. Антонина Дмитриевна. Просит объяснений.

— По поводу?..

Учительница повторила претензию главному режиссёру.

— И что? — не понял тот.

— Как что? Вы чему детей учите?

— Ничему не учим. Дети это прекрасно слышали и до нас. Театр — зеркало жизни. И только.

Уверенное спокойствие, исходившее и от личности главного режиссёра, и от его слов, несколько обескуражили Антонину Дмитриевну. Ведь чья-то непоколебимая убеждённость, особенно в вопросах, противоречащих здравому смыслу, поначалу всегда выбивает нас из седла. Потом, конечно, мы собираемся с силами, но в первую минуту

такого разговора, глядя в уверенные глаза оппонента, взять себя в руки, согласитесь, не так-то просто.

— Позвольте... Искусство в нашей культуре всегда было предметом для подражания.

— А я вам говорю, что искусство — это правда жизни. Подражайте, если хотите.

— Нет, извините, — не согласилась учительница. — Искусство — это когда хочется стать лучше, а не хуже; когда хочется обнять ближнего, а не дать ему в морду; когда хочется жить, а не плевать!

— Вы собираетесь читать мне лекцию о современном искусстве? — всё так же спокойно спросил Першин.

Антонина Дмитриевна даже покраснела от распирающего её волнения.

— Вы на вид такой интеллигентный человек. Зачем же вы ставите ужасные пьесы? Ведь они развращают...

— Простите, вы преподаватель чего? — перебил Першин. — Предмет какой?

— Русский, литература.

— Отлично. А вы знаете, что Александр наш Сергеевич, в смысле Пушкин, тоже хулиганил в своём творчестве?.. И вам, учителю литературы, этого ли не знать?

Антонина Дмитриевна слегка опешила, получив в оппоненты великого русского поэта, но выдержала удар и нашлась:

— Я понимаю, о чём вы говорите. Однако какие произведения сделали Пушкина Пушкиным?

— Но из песни слова не выкинешь.

— Скажите... если бы не было «Евгения Онегина», «Руслана и Людмилы», его гениальных сказок, стихов и поэм, Пушкин оставался бы Пушкиным?.. Конечно, нет. А если бы не существовало той части его творчества, на которую вы намекаете, что потеряло бы имя Пушкина?.. Абсолютно ничего. Так благодаря каким стихам Пушкин прославился как солнечный гений? Тем, которые знают и любят все?.. Или тем, которыми прикрывается та часть людей от искусства, которая за великим именем хочет спрятать свою испорченность?

— Очень трудно общаться с человеком, — вздохнул Першин, — который не понимает сути предмета, о котором он говорит.

— Объясните. Я не самый глупый человек, я педагог. Может, пойму.

— Только две минуты, — поставил условие Сергей Александрович, взглянув на часы. — Понимаете... Театр, как и общество в целом, не стоит на месте, он движется вперёд, развивается. Прежняя форма театра, с его масштабностью и дидактикой, устарела. Я не говорю, что она устарела вообще, всё развивается по спирали, вы же понимаете, но она устарела на сегодняшний день. И вот на её место пришёл другой театр — молодой, дерзкий, ищущий... Да — с перчинкой, да — неудобный. Этот театр показывает нам реальную жизнь, её анатомию, если

хотите, без заигрывания, без ретуши, без сладенького, и за одно это мы должны быть ему благодарны...

Взволнованная учительница не дала договорить главному режиссёру.

— Значит, — жестом остановила она его, — реальную жизнь как она есть? И в этом, по вашему мнению, состоит задача театра?.. В таком случае я могу сесть на лавочку в скверике у фонтана, послушать сквернословащую, пьющую пиво молодёжь, полюбоваться, как они мочатся под берёзку, потом подойти к ним, поблагодарить за правду жизни и уйти домой художественно удовлетворённой!.. Вот только для чего тогда нужен театр, если такую правду я могу бесплатно увидеть на каждом шагу?.. Для чего тогда нужны вы?.. За что вы получаете зарплату?.. За обезьянничанье подзаборного языка и подзаборных отношений?!.. Да я лучше посмотрю и послушаю в оригинале!.. Закрывайтесь и прекращайте даром есть государственный хлеб!..

Педагог разволновалась так, что не могла больше говорить. Не попрощавшись, она вышла из кабинета и возмущённо застучала каблуками вниз по лестнице.

— Ночь, улица, фонарь, аптека, — усмехнулся Першин. — Ох уж эти учителя!

Светлана Сергеевна даже покраснела, так ей хотелось ответить Сергею Александровичу, но она сдержалась и промолчала.

МИССИОНЕРЫ И ЯЗЫЧНИКИ

Наш театр выбил грант на постановку пьесы «Любовь»!

Та самая «Любовь», чей эскиз мы делали немногим более года назад.

И событие в моей биографии: уже более года как я перестал радоваться получаемым в театре ролям. И гранту тоже не был рад. Не хотелось работать над этой пьесой ни тогда, ни сейчас. Но никто не спрашивал ни нас, ни тех, кому предстояло сидеть в зале и всё это смотреть.

По окончании новогодних праздников Першин взялся за доработку этого уже порядком забытого эскиза.

Я не сомневался, что спектакль у Першина получится. Даже по такой пьесе. Вернее, тексту. Современная драма — это всё же не пьесы, это только тексты.

Пьеса — это произведение автора, написанное по законам драматургии, имеющее стройный сюжет, грамотную конструкцию, мысль, идею, авторскую позицию.

Текст же, как правило, — сочинение автора, мало смыслящего в законах драматургии, имеющее условный сюжет, труднодоступную мысль, в лучшем случае страдающее многотемьем (когда обо всём понемногу и в результате ни о чём), а также избыточное ненормативной лексикой.

Режиссёры, работающие с текстами, в силу своего профессионализма ищут в них драматургию, то есть то, чего там нет, делают вид, что её находят, и потом убеждают в этом актёров.

Сергей Александрович — грамотный профессионал, и никто не сомневался, что в тексте «Любовь» он найдёт все составляющие полноценной пьесы. Так и случилось. На одной из первых же репетиций, разбирая с нами психологию персонажей, Першин сказал:

— Конечно, автор молодой, и рановато ещё говорить о художественности его произведения... — он помолчал и добавил: — Хотя и очень хочется.

Грядущий спектакль претендовал на уровень, так как в работу над ним были вовлечены столичные специалисты. Художника-постановщика пригласили из Петербурга, а педагога по сценической речи — из театрального вуза Москвы. Необходимость педагога по речи была не совсем понятна, но его пригласили, и он приехал.

Прежде всего педагог Роман Васильевич поздравил нас с замечательным материалом, в котором нам предстояло работать. Сказал, что видел спектакль по этой пьесе в Москве. Помолчал. Добавил, что от спектакля осталось сложное впечатление. Там героиня после признания любовника в совершённом им злодеянии (убийстве и расчленении тела жены) хватала противопожарный баллон и начинала распылять порошок вокруг себя. Это такое режиссёрское решение сцены, когда героиня образно пыталась погасить страсть в своей душе, разрываясь между любовью и долгом. И всё бы ничего, но на спектакле актриса не справилась с огнетушителем и направила струю в зрительный зал, побелив первые ряды. Произошёл скандал.

Слушая эту историю, я тут же вспомнил сюжет из телевизионных новостей о премьерке знаменитого шекспировского «Гамлета» в одном из провинциальных театров, где главный герой насильовал Офелию на фортепиано. Эта режиссёрская находка возмутила зрителей своей пошлостью. Дело дошло до суда, где режиссёр спектакля заявил, что это — художественный образ, что это — мы, что мы такие на самом деле и что нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Обвиняющая сторона не смогла доказать факт художественного извращения, и суд вынес насильующему Гамлету оправдательный вердикт.

Сопоставив эти два случая, я впервые отчётливо для себя понял, что в искусстве театра грань между творческим поиском и творческим идиотизмом очень условна. И, самое главное, переход за грань — недоказуем.

Роман Васильевич привёз с собой некий фильм, не художественный и не документальный, в котором, за исключением пары персонажей, заняты непрофессиональные актёры. Внятного сюжета в фильме нет. Вялотекущее действие происходит в глухой умирающей деревне, где живут одни старики.

На репетицию Роман Васильевич принёс свой ноутбук, и, заинтригованные, мы внимательно просмотрели необычное кино. Однако мой интерес вызвал не столько фильм (потому что фильма в нём как такового не было — он весь состоял из диалогов старушек на свои старушечьи темы), а комментарии к нему Романа Васильевича.

Роман Васильевич восхищался способом существования в кадре жителей деревни — они словно не замечали кинокамеры. Как специалист по сценической речи, он просил обратить внимание на манеру говорить и вести диалог. Особый восторг Романа Васильевича вызвала естественность звучания мата из уст этих старушек, которым они время от времени сдабривали свои беседы.

Роман Васильевич подчеркнул, что так замечательно и легко материться, как эти бабушки в кадре, театральные актёры, к сожалению, не умеют. Их мат часто звучит неестественно и тяжело. К тому же некоторые артисты стыдливо стараются нивелировать ненорматив, даже если его и произносят. Они всё ещё считают, что это не совсем пристойно, отчего внутренне зажимаются. Из зала это заметно и мешает зрителю воспринимать мат как естественную и неотъемлемую часть нашего языка.

Москвич Роман Васильевич был убеждён, что в фильме показана настоящая русская деревня, в которой Русью пахнет, что это подлинная наша жизнь, жизнь российской глубинки, что это плоть от плоти русский характер, кровь от крови русская душа и мат от мата русский язык.

Я смотрел на этого умного, приятного, образованного, воспитанного человека — педагога! — и отчётливо видел, что он глубокомысленно рассуждает о том, о чём не имеет ни малейшего понятия. И как же такие люди в Москве ставят спектакли и снимают фильмы о народе, будучи совершенно оторванными от народа?! Какие морально-нравственные ориентиры они могут нам предложить, если сами плутают во мраке? В состоянии ли они, имеющие выход к массовой аудитории, помогать государству воспитывать здоровый дух своих сограждан, если, варясь в своей нездоровой среде, даже не представляют, что такое духовное здоровье в принципе? Творчество таких людей опасно тем, что оно заразно. Болезнь духа протекает внешне бессимптомно — просто однажды хорошо знакомый нам человек вдруг начинает рассуждать с других этических позиций, и мы перестаём узнавать в нём хорошо знакомого. Он заражает этим ещё не обозначенным медициной вирусом кого-то из нас, более восприимчивого к духовным недугам, и мы пополняем ряды бессимптомно больных, по цепочке передавая вирус дальше...

На премьеру спектакля «Любовь» приехали из Москвы (как же полюбила наш театр определённая группа москвичей!) кандидат искусствоведения Елена Анатольевна Дробышевская и знакомый нам Владимир Болеславович Бодрецкий. Они отсмотрели премьеру

и, как уже повелось, попросили зрителей остаться на обсуждение. И так же, как во всех предыдущих случаях, три четверти зала оставило за собой пустые кресла, а немногочисленные желающие остались. Актёров тоже пригласили на разговор (кстати, «Любовь» поставили традиционно — актёры на сцене, зрители в зале), и мы, спустившись со сцены, тесной кучкой сбились на галёрке.

Дробышевская и Бодрецкий в своём вступительном слове похвалили пьесу, режиссёра, сказали, что очень многое получилось, после чего передали слово зрителям.

Поднялся немолодой, интеллигентного вида мужчина в очках, представившийся преподавателем университета. Отсмотрев наш спектакль по пьесе с сомнительным сюжетом, сомнительными отношениями и очень сомнительной лексикой, он сказал, что всё показанное на сцене — про нас, про нашу жизнь, что это правда и что это мы.

Парадокс состоял в том, что сам преподаватель университета говорил хорошим русским языком, грамотно и связно излагая свои мысли, производил впечатление человека, абсолютно чуждого той среде, в которой варились наши сценические герои. Поэтому его собственная идентификация с персонажами-маргиналами вызвала у меня некоторое недоумение и даже оторопь, но... документ есть документ, и надо здесь признаться, что такое мнение тоже имело место.

На следующее утро состоялась заключительная творческая встреча кандидата искусствоведения, главного редактора газеты (такой-то), доцента театрального училища имени (такого-то) Е. А. Дробышевской и российского театрального критика В. Б. Бодрецкого с ответственностью города.

В просторном зрительском фойе второго этажа поставили стол для уважаемых гостей и около пятидесяти стульев для желающих побеседовать с ними.

Общественность города на этой встрече представляли журналисты, педагоги высших и средних учебных заведений, а также театральные деятели. Тема встречи — современная драматургия.

Первым взял слово энергичный Владимир Бодрецкий. Он начал с небольшого экскурса в историю сегодняшней пьесы, которая начала формироваться как движение с начала нулевых годов. В сегодняшней России, по словам Бодрецкого, количество графоманов-драматургов уступает разве что только количеству графоманов-поэтов.

Я записал наиболее интересные цитаты из его высказываний и хочу их здесь привести:

«...Эти ребята пришли в театр от противного, писали принципиально не для сцены».

«...Этих авторов назвали „рассерженные молодые люди“. Они считают, что их голос, как и голос десяти миллионов опустившихся, должен быть услышан».

«...Это люди, не знающие, не понимающие и не любящие театр, люди не из театральной среды, из разных социальных слоёв и разного воспитания».

«...Герои их текстов действуют на уровне инстинктов, они не обладают духовностью и внутренней культурой. Это люди придонья, ещё не самого дна, но около него».

«...Человек, который ещё вчера не знал, что такое театр, сегодня становится молодым и даже перспективным драматургом».

Это говорил российский театральный критик, член экспертного совета национальной театральной премии «Золотая маска», старший научный сотрудник отдела театра Государственного института искусствознания, руководитель театроведческого курса (такой-то вуз) и, на всякий случай, человек, сам активно пропагандирующий в российских театрах таких авторов и такую драматургию.

Слово перешло к Дробышевской.

Кандидат искусствоведения осталась довольной поездкой в наш город и наш театр, назвав её чрезвычайно плодотворной. Ей есть о чём подумать в связи с этим и что сказать. Она наслышана о новом курсе нашего театра, который взял главный режиссёр, и считает, что курс этот вместе с состоявшейся вчера премьерой есть в своём роде весьма серьёзный ответ оппонентам сегодняшней драмы. Оппонентам, которые аргументируют свою позицию и тем, что тексты новых авторов востребованы преимущественно форматом малой сцены, и тем, что круг этой аудитории узок и ограничен небольшими тусовочными партиями, и тем, что театральная провинция не очень-то приветствует подобную драматургию. Но вот Сергей Александрович Першин, принявший этот театр полтора года назад, опровергает подобный скептицизм по всем направлениям. Его творческая политика доказывает, что как раз сегодняшняя драма может стать серьёзной опорой репертуарному театру. Ведь современному зрителю совершенно не с чем соотнести собственную жизнь.

Далее вновь заговорил Бодрецкий. Он посчитал, что публика уже достаточно подготовлена, и принялся рассуждать об изюминке новой драматургии, то есть о сценическом ненормативе.

Он сказал, что никогда не понимал и не понимает того ханжества, которым страдает наше общество в отношении естественной части русского языка, называемого матерщиной. Сколько раз он проходил мимо школьников и слышал от них мат через каждое слово. И для них это нормально, это их манера общения. Так неужели эти школьники, услышав самих же себя со сцены, как кисейные барышни, упадут в обморок? Ну это такая глупость, что нет слов! Нет, разумеется, сценический мат — это тонкая наука на самом деле, и не каждый актёр делает это легко и непринуждённо. Есть такие, что слушаешь их

и думаешь: лучше бы ты этого не говорил. Но некоторых — прямо слушаешься!..

При слове «заслушаешься» у российского театрального критика Бодрецкого сделалось совершенно умильное выражение лица. Актёры с многолетним стажем, постигшие ремеслом психологию творческого обмана, сразу видят, играет ли разглагольствующий перед ними человек или же говорит правду. Бодрецкий не играл.

Дробышевская, извинившись, вставила реплику. Многие сегодняшние тексты, сказала она, в том числе и тот, по которому поставлен спектакль «Любовь», — это «документы времени». Она убеждённо повторила для тех из нас, кто не понял или не поверил: «Документы!» Иначе говоря, всё происходящее в сочинениях таких авторов, которых сам Бодрецкий вместе с их персонажами назвал «голосом опустившихся», настолько отражает реалии нашего с вами бытия, что это можно назвать документальным. И, глядя на сценические истории, написанные опустившимися про опустившихся, мы можем уже, по мнению Дробышевской, соотнести с ними свою собственную жизнь.

Кстати, слово «документ», прижитое недавно новой драматургией от новой литературы, имеет сегодня широкое распространение и там, и сям. Документом называется всё. Всё, за исключением написанного хорошим русским языком. Я не помню, чтобы что-то, написанное хорошим русским языком и вообще о чём-то хорошем, было названо в наше время документальным. И напротив, чем грязнее в сочинениях новых литераторов и новых драматургов представлены наша жизнь, наши отношения, наш язык и мы сами, тем большую документальность в этом почему-то видят некоторые столичные, и уже не только столичные, критики. Почему?..

Сергей Александрович Першин стоял чуть в стороне и наблюдал за реакцией общественности города. Общественность слушала молча и пока никак не заявляла о своём согласии или несогласии.

Бодрецкий попросил задавать вопросы.

Бывают моменты в жизни (а конкретно в сегодняшней жизни таких моментов бывает очень много), когда не можешь понять: я ненормальный или мир? Сумасшедший ли я и нахожусь в мире здоровых людей, или же я нормальный человек и попал в огромный сумасшедший дом?

В любом случае здоровый либо больной человек, осознав себя в скрытом конфликте с обществом, как поступит?.. Конечно же, затаится, чтобы не выдать себя.

Поэтому на просьбу Бодрецкого задавать вопросы общественность города ответила осторожным молчанием.

Проколотся только Миша Петенькин, сидевший через стул от меня. Он долго внимательно слушал и, наконец, не выдержал. Миша обладал интересной личностной особенностью: чем более внутренне он был взволнован, тем спокойнее внешне становился.

— Знаете, — поднявшись со стула, убийственно-бесстрастным тоном заговорил он. — Я слушаю вас уже больше получаса и никак не могу понять: почему за это время в разговоре с нами вы ни разу, извините, не матюгнулись?

На лицах московских театральных деятелей мелькнула тень недоумения.

— А что, в этом есть необходимость? — нашлась Дробышевская. — А то мы можем.

— Я не сомневаюсь, что вы можете, — согласился Петенькин. — И всё же ответьте на вопрос: почему в течение вот уже, — он взглянул на часы, — почти сорока минут мы так и не дождались из ваших уст живого слова?.. Где мат?

Аудитория, начиная понимать, заинтересованно уставилась на критиков, ожидая их ответа. Пришла очередь растеряться почётным гостям.

— Вы используете ненорматив в жизни? — продолжал наступать Петенькин.

Критики-искусствоведы не ответили, но и без их ответа было понятно, что используют.

— Тогда я не понимаю вашей логики: если всё, что мы говорим в жизни, можно произносить со сцены на том основании, что это правда, то тогда в реальной жизни эту правду тем более можно произносить. Наша встреча здесь и сейчас — жизнь?.. Жизнь. В жизни вы ругаетесь матом? Да. Тогда в чём дело? Поговорите уже, наконец, с нами на языке жизни.

Бодрецкий опустил глаза, а Дробышевская, слегка изменившись в лице, смотрела на Петенькина со смешанным чувством растерянности и неприязни.

Петенькин за внешним спокойствием прятал раздражение и злость. Он долго ждал своей минуты и теперь отступить не собирался.

Театральные критики, до сего момента уверенно владевшие ситуацией, начали терять над ней контроль. Чтобы доминировать и далее, надо было аргументированно отвечать.

— Я могу говорить? — обратилась Дробышевская к Петенькину.

— Да. И, пожалуйста, на том языке, который вы сами назвали документальным. Я думаю, нам всем очень хочется его услышать из уст театрального критика и искусствоведа.

И тут присутствующие вдруг захлопали, отчего гости смутились ещё больше. Но, уважаемые гости, поединок есть поединок: если ты бьёшь, то будь готов и сам получить в бубен.

Дробышевская начала интеллигентно рассуждать о том, что закон целесообразности справедлив и для театра, в театре нужно только то, что там нужно, что цель театра — отражать реалии жизни и показывать нас таковыми, какие мы есть, а не придуманными и отретушированными. И речь в том числе должна достоверно характеризовать

сценических персонажей, делая их узнаваемыми и близкими. Нравится это кому-то или не нравится, но театр и современная ему пьеса — две половинки одного целого. И одна не может существовать без другой. А насчёт ненормативной лексики... здесь и сейчас в ней нет никакой необходимости, а вот в рамках историй, показанных на сцене, мат как часть речевой характеристики персонажей, как неотъемлемая часть нашего родного языка, в конце концов, кое-где, кое-когда, порой, в отдельных случаях очень даже, так сказать, может быть. Хотя сама Дробышевская, в принципе, против мата. Но куда деваться, так как он всё же часть нашего языка?..

Искусствовед сделала паузу, запутавшись в собственной мысли, но продолжить уже не успела — вклинился школьный педагог.

— Я филолог по образованию, — представился он. — Вот вы заявляете, что мат — неотъемлемая часть русского языка. Кто вам это сказал?.. Мат, да и вообще вся ненормативная лексика никогда не были частью нашего языка, но всегда были, есть и будут его фекалиями. В процессе жизнедеятельности любого живого организма, в том числе и живого языка, образуются естественные отходы. Но они никак не являются частью самого организма, а лишь остаточными продуктами его жизнедеятельности. Его отбросами, мерзостью, скверной. В нашем случае — сквернословием. Поэтому давайте не будем... Это всё же отдельно друг от друга... А мешать в кучу... Это от лукавого.

Высказались ещё несколько человек, тоже по ненормативной лексике. Бодрецкий и Дробышевская в полемику принципиально не вступали — просто вежливо слушали. Наблюдая непосредственно эту ситуацию, я почему-то вспомнил картинку из учебника истории своего далёкого детства. Там за партами сидели неграмотные крестьяне, и первые советские учителя писали им на доске: «Мы — не рабы, рабы — не мы!» Я подумал, что обязательно настанет такое время, когда всех нас, вместе с Дробышевской и Бодрецким, усадят за такие же парты и заставят хором читать с доски: «Мы — не дебилы, дебилы — не мы!»

А вообще эти гости из Москвы, мягкой силой насаждающие в театрах новую сценическую культуру, чем-то напоминали первых христианских миссионеров в языческом мире. Только вместо Слова Божия они несли с собой совершенно другое слово. Но миссия их была столь же трудна, неблагодарна и даже в чём-то опасна, хотя новые язычники, в которых сегодня превратились люди традиционной культуры, не побивают их при этом палками и камнями. Традиции не позволяют. Кстати, и уголовный кодекс тоже. С грустью констатирую, что этот же уголовный кодекс много лет разрешал всем желающим изливаться гнусным сквернословием со страниц литературных и драматургических изданий, с театральной сцены. И это тоже документ времени.

Снова поднялся с невозмутимым лицом Миша Петенькин.
— Я понимаю, что все устали, — сказал он. — Но у меня последний вопрос.

Критики, хоть и без энтузиазма, но приготовились слушать.
— Вот вы сказали, — Петенькин обратился к Бодрецкому, — что подростки между собой через слово употребляют мат...
— Совершенно верно, — подтвердил Бодрецкий. — Это очевидно и всем известно.

— Ну, во-первых, не все подростки так разговаривают. Я веду театральную студию в школе, много чего вижу и много чего слышу из жизни школьников. Так вот, ваше утверждение сильно преувеличено. Во-вторых, хочу спросить вас вот о чём: что делать такому подростку, который слышит ненорматив по телевизору, в кино, читает его со страниц современной литературы и, наконец, придя в театр, слышит его со сцены? Как должен разговаривать после всего этого школьник во дворе со своим сверстниками, когда вы, Владимир Болеславович, будете проходить мимо?.. Но это ещё не сам вопрос. Сам вопрос таков: пропагандируя мат с театральной сцены, а допускать мат со сцены — то же самое, что его пропагандировать! — так вот, пропагандируя мат с театральной сцены, не чувствуете ли вы доли собственной вины в растлении сегодняшней молодёжи?..

Вопрос прозвучал некорректно и даже в какой-то степени оскорбительно.

Першин, до сих пор безмолвно стоявший у стеночки и, как рефери, наблюдавший за ходом словесных баталий, сделал замечание.

— Михаил Петрович, — обратился он к Петенькину. — Предлагаю соблюдать такт и по отношению к нашим гостям, и вообще. Думаю, что на ваш вопрос, так сформулированный, Елена Анатольевна и Владимир Болеславович имеют полное право не отвечать.

— Нет, почему же, я отвечу, — откликнулся Бодрецкий. — Я отвечу... Нет, своей вины в этом я не чувствую. Дети это слышат и от родителей, и на улице, где угодно. И не нужно крайним делать искусство. Искусство — это правда жизни...

— Нет, — оборвал его Петенькин. — Искусство — это правда жизни, поданная в художественной форме. Художественная форма — обязательное условие. Без неё любая правда жизни в искусстве — подлое враньё!

— Давайте не будем трогать художественную форму, — вмешалась Дробышевская, — и остановимся только на правде жизни. Какой бы она ни была. Нравится она лично вам или не нравится. Правда — она и есть правда. Принимайте её такой, какая она есть.

— Хорошо, — вдруг смиренно согласился Петенькин и сел на место.

Стало понятно, что тема встречи себя исчерпала, и, во избежание бессмысленных прений сторон, Першин поспешил подвести итог:

— Ну, я думаю, мы поблагодарим наших гостей за сегодняшнюю встречу. Уверен, что каждый из нас почерпнул что-то полезное для себя. Долее общаться мы, к сожалению, не можем, наши уважаемые гости спешат на самолёт. А нам ещё нужно успеть покормить их на дорогу... — он обернулся к критикам: — Прошу в буфет.

Общественность города сдержанно похлопала и начала расходиться. И только до неправдоподобия спокойный Петенькин Михаил Петрович остался сидеть на своём прежнем месте.

Першин увёл гостей в буфет, находящийся здесь же, на втором этаже.

Прощальный обед с рюмочкой коньячка, которую подняли критики за творческие успехи нашего театра, ещё только-только начался, когда в буфете неожиданно появился Петенькин. Зловеще-спокойный вид Михаила Петровича не предвещал ничего хорошего.

Першин, зная натуру артиста, слегка напрягся.

Петенькин подошёл к столику с обедающими гостями и вежливо пожелал им приятного аппетита, на что гости так же вежливо поблагодарили его.

После этого здесь же, у их столика, Миша расстелил на полу газету, которую держал в руках, расстегнул ремень, снял штаны, присел и... как бы это сказать нормативно?... словом, *всё* сделал на эту газетку, он встал, подтянул штаны и, повернувшись к гостям, начал наблюдать их реакцию.

Театральный критик Бодрецкий и кандидат искусствоведения Дробышевская побледнели, словно мертвецы. Першин, суетившийся у их столика, окаменел на месте.

Когда пауза после чудовищного поступка Михаила Петровича потребовала разрешения, артист обратился к ошарашенным гостям. Он сказал следующее:

— А сейчас прислушайтесь, пожалуйста, к своим внутренним ощущениям. Что вы чувствуете?.. Вот то же самое чувствуют зрители в зале, когда они приходят в театр за искусством, а их угощают со сцены вот такой вот, — он указал рукой на совершённое им безобразия, — вот такой вот правдой жизни. Мат со сцены и «как» за вашим обеденным столом по уровню своего скотства — абсолютно равнозначные поступки. Я тоже показал вам правду жизни. Уж правдивее этого быть ничего не может. Правда — она и есть правда. Какой бы она ни была. Нравится она лично вам или не нравится. Принимайте её такой, какая она есть. Ещё раз приятного аппетита!..

И Бодрецкий, и Дробышевская были до того шокированы, что не сразу догадались оскорблённо звякнуть вилками и встать из-за стола...

На следующий день артист высшей категории Михаил Петрович Петенькин за совершённое им деяние, несовместимое со статусом творческого работника, и нанесение морального ущерба театру был уволен.

ФЕСТИВАЛЬ НТО

В середине мая 2013 года стало известно, что наш театр выезжает к соседям, в краевой центр, город К., на фестиваль новой драматургии. У соседей этот фестиваль прописался уже как шесть лет и носит аббревиатуру НТО — НеоТеатрОнлайн.

Для показа Першиным был выбран спектакль по пьесе современного прозаика и драматурга О., может, не очень известного, но хотя бы окончившего Литературный институт. Грамотность автора сразу же чувствовалась в тексте, язык нигде не спотыкался, не хотелось морщиться и плевать. А что касается парочки затесавшихся ненормативных выражений... ну, на этот счёт, знаете, мнения разные, хотя уже закон и принят.

Год назад, на первых репетициях, ненорматив из текста вырезали: Сергей Александрович вынужден был уважать неиспорченный вкус городского зрителя. Но вот сейчас, когда делалась корректировка спектакля, подготавливаемого к достойному показу на фестивале НТО, Першин остановил ведущую актрису, в чьём тексте в своё время был купирован ненорматив.

— Стоп! — скомандовал Сергей Александрович. — Давайте для фестиваля вернём оригинальный авторский текст.

После репетиции Першин подошёл ко мне. Я играл в спектакле школьного педагога — учителя русского языка и литературы.

— Что вы интеллигентничаете? — сказал он недовольно. — Не надо интеллигентничать в роли. Будьте как-то... развязнее, что ли. Там этого не надо, что вы играете. Надо представлять себе уровень тех людей, которые будут это смотреть. Уровень их запросов... и требований.

Со стороны Сергея Александровича это было достаточно откровенно.

До фестивальной столицы — города К. — четыреста километров.

Ехали на автобусе семь часов. Устали, вымотались. Когда разместились в гостинице, фестиваль конкретно сегодня уже не всем хотелось, хотя на вечерние показы можно было ещё успеть. Мнение коллектива разделилось: кто помоложе и понаивнее — пошли по искусство, кто постарше и помудрее — в магазин.

Помощник режиссёра предупредила нас о завтрашней утренней репетиции, сказав, что играем в Доме кино. Странно: театральный фестиваль, а играем в кинотеатре. Ну, наверное, кинотеатр приспособлен для таких мероприятий — и сцена, и зрительный зал.

Первое знакомство с фестивалем НТО состоялось уже наутро — неожиданно и прямо в гостинице.

В начале девятого мы с товарищем по номеру спустились на завтрак в гостиничный ресторан. Отдав талончики официанту, стали ждать заказанный комплекс. Завтракающих было немного: пара у окна слева, двое одиночек справа и трое через столик позади нас. Один из этой троицы (которая позади нас) как-то уж слишком громко говорил. Громко, внятно и дикционно чисто — на весь завтракающий ресторан.

Я оглянулся. Это был молодой человек, не старше тридцати годов, в футболке, спортивных брюках и сланцах на босу ногу. Восседал на стуле идеально прямо, что со стороны воспринималось несколько вызывающе. Он спокойно и уверенно объяснял что-то парню и девушке, которые сидели вместе с ним за столиком. Говоривший будто не замечал оглядывавшихся на него людей и ничем не смущался. Парень с девушкой вели себя скромнее — просто ели и слушали.

И вот в речи оратора прозвучал первый мат. Прозвучал во всеуслышание, органично и естественно, как у себя на кухне. И я сразу же понял, кто этот молодой человек: безусловно, это один из артистов фестиваля НеоТеатрОнлайн. Подтверждение моей догадки не заставило себя ждать. Второй мат в устах молодого человека был смыслово связан с именем Станиславского. Значит, я угадал.

Официантка, обслуживающая столики нашего ряда, попросила молодого человека не выражаться. Вместо того чтобы извиниться или хотя бы просто замолчать, тот с вызовом ответил:

— А вы пригласите полицию. За оскорбление чувств верующих.

Девушка, растерявшись, промолчала.

Парень, отбрив официантку, продолжил свой неторопливый монолог. Поприжать язычок он так и не потрудился.

Официантка вызвала наряд. Явились двое в форме, тяжёлых берцах и с дубинками на поясе. Подошли к столику с молодым артистом, сразу же вычислив его по наглому взгляду.

Потребовали документы.

Между сторонами произошёл следующий диалог:

— Документы в номере, поэтому, ребята, вы пролетаете.

— Ребята не пролетают, но если ты не закроешь рот и не перестанешь лаяться, то пролетишь ты.

— Нет, я не пролечу, потому что я артист московского театра, и не надо со мной так разговаривать.

— Здесь не Москва, поэтому лучше перестань кривляться и веди себя в общественном месте как полагается, иначе на тебя будет составлен протокол.

— Ни фигя, протокол будет составлен на официантку, она нарушает моё гражданское право на свободу слова.

В процессе вежливого диалога полицейские и артист не пришли к общему знаменателю, в результате чего молодого человека вывели на улицу, усадили в машину и увезли в известном направлении...

К одиннадцати часам, поболтавшись после завтрака по центральной улице и накупив в «Лакомке» печенья к чаю, мы пришли на репетицию. Вошли в здание Дома кино. Администратор отправила нас на второй этаж.

— Ваши все там, — сказала она.

Поднявшись к нашим, мы очутились будто в другом мире. Из евроотделанного помещения кинотеатра попали в некое странное

пространство: узкое, метра четыре в ширину, около пятнадцати — в длину, с высокими, неопределённого цвета, потолками. Дальняя половина зала была узнаваема выставленной декорацией нашего спектакля, а прямо от дверей входа начинались ряды зрительских стульев. Необъяснимыми в этом помещении были стены — нештукатуренные, старого красного кирпича грубой кладки с серыми языками застывшего бетонного раствора. Словом, зал создавал впечатление не театра, а места для ритуальных жертвоприношений. И потом... на всех расставленных здесь стульях разместится не более семидесяти зрителей... Позвольте... а как же партер на пятьсот мест, торжественная атмосфера, занавес, кулисы, зрители с цветами — словом, всё то, что включает в себя понятие «театральный фестиваль»?!..

Думаю, что не только я был в лёгком недоумении. Оптимистично улыбался лишь Сергей Александрович Першин — он знал, куда ехал.

В девятнадцать ноль-ноль начался наш спектакль.

Зрители остались довольны, подходили, благодарили.

Следом за нами, в режиме плотного графика, программой фестиваля планировалось документальное кино молодых московских режиссёров. Мы быстренько свернули свои декорации, и киношники тут же растянули белый экран.

Я стоял перед выбором: пойти в гостиницу, поужинать и бухнуться у телевизора или же остаться на просмотр. Победило искусство. Я остался.

Погас свет, и голые средневековые стены утонули в чёрной-чёрной комнате. Начался фильм.

Некоторое время я не мог понять, в чём там дело.

Оказалось, фильм совершенно нового жанра, не возьмусь определить — какого. Состоит из отдельных не связанных между собой эпизодов. Сюжета и мысли нет. Как сказал один из его создателей перед началом показа — это хроника о нас. Идея хроники такова, что авторами многочисленных эпизодов, составляющих самый фильм, являются обычные люди, в основном — молодёжь. Они снимают на видеокамеру сами себя в бытовых, граничащих с интимными, обстоятельствах, разговоры друг с другом по поводу и без, монологи ни о чём, выяснения отношений, пьяные бредни родных и близких, свои гомосексуальные откровения и так далее. Во многих эпизодах присутствовала ненормативная лексика. И не просто присутствовала, а агрессивно довлела.

Кино длилось часа полтора и порядком утомило. Разнообразие сюжетов и лиц завершилось однообразием общей бессмысленности.

Обсуждение фильма аудиторией заняло ещё около часа. Если вкратце обобщить мнение высказывавшихся, то всё это — ново, это — здорово, это интересно и это — мы. Кто-то из зрителей сделал попытку спросить: а, собственно, для чего?.. ведь нет ни художественности, ни смысла, ни творческой задачи!.. Столичные критики

и эксперты, обслуживающие фестиваль, очень-очень удивились самой постановке такого вопроса; выступившему зрителю стало неудобно за себя, и более вопросов он не задавал...

Следующий день, день закрытия фестиваля НТО, был посвящён прочтению пьес современных драматургов в рамках дискуссионного клуба. В тринадцать часов в формате фестивальной программы «Автор представляет пьесу» состоялось прочтение пьесы драматурга М. Автор, как и заявлено программой, сам, вживую, читал своё сочинение.

Пьесой назвать это было трудно, как, собственно, и самостоятельным произведением тоже. Сочинение драматурга М. представляло собой передёрнутую на современный лад повесть великого французского просветителя, с сохранением классических имён, в том числе и имени главного героя, давшего название всей повести.

Перед началом читки куратор форума, российский театральный критик Владимир Болеславович Бодрецкий сказал, что драматург М., с творчеством которого мы будем сегодня знакомиться, много работает над актуализацией классических произведений, то есть, с одной стороны, адаптирует их к сегодняшнему дню, а с другой — создаёт на их основе самостоятельную художественную единицу. Одно из таких произведений бесспорно талантливого автора сегодня и предлагается вниманию уважаемой публики.

Уважаемая публика прослушала произведение.

Что сказать?.. Вообще-то пьеса в традиционном её понимании есть сочинение в форме диалогов. А здесь прозаический текст, профессионально написанный, лёгкий, злой, сдобренный жирной матерщиной. Всё это, наверное, здорово, только непонятно было, какое отношение он имеет к театру вообще и к французскому классику в частности. Такой вопрос возник не только у меня, потому что, когда автор закончил чтение, один из слушателей — лысый дяденька, демократично сидевший прямо на полу, — тотчас же спросил: — Это — пьеса?

Грамотный, профессиональный автор, съевший огромные государственные суммы за своё обучение в Литературном институте имени М. Горького, ответил, что — да, это пьеса. Односложный ответ не убедил спрашивавшего, и драматург М. пояснил, что пьесой называется то, что сам автор пожелает назвать пьесой. Будь то хоть поэма.

Тогда тот же слушатель задал другой вопрос:

— В вашей пьесе примерно с середины текста вдруг всплывает множество матов. Они там необходимы?

Драматург М. сокрушённо вздохнул.

— Нет, нет, я не против матов, — начал оправдываться лысый дяденька. — Хотя и не за них. Мне просто любопытна ваша точка зрения. Необходимость мата в вашем тексте? Я, например, не увидел необходимости.

Драматург М. поправил очки и подержал паузу.

— Как я устал... — наконец заговорил он. — Как я устал уже от таких вопросов. Эти маты... Мне сорок три года, и я говорю вам, что наша жизнь — ложь и в ней всё перевернуто. Мы живём в обществе, где мат — норма жизни. Наша с вами норма — это мат. Ненормативная лексика — это лексика без матов. А мат как раз нормативен для подавляющего большинства из нас. Я столько сил потратил на борьбу с матами, но сломался в конце концов, и сейчас мне уже всё равно. И давайте больше не будем об этом.

В поддержку драматурга М. выступила К., молодая женщина из Санкт-Петербурга, профессиональный критик и кандидат искусствоведения. Она обратилась к актёрам, присутствовавшим в зале. — Задача актёра в формате современной драмы, — сказала она, — прийти к себе, быть ближе к себе. В сегодняшних пьесах часто звучит мат, и артисты зажимаются, говорят: это мои соседи, но не я. И это ханжество. Мы материмся независимо от уровня образования и социального положения, так что не стоит бояться быть собой.

Кстати, эта очаровательная женщина-искусствовед сама разочек загнула, давая понять, как именно не надо бояться быть собой. Правда, при этом она почему-то покраснела и смущённо захихикала.

Следующим на защиту чести и достоинства драматурга М. встал Владимир Бодрецкий. Курируя проект НТО, он выступал здесь и в качестве третейского судьи, если возникало недопонимание между обслуживающими фестиваль критиками и присутствующей в зале разношёрстной театральной публикой. Бодрецкий жёстко держал порядок, при необходимости унимал когорту столичных искусствоведов, как-то уж подозрительно активно защищавших новую драматургию, и признавал право каждого на собственное мнение.

Сейчас Бодрецкий рассказывал нам о творческом пути драматурга М., хвалил его, говорил, что он уже не первый год занимается нужным и полезным делом по актуализации классики и адаптации её к уровню сегодняшнего культурного потребителя. Из слов Бодрецкого следовало понимать, что уже не один великий автор и не одно знаменитое произведение дошло до нас, с благословения драматурга М., в актуализированном и нецензурном виде. Бодрецкий завершил своё выступление гениальной фразой, которую я не могу здесь не привести. Он сказал:

— Автор (имеется в виду драматург М.) достаточно вольно обращается с целой кучей культурных мифов.

То есть, с точки зрения господина Бодрецкого, шедевры мировой литературы, на которых человечество воспитывалось, воспитывается и будет воспитываться далее, на самом деле есть не что иное, как «куча культурных мифов»?!!

— Есть ли вопросы к автору?

К автору вопросов не оказалось.

Объявили перерыв.

Тусовка НТО потянулась в светлый еврокоридор. Здесь на столиках всё уже было приготовлено для кофе-паузы. Гости фестиваля с горячими пластиковыми стаканчиками и печеньем устроились на диванах и креслах.

Первой моей мыслью после всего услышанного было схватиться за голову и бежать не оглядываясь. Чудовищность идей, выдаваемых здесь грамотно построенными фразами и убедительными интонациями, выходила за всякие границы, но... я нашёл в себе силы и остался. Решил как можно больше набрать эксклюзивного материала для этой главы. Вышел вместе со всеми в коридор. Сказал себе: «Спокойно, Ипполит, спокойно». Налил стаканчик горячего кофе. Взял печенюшку-сэндвич. Диваны и кресла были облеплены пьющими и жующими гостями; не найдя места, я пристроился у стеночки.

Рядом стоял высокий мужчина, немного за пятьдесят, серьёзный, плотный. Он обеими руками держал стаканчик с кофе и осторожно швыркал обжигающий напиток.

— Как вам всё это? — обратился он вдруг ко мне, и я понял, что ему хочется поговорить.

— Сложно сказать, — уклончиво ответил я.

— Ну, вы понимаете происходящее здесь?

Он явно искал родственную душу, и я открылся ему:

— Нет. Не понимаю.

— Спасибо. Хоть один нормальный человек. Это обнадеживает.

— Думаю, что нормальных здесь немало. Просто молчат.

Мой собеседник, видимо, очень хотел высказаться и ждал моего приглашения. Я помог ему:

— У вас другое мнение?.. Поделитесь.

— Вы обратили внимание, — тут же начал он, — в какую дыру нас зарюхали? Зрителя в зале нет. Театрального зрителя, имею в виду. Хотя фестиваль открытый, никто никому не запрещает прийти, послушать пьесу, посмотреть спектакль, поучаствовать в обсуждении. Пожалуйста. Даже денег никто не берёт. Бесплатно. Только приходи. Однако никого нет. Из семидесяти человек, здесь присутствующих, пятьдесят — сами участники фестиваля, остальные — здешний тусующийся бомонд. И всё. Что это за фестиваль, которым не интересуются зрители? Я терпеть не могу такую драматургию, но актёр — человек зависимый. Попал в спектакль. Привезли сюда. Позавчера отыграли. Пьеса — дебильная, поэтому её здесь хвалят. Здесь вообще всё вверх дном. Если серьёзно воспринимать то, что здесь городят, — в дурдом прямая дорога. Но я рад, что побывал здесь. Правда рад. Потому что наконец всё для себя понял. Я четвёртый день хожу на показы, на все обсуждения хожу. И вот теперь могу сделать вывод. Я посмотрел на них, я их послушал. Фестиваль назвали НТО — НеоТеатрОнлайн, да?.. Ноу, сэр... я вам сейчас расшифрую НТО так, как оно есть на самом деле. А на самом деле это — фестиваль Нетрадиционной Театральной

Ориентации,— он посмотрел на меня внимательно, взглядом усиливая впечатление от своих слов, и повторил: — Нетрадиционной Театральной Ориентации. Как видите, есть и такое в нашем мире. Это фестиваль театральных меньшинств. Людей с иным художественным вкусом. Творческих извращенцев, прямо говоря. Я — человек нормальной творческой ориентации, сторонник классического театра, поэтому всё происходящее здесь для меня лично — дичь дичайшая. Но сейчас их время, поэтому они имеют право на свои маленькие извращения. А мне, как заурядному традиционалу, остаётся только одно право — право радоваться их правам, — большой человек допил кофе и хрустнул пластиковым стаканчиком. — Всё. Ухожу. Я всё про всех здесь понял, и мне уже неинтересно. Единственное, что я про них пока не понял, это: что стоит за всей этой любовью к грязи — их человеческая испорченность или деньги? Склоняюсь к деньгам... Творческих успехов им, конечно. Вы остаётесь?..

Я решил остаться.

Перерыв наконец закончился. Эксперты фестиваля пообедали и набрались сил. Нас ожидало прочтение другой пьесы в рамках программы «Актуализация классики». На сей раз московский драматург, он же руководитель одного из столичных «подвальных» театров, не сумевший приехать на фестиваль лично, представил на наш суд свою новую пьесу. Читали её актёры краевого драматического театра. Оригинал, послуживший основой для актуализации, — произведение великого русского классика, всем известное имя и всем известное название. Прочтение представили эскизом спектакля — мизансцены, попытки характеров и взаимоотношений.

Участники эскиза — два актёра, две актрисы — молодые красавцы. Первые пять минут их существования на сцене подействовали на нас умиротворяюще, расслабили и усыпили бдительность, как вдруг спокойный авторский текст начало пучить матерщиной. Матерщиной тяжёлой, омерзительной и бессмысленной.

Бедные артисты! Их было очень жаль. Они вынуждены *это* произносить, вынуждены авторским правом. Почему не существует права актёров на соблюдение чистоты богатого, образного, великого, красивого, но такого беззащитного русского языка?.. Почему?!

Минут сорок длилось это издевательство над знаменитым художественным произведением. Наконец всё было кончено. Похлопали. Перешли к дискуссии.

Мажорно вступили эксперты. Сказали, что новое произведение искусства создаётся от ожога о старое, и в данном случае творческий ожог дал безусловный результат: у автора сложилось.

Предложили высказаться присутствующим.

После некоторого интеллектуального словоблудия мужчин встала со стула немолодая женщина. Она робко сказала, что такие произведения... как бы сказать... неуважение к авторам-классикам.

Эксперты были крайне удивлены этой оценкой и не скрывали своего удивления. Выказалась за всех всё та же К., кандидат искусствоведения из Санкт Петербурга. Она ответила так:

—Идея лаборатории «Актуализация классики» состоит в попытке написать новые тексты на основе известных произведений, чтобы привлечь к ним (известным произведениям) внимание сегодняшних читателей и зрителей. В наше время, когда никто ничего не читает, идея, согласитесь, благородная. И в обоих сегодняшних текстах, которые мы слушали на первом и на втором прочтении, предельное уважение к первоисточнику и его автору — классику. Здесь нет никакого надругательства над ними, странно, что вы это заметили. — Вообще я считаю некорректным термин «актуализация классики». Классика — это как раз то, что актуально во все времена и не нуждается ни в какой актуализации, — возразила всё та же слушательница. — И потом... я не увидела в прочитанном новых смыслов. — Послушайте экспертов, они увидели.

— Зачем мне эксперты? Я и сама не слепая.

— Нужно было внимательно слушать пьесу! — отрезала искусствовед.

Бодрецкий дал слово московскому театральному критику, довольно молодому, но известному в столичных театральных кругах. Среди прочего, этим молодым человеком было сказано следующее:

— Пушкин, Гоголь, Лермонтов и другие скоро выпадут из культурного контекста в связи с потерей смысловых ценностей, которые они закладывали в свои произведения. Нам они будут уже неинтересны. Утрачены будут многие идеи прошлого, как бесспорные и сегодня необходимые...

В финале дискуссионного клуба Бодрецкий подвёл позитивный итог, ещё раз представил работавших для нас столичных экспертов. Критики и искусствоведы, сбросив рабочее напряжение, улыбнулись и благодарно аплодировали здешнему гостеприимству.

Объявили перерыв до вечернего спектакля.

В толпе зрителей из кирпичной комнаты вместе со мной вышел высокий худой старик. Мы столкнулись с ним в самых дверях, и я только сейчас узнал в нём режиссёра, у которого начинал когда-то свою актёрскую биографию.

— Павел Егорович, здравствуйте! — обратился я к нему. — Вы меня не узнаете?

Он остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Как же... узнаю, — и назвал меня по имени.

Я поразился: ведь прошло столько лет. Я от души обнял его, и мы отошли на пару шагов в сторону.

— Не ожидал увидеть вас здесь, — признался я.

— Я старик, поэтому интересуюсь всем новым. Хочу знать, что идёт после нас.

— Ну и как вам... это?

Он улыбнулся. Но улыбнулся одними губами. Потом по-отечески взял меня за руку выше локтя. Посмотрел на меня внимательными добрыми глазами. Конечно же, понял всё, что творилось в моей душе. — Есть такая пьеса на двоих «Что случилось в зоопарке?» Эдварда Олби, — сказал он. — Так вот, там один из героев, Джерри, говорит такую фразу: «Иногда нужно сделать крюк в сторону, чтобы вернуться на место кратчайшим путём». И это не просто фраза, это один из законов жизни, открытый для нас драматургом. Простой и гениальный в своей простоте закон. Плохое нам в жизни даётся для того, чтобы мы потом больше ценили хорошее. И не расстраивайся. Вся эта шебутня, которую ты видел здесь, — это всего лишь крюк в сторону. Необходимый крюк в сторону для того, чтобы мы больше любили и берегли тот, настоящий театр... потом, когда всё вернётся на круги своя.

По возвращении домой я узнал, что наш театр готовится к проведению новой Лаборатории, только теперь уже рассчитанной на детей. Это новаторство, придуманное Греховым и подхваченное Першиным, будет иметь замечательное название: «Сказки народов мира». Мне в руки попал листок с пометкой «для флаера».

Последними словами моей повести послужит абзац из того, что я там прочёл:

«Уже много лет бытует ошибочное мнение о том, что дети — зритель без вкуса и способности возмущаться. Театры на этом спекулируют и, кормя детей второсортными морализаторскими постановками, „срубают“ деньги. Да и сами родители зачастую пытаются отгородить детей от всего негативного (и прежде всего — от объективной реальности!), выбирая для них сказки, в которых все танцуют и поют и, по выражению театрального критика Я. Я. Грехова, занимаются „затейничеством“. Сказки народов мира в изложении современных молодых драматургов — первая творческая Лаборатория, рассчитанная на детей. Мы надеемся, что этот проект станет для них чем-то очень интересным и познавательным...»

Без комментариев.

Занавес, господа!

Январь-июнь 2013

Мировой чемпионат поэзии

Завершился Международный литературный конкурс: «9-й открытый чемпионат Балтии по русской поэзии».

Со всего мира в Ригу приходили стихи русских поэтов. Оказывается, потомки Пушкина обосновались не только в европейских и азиатских странах, они творят в Северной и Южной Америке, в Африке, в Австралии. И немало среди них тех, кто пишет талантливо.

Редакция альманаха «Енисей» по приглашению организаторов конкурса участвовала в жюри, в которое входили поэты, прозаики, литературные критики Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Кемерово, Владивостока, других городов России.

Оценивали конкурсантов и зарубежные литераторы из Латвии, Эстонии, Молдавии, Украины, Грузии, Германии, Израиля, США...

Мнение редакции «Енисея» не полностью совпало с большинством голосов многочисленных судей, что нас обрадовало: приятно сознавать себя вне общего потока.

Итог нашей деятельности на судейском поприще — публикация стихотворных подборок, вызвавших особые симпатии редакции. Стихи на конкурс поступали анонимно, фамилий авторов жюри не знало, и оказалось, что редакция «Енисея» симпатизирует трём представительницам прекрасного пола.

Надеемся, что читатели, познакомившись с творчеством участниц конкурса *Елены Наильевны*, *Анны Германовой*, *Ирины Ремизовой*, одобряют наш выбор.

Музы Евтерпа, Эрато, Полигимния и Каллиопа продолжают вдохновлять стихотворцев всей планеты, как верно заметил Владимир Маяковский:

Но поэзия —
пресволочнейшая штуковина:
существует —
и ни в зуб ногой.

Близок к завершению Кубок мира по русской поэзии — 2020, в котором среди прочих строгих судей редакция нашего альманаха выявляет победителей.

Елена Наильевна

СОБАКА

Занавеска чуть желтее с краю,
рыскает позёмка по степи.
Снилось: я внезапно умираю,
и собака плачет на цепи.

Долгое животное терпенье
не оценит мёртвый человек.
Как же отвязать её теперь мне,
если сам отвязанный навек?

Тропка не протоптана к сараю,
старая фуфайка на крюке.
Вот лежу и тихо остываю,
зенками увязнув в потолке.

Не ломить костям, не мокнуть ране.
Надо было, юркую, как вошь,
отпустить тебя ещё вчера мне.
А сейчас —
сейчас уже чего ж?..

Хочешь — вой да цепью громче звякай,
человечек твой обрёл покой.
Лишь душа кружится над собакой,
в неизвестность лающей с тоской.

КОШКА МЯУ

Все одиноки. Домик за рекой.
Алкаш с пакетом, бабушка с клюкой
и девочка с собачкой колченогой.
Послушай, а давай метать на стол,
о чём стоит извечный дамский стон:
мол, это всё на Новый год, не трогай!

Мы пленники обычаев и дат.
Давай сейчас — зачем чего-то ждать?
Вон ёлка со звездой на макушке,
вон снежные ушанки на холмах,
и курьи ножки топчутся в пимах
у нашей подмерзающей избушки.

Ну что, давай? Я выряжусь во фрак,
а ты всегда красивая и так,
лишь завиток на лбу нежнее станет.
Босая, ни помады, ни румян,
такая ты немного кошка Мяу.
Мадам, хотите быть моей на танец?

Давай сейчас, и всё сойдёт нам с рук.
А ночью Дед Мороз в окно — тук-тук,
и жеребцы волшебные крылаты!
И ты, устав от смеха и игры,
уснула бы, а я б тебя укрыл...

Но всё — мой сон. Давно здесь не была ты.
Все одиноки. Домик за рекой.

ОСТАНЬСЯ

Не уходи, моя красивая,
в края неоновой парчи,
потом лечи тебя осинами,
потом озёрами лечи,

лелей, прикладывай орешину,
пой брусничною росой
и слушай, как трепещет бешено
тугая венка полосой.

Влекут огни большого города
с его бетонной кожурой.
Смотри, туман развесил бороду
по-над Матрёниной горой,

шумит родник в овраге Заячьем,
паук дрожит на сквозняке.
Приворожить тебя не знаю чем.
Как руку удержать в руке?

Смотри, струится мать-и-мачеха,
стрижи поют начало дня!
Останься и роди мне мальчика.
А лучше — девочку и мальчика,
моих, похожих на меня.

Анна Германова

Голубятня

И если в дверь мою ты постучишь...

ААА, 1912

Хоть верь, хоть нет, но ничего
не надо от тебя,
добра и лиха ничьего
от ближнего ли, дальнего,
вола его, осла его
и всякого скота его
не надо нам, а голубям
довольно крошек на окне,
тепла в чужих руках,
в безликой неба белизне,
в безбытных облаках,
соломы в солнечных лучах,
воды в колодцах и ключах
по колеям дорог,
дождей из Божьих закровов,
а изо всех земных домов —
такой, чтоб в двери постучать
ты никогда не смог.

Мельник

Где мельницы полустанков
мукой по дорогам сорят,
где вывернут наизнанку
овчинный тулуп января,
где полночь бледней и выше,
а облачный жёрнов тяжёл,
где вьюга дымит по крышам,
в распыл отправляя помол,
следов не видать на белом,
да нас и не ищет пока
тот мельник, что ставит мелом
кресты на дверных косяках.

Високосный

Весь девятнадцатый молчала,
в двадцатом стала говорить
про то, что на колу мочало,
а в рукаве пырей и сныть,
базар-вокзал, сказал-отрезал,
в стакане лютая бурда,
невыносимым фа-дизом
ломают локти поезда,
стучат суставами и катят,
орехи сыплют из прорех
в какой-то раковой палате,
в какой-то роковой горе,
двадцатый год висит и косит,
не перекосит, не замнёт,
и каждой позвоночной костью,
как лентой, входит в пулемёт,
грохочет по плечам отдача
и вглядывается жерло
в того, кто мчится там и скачет
под хладной високосной мглой,
и перегон гремящий долог,
и бесконечен перелёт,
пока зазубренный осколок
на ощупь сердце не найдёт.

Ирина Ремизова

Плывут

смотрит глубина глухонемая,
как левиафановы стада
посуху ползут, не понимая,
что уже закончилась вода,

рвутся прочь на берег из прилива,
давятся гранитной шелухой,
уплывают — грузно, молчаливо —
отмелью горячей и сухой,

и, уже невидимые, кручей
воздуха отвесного пройдя,
ходят, как недоенные тучи,
полные тревоги и дождя.

через линзу, мутную от жажды,
пыли и налипшего песка,
толком не рассмотришь: кто однажды
позовёт и нас издалека —

прорывая сеть авиалиний,
не страшась чумы и остроги,
штурмовать высокий берег синий
смыслу и природе вопреки?

Накануне

в мире тихо и славно.
середина поста.
и ворота, и ставни
замыкают уста.

в сюртуке и пластроне,
под зелёный шартрез
дремлет мой чичероне —
то ли друг, то ли бес.

всё гадает: когда же
запоет наконец
перепачканный сажей
пересмешник-скворец?—

но сады безголосны,
и дороги пусты,
лишь беззвучные красна
ткнут ночами цветы,

и до самой денницы
сквозь дымы-миткали
проступают границы
незнакомой земли.

СКАЧИ

над лабиринтом жучьих нор
и муравьиных орд
скачи, солдат, во весь опор,
пока не сцапал чёрт.

не откликайся, слыша зов
незримых часовых...
у чёрта много голосов—
и мёртвых, и живых.

нырни под падающий ниц
размашистый рассвет.
у чёрта много разных лиц,
а лика вовсе нет.

его не встретишь по уму—
он вечно налегке,
лишь самодельную чуму
качает в узелке,

лишь прибирает, как своё,
всё данное взаём...
а у тебя— одно ружьё,
да пуля-дура в нём,

да конь каурый, да кисет,
да твёрдая рука—
и неотступный чистый свет,
невидимый пока.

Николай Юрлов

Что сказали «Тени»?

Художественно-публицистические заметки о классиках

1. ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ АНТОНА Ч.

Как томский страж порядка водил писателя Чехова в «яму»

Антон Чехов, который по договорённости с редактором «Нового времени» Алексеем Сувориным отправился на Сахалин через всю Россию, в мае 1890 года прибыл в Томск. На неделю писатель остановился в деревянной гостинице «Россия» и в частной беседе с немногочисленными гостями своего номера разоткровенничался. Может быть, сверх того или уж и впрямь устал с дороги: мол, едет он на этот каторжный остров «делать двугривенные»...

Именно столько платил Суворин своему специальному корреспонденту, командированному на край света: двадцать копеек за печатную строку. При крепости царского целкового (не какой-то нашенский рубль!) — просто прекрасный гонорар, мечта литератора нынешнего.

На провинциалов это действовало, а чтобы набраться храбрости в дальнейших отношениях со знаменитостью, они скромно просили в номер водки. Вероятно, поэтому Антон Павлович составил о местной интеллигенции не очень лестное мнение. Ему и родной брат Николай своими запоями надоел, а теперь вот гляди ещё и на сибирских говорунов, столь рьяно принимающих на грудь...

Вообще о самом большом городе за Уралом у Чехова сложилось не совсем верное представление, что позволило писателю очень смело сравнить Томск со «свиньёй в ермолке». Спецкор вспомнил Гоголя, его бессмертного «Ревизора»: это выражение относилось к попечителю богоугодных заведений Землянике и означало «чванливого человека с необыкновенно большими претензиями».

Не берусь здесь за детальный лексический разбор, но фраза явно оскорбительная: свинья есть свинья, тут уж не столько чванство, сколько грязь.

Положим, нечистот в Томске, который до постройки Великого Сибирского пути был во многом деревянным, действительно хватало: Сибирь не Европа, улицы в конце девятнадцатого века здесь ещё не мостили. Но один весьма любопытный визит многое объясняет.

В первый же вечер к Чехову, когда он сидел за столом и писал первые путевые заметки «Из Сибири», явился помощник томского

полицмейстера Пётр Аршаулов. Он даже время выбрал не совсем гостевое, ближе к ночи. Имел полное право, на то он и страж порядка.

Правда, цель не совсем оправдывала средства: Аршаулов баловался сочинительством и хотел показать мэтру кое-что. Когда ещё в Сибири литератор такого уровня окажется проездом и при этом не предстанет в кандалах? Чехов нашёл рассказ гостя «недурным».

Без водки и здесь не обошлось, а дальше Пётр Петрович, этот «пристав с длинными усами», предложил писателю посмотреть на жизнь, так сказать, изнутри, отправившись в... публичный дом.

Что это было: Болотная улица или Мухин бугор, где частенько бывали приисковые старатели после завершения сезона, заглядывали чиновники, купчишки и прочий относительно обеспеченный люд, пробовавший всё на ощупь,— мы уже и не узнаем. В истории литературы осталась только одна откровенная строчка после этой импровизированной инспекции корреспондента «Нового времени» и томского блюстителя: «Противно!»

Впрочем, если уж быть до конца последовательным, дневниковая запись Антона Павловича в данном случае не оригинальна. Эта же самая фраза срывается с языка его героя — московского студента-юриста Васильева, который вместе с двумя приятелями посетил ряд злачных заведений в С-овом переулке, откуда вылетали весёлые звуки роялей и скрипок. Но рассказ «Припадок» появился в печати за два года до поездки в Сибирь. В этих первых подступах к теме юный герой лишь попытался найти решение проблемы и, конечно, не смог. Не только в силу того, что к несчастному подступил душевный припадок. Самому Чехову нужно было становиться Львом Толстым, усматривая корень зла в общественном темпераменте, для которого женщина выступала и выступает как источник наслаждения.

Может быть, именно посещение томских притонов стало для Чехова тем самым открытием, которое всё и решило в его творческой судьбе: посмотреть на грязь ещё раз и больше не браться за эту тему никогда, предоставив её другим. Потому как не его! Открытие открытием, а осадок остался.

...Купив в Томске тарантас и покидая навсегда «Сибирские Афины», Антон Павлович уже не сомневался в истинности слов, что искусство всегда требует жертв, когда дело касается глубокого погружения литератора для предметного изучения нравов. Вот она и всплыла, свинья-то!..

2. По улицам ходила...

Роковой Февраль в оценке патриарха Серебряного века

Горькая эмигрантская жизнь научила его быть острословом. Его, намного пережившего современников, которые, как и он, тоже были свидетелями крушения великой Империи. В своих воспоминаниях писатель Борис Зайцев (1881–1972) ностальгировал по былому и,

следуя чеховской манере, изъяснялся кратко и афористично. О традиционном литературоведческом делении двух культурных эпох выразился так: «Наш Золотой век — урожай гениальности, Серебряный — урожай талантов».

Классически точным можно считать и его высказывание относительно рокового Февраля, оно впервые появилось у писателя в эмигрантском сборнике «Москва», увидевшем свет в Париже в 1939 году.

Мемуары классика о том периоде, когда «прежний, грозно-крепкий строй обратился в некий призрак», в значительной степени носят дневниковый характер, имея несколько амбициозное название «Мы, военные...». Но Зайцев тут же поправляется, переходя на сленг в пояснении для читателей: «Записки шляпы». Как продукт Серебряного века, он невольно впитал в себя его ироничный модернизм.

«Шляпа» — это прозвище обозначало «безнадёжно штатского и нерасторопного человека». И такой «шляпой» Борис Константинович стал осенью 1916 года, когда его, уже известного в России литератора, зачислили ратником ополчения второго разряда, а писатель всё же решил получить чин пехотного прапорщика на ускоренных четырёхмесячных курсах Александровского военного училища в Москве. Окончание учёбы тридцатипятилетнего юнкера совпало с «медовым» месяцем второй русской революции — печальными событиями февраля-марта 1917 года.

Разложение армии, во многом инициированное самим Временным правительством, набирало обороты, и это хорошо показано у Зайцева во второй части его военных мемуаров «Офицеры (1917)». Правда, изобразительные средства здесь используются иные, непривычные для его детализированной, живописной прозы. Зато они предельно рельефны — почти густые мазки. Вот сцена отправления железнодорожного эшелона на фронт. Духовой оркестр играет популярный марш «Дни нашей жизни», который ещё считается официальным гимном одного из пехотных полков, только теперь маршевую музыку сопровождают хулиганские куплеты:

По улицам ходила
Большая крокодила.
Она, она зелёная была...

Где она только в те «окаянные дни» не звучала, эта песенка сомнительного содержания! «О знаменитая музыка революции, Блоку мерещившаяся, — Большая крокодила», — именно так, мысленно полемизируя с ушедшим в вечность Поэтом, охарактеризовал Борис Зайцев это состояние полной раскрепощённости общества.

От себя добавлю: когда рушатся устои, человек как биологический организм реагирует мгновенно — он высвобождает порой самые низменные инстинкты. И в этом железная логика любой революции. Кстати, «совместная российско-американская революция»

образца 1991 года, растянувшаяся на четверть века с гаком, вовсе не исключение. Она наглядно демонстрирует: хочешь узнать человека как следует — совсем не обязательно съесть с ним пуд поваренной соли, достаточно однажды вступить в товарно-денежные отношения...

Революция — это всегда разрушение, а где «осколки разбитого вдребезги», там почти не находится места для творческих изысков, ведь чрезвычайные обстоятельства зачастую рожают что-то низкопробное, а то и вовсе плагиат. В песнях тех революционных лет он просто зашкаливал. Скажем, «Марш сибирских стрелков», созданный на стихи «дяди Гиляя» в 1915 году, с уже изменённым текстом стал у белых гимном Дроздовского полка. Свои слова к этой же мелодии были даже у махновцев, а песенники, сражающиеся в отрядах дальневосточных партизан, опять же внесли свою лепту (известный всем шлягер «По долинам и по взгорьям»).

В том злополучном Феврале рушилась не только культура, но и судьбы. Тему грядущей русской Голгофы патриарх Серебряного века обозначал в «Офицерах» пунктирной метафорой:

«Юношеское лицо в пенсне, конечно, в слезах, виднелось из окна вагона. Белый платочек, да ветер, да солнце. Скоро и мой черёд».

Но от окопов и германских снарядов прапорщика 192-го запасного пехотного полка Московского гарнизона спасла тяжёлая форма воспаления лёгких — сказались военные лагеря, Бог писателя уберёт. Он не стал ограничивать в свободе выбора, а вмешался лишь в самый ответственный час, определив окончательно, что мастер философско-лирической прозы никоим образом не воин.

«День и ночь, радость и горе, достижения и падения — всегда научают. Бессмысленного нет».

Соглашусь и я с русским классиком: школа жизни, донесённая до современного читателя, хотя бы избавит от многих ошибок, причём не только личного плана.

3. РОЖДЕНИЕ ЭМБРИОНОВ

Об одном прогнозе Василия Розанова

Когда мы были молодыми, нас учили профессии по «Новой Рейнской газете», а надо бы, как мне представляется, по «Новому времени» — самой популярной ежедневной газете Российской империи.

Одним из штатных сотрудников знаменитого суворинского издания без малого двадцать лет, вплоть до молниеносного закрытия газеты с приходом большевиков, был Василий Розанов (столетие со дня смерти этого выдающегося русского философа и литератора уже прошло и осталось почти незамеченным). Журналистика кормила его хорошо, иначе каким бы образом появилась у него свободная наличность на формирование богатейшей нумизматической коллекции? Это тысячи античных монет, и каждая со своим паспортом; их некогда

рисовывала даже одна «мадонна» Серебряного века, а сам обладатель с тремя любимыми золотыми вообще не расставался, постоянно таская их в кармане. В петербургской квартире Розанова гости буквально терялись, да и было от чего. Может, это и не столичное жильё недавнего чиновника особых поручений Государственного контроля, а частная библиотека или музей? И всюду множество книг: в этой не совсем домашней обстановке со стен, точно в галерее, смотрели на людей живописные полотна античного мира...

С наступлением полночи Розанов принимался разбирать раритеты, вооружившись лупой, засиживался над ними порой до утра и вёл с «древними тенями» только ему понятный разговор. Но одно другому не мешало: благодаря очень редкому в те годы увлечению, собственно, и родился новый в художественной публицистике жанр — эмбрионы Розанова, спонтанные дневниковые записи, без которых немыслим нынче свободный Интернет. И отнюдь не случайно на страницах «Уединённого» (1912) литератор отсылал читателей к завершающему курсиву в скобках: *(«за нумизматикой»)*.

Вот так и создавались великолепным стилистом раздумья о славе, о писателях, о Родине, о народе, о церкви, о том, «как мучительно трудно быть русским» (оценка Максима-горемыки, который Горький). Словом, всего набиралось понемногу в том льющемся потоке сознания, когда страстный комментатор событий прогуливался по Троицкому мосту, или мчался в вагоне, или когда ямщицкая «лошадёнка бежала». И здесь же, в раскиданной по страницам эссеистике, звучал суровый приговор периодике, которую в семье известного человека России читать детям строго запрещалось:

«Газеты, я думаю, так же пройдут, как и „вечные войны“ Средних веков, как и „турнюры“ женщин и т. д.»

Французское словечко «турнюры» в блестящем футуристическом прогнозе Розанова выглядит просто убийственным: это ведь не что иное, как скрытые подушечки, придававшие реверсу великосветского дамского платья (обратной стороне двух симпатичных «лун») пикантную приподнятость.

О многострадальные наши газеты, партийные и беспартийные, ангажированные и независимые, — вот так, по ходу дела, они запросто могут угодить и коту под хвост! Тут уж найдутся, как водится, злопыхатели, тоном знатоков утверждающие: мол, приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

4. РЫНОЧНИК С ДЕРЕВЯШКОЙ

От Ремарка к Михалкову и далее по жизни

Амплуа Эриха Марии Ремарка, который из зарубежных классиков у нас считается едва ли не главным литературным обвинителем милитаризма, вполне может быть расширено ещё и до строгого судьи рыночных отношений.

Как бы ни любил сам писатель сидеть в каком-нибудь кафе за нескончаемой рюмкой кальвадоса, не только зная толк в закуске и выпивке, но и хорошо реагируя на красный фонарь небезызвестного уличного заведения, где-то в глубине души он остался решительным противником безжалостного капитализма.

Хотелось бы сказать «европейского», потому что в России он был, я думаю, несколько иной, и Ремарк в «Триумфальной арке» это неплохо показывает. Всего лишь один литературный эпизод, связанный с автомобильным ДТП и как следствие — несчастным случаем в жизни французского мальчика Жанно, которому раздробило ногу. Её теперь хирургу и главному герою культового романа придётся, однако, удалять.

О чём же в эти минуты думает попавший под колёса судьбы парижский подросток? Разве не о том, что ему больше не придётся гонять мяч, стараясь в этой тривиальной детской состязательности обойти сверстников, выделиться? А может, кровь вдруг ударяет ему в лицо? Как же он увидит теперь Люси из соседнего дома, представ перед ней искалеченным?..

Писатель являет нам пример классического рыночника, эдакого юного Егора Гайдара чисто французского разлива. Жанно первым делом записал номер машины и теперь предъявит свой счёт страховой компании, получив за это солидный куш.

Разумеется, ему очень важно узнать у доктора, до каких пределов предстоит лишиться конечности. Выше колена — значит, и размер выплаты будет значительно больший. К тому же он сможет сделать бизнес и на протезе: выторгует самый дорогой, затем продаст его в том же ортопедическом магазинчике, а взамен обойдётся элементарной деревяшкой.

На какие только жертвы не пойдёшь, если детской мечтой подростка остаётся открытие собственной молочной? Вот Жанно и задаёт простой риторический вопрос (и герою, и всем нам), и вопрос этот в одночасье делает его не по летам взрослым:

«Должно же человеку повезти хоть раз в жизни, а?»

Блестяще вырисовывая эту сцену, Ремарк и представить себе не мог, что его литературный собрат в далёкой Москве, создавший уже слова гимна Советского Союза, не столько отражал реалии суровой действительности, сколько старался, по крайней мере, внести свою лепту в воспитание экономической бережливости у подрастающего поколения советских людей. Это был, конечно, знаменитый Сергей Михалков, сочинивший по такому случаю даже сказку-памфлет «Похождение рубля» (1967).

«Я настоящий трудовой Рубль! — с гордостью думал я. — Интересно, что меня ждёт впереди? Что со мной будет дальше? Как меня будут тратить и, главное, на что?..»

Вопросы советского классика детской литературы, казалось, безответно улетели в Космос, в загадочное наше будущее...

Говорят, сегодня в наиболее продвинутых школах России уже ввели финансовую грамоту — надо же как-то готовить молодую поросль к свалившемуся ей на головы капитализму, чтобы всем гримасам рынка можно было скорчить адекватную рожу. Или в ближайшей перспективе показать кукиш тем самым дельцам, которые рассчитывают бюджет по заниженным нефтедолларам, а разницу от реальной цены национального экономического мерил марки «Брент» кладут в некую кубышку, окутанную важной государственной тайной.

Но это уже совсем не сказочка, которую пишут ежегодно финансисты-монетаристы, а горькая наша быль, достойная пера отважных публицистов.

5. СТАКАН С ТАЛАНТОМ

Застольное правило для начинающих писателей

В литературе это аксиома: язык делает писателя, к какой бы школе он себя ни причислял, какой бы методы ни придерживался; если язык сочный, образный, музыкальный — читатель с благодарностью примет новое имя.

В этом плане Викентий Вересаев не добился каких-то особенных успехов — с его сухостью, академичностью стиля он не мог быть, разумеется, заметной фигурой Серебряного века. Зато у большевиков литератору повезло больше: словно с неба свалилась Пушкинская премия, присуждённая за переводы древнегреческих поэтов. Затем пожаловали орден Трудового Красного Знамени, а потом и Сталинскую премию первой степени.

Сталинским лауреатом он стал, можно сказать, по выслуге лет, но есть и другое толкование: именно в этот период получила актуальность его старая биографическая повесть «Записки врача». Тогда, в разгар Великой Отечественной войны, проблема медицинских экспериментов над людьми, обозначенная орденоносцем в одной из глав, приобретала новое звучание в связи с бесчеловечными опытами, которые вели нацистские эскулапы над узниками в концлагерях. Отсюда и поощрение, с задержкой в сорок с лишним лет, да к тому же за прозу из другого мира — факт в советской литературе редкостный, наводящий на некоторые ассоциативные вольности.

Все эти «тупики», «поветрия», «бездорожья», обозначенные Вересаевым в повестях и романах, могли бы стать его любимой темой и в наши дни, доживи писатель до «светлых» нулевых. Мы не слишком далеко ушли от предреволюционной интеллигенции: больше четверти века блужданий между Сциллой и Харибдой, двумя взаимоисключающими общественно-политическими формациями, и жалкое подражание всё тому же Западу. Чем не пицца для пристального изучения действительности?

Нет ничего удивительного в том, что буквально с первых лет существования новой власти вчерашний марксист с учёной степенью

кандидата исторических наук становится настоящим мэтром и начинает поучать малообразованную рабоче-крестьянскую молодёжь. До наших времён дошла его лекция для литературной студии с претенциозным названием «Что нужно для того, чтобы быть писателем?».

Ничего практического из рекомендаций и наставлений «безграмотный вятский мужик, безвыездно живший в своей глухой деревушке», или тот же «тёмный фабричный ткач, забитый долгим, тяжёлым и нездоровым трудом», ни при каких обстоятельствах извлечь бы не смогли. Да и что почерпнёт человек из низов, пусть он хоть трижды самородок, из такого, к примеру, совета Вересаева — быть самим собой? Это всё общие слова, грубо говоря, менторский трёп. Но какие зажигательные метафоры его дальше-то, по ходу дела, наполняют:

«Главное — чтоб был свой стакан. Если он есть у вас, если есть хоть маленькая своя рюмочка, то вы — художник, вы вправе сидеть за тем столом, где с огромными своими чашами восседают Гомер, Эсхил, Данте, Шекспир, Гёте, Пушкин, Толстой, Ибсен».

Столь красноречивое наставление для начинающих писателей появилось на свет в голодном 1921 году, и вряд ли кто-либо из партийной верхушки обратил на него должное внимание — не до «рюмочки», был бы хлебушек. У товарища Сталина, который уже вскоре возьмёт персональное шефство над «инженерами человеческих душ», до литфронта ещё руки не дошли. Вересаеву просто подфартило — в противном случае за возвеличивание богемной жизни (к ней, собственно, во все века тяготела писательская братия), ему бы не поздоровилось. Вождь не любил изрядных выпивох, хотя саму процедуру застолья, оставаясь верным кавказскому радушию и гостеприимству, никогда не отвергал.

Да что теперь об этом! Тут и ежу, приходящему иногда на писательские огороды, понятно: чтобы крепко держать гранёный пролетарский стакан (дамам, естественно, можно предложить и хрустальную рюмочку), требуется богатырское здоровье. По силам ли это дело носителям новой культуры, не надорвутся ли они, как случилось со многими буржуазными литераторами, — вот вопрос, который волновал и Горького, и Сталина, когда они вдвоём закладывали в Переделкине единственный на земном шаре Писательский городок. В самом названии подмосковной деревушки уже подразумевался принцип партийности в искусстве, обязывающий авторов включать на полную катушку свой внутренний редактор и тут же *переделывать* рукопись, если вдруг «что-то пошло не так»...

Один мой знакомый, предпочитавший проводить лето в Переделкине, как-то поведал, что именно там, под легендарными сводами, ему однажды приснился страшный сон. (Возможно, сказался тот самый злополучный *стакан*, который на заре советской власти рекомендовалось крепко держать в руках.) Будто бы товарищ Сталин приехал в Дом творчества и тихой сапой, как он это частенько делал, двигаясь

почти бесшумно в своих знаменитых сапогах, достал из-за голенища казачью нагайку и начал прохаживаться по мебелированным комнатам ко всеобщей панике постояльцев.

Для кого предназначалась публичная порка, догадаться нетрудно: для именитых писателей и кандидатов в оные — других-то ведь у товарища Сталина и впрямь не было!

6. «НА РЕЧКЕ, НА РЕЧКЕ, НА ТОМ БЕРЕЖОЧКЕ...»

Этюд в продолжение «Затесей»

В маршрутном «пазике», ведомом лихим киргизом, которому более бы подошёл реальный степной жеребец, а не железный автохлам, подпрыгивающий на колдобинах, пахнет свежей речной рыбой. И мне хочется оглянуться, чтобы среди немногих пассажиров вычислить того успешного рыбака, кто возвращается к обеду непременно с уловом. Где ловил — это, разумеется, его большой секрет! Но ведь и этот разбитый автобус везёт меня на реку, стало быть, я тоже скоро вживую увижу, как трепыхается на прибрежной гальке побеждённый обитатель иного, подводного мира и обдаёт тебя привнесённым отсюда запахом придонного ила...

Енисей встречает хмуро, неприветливо; с крутого берега, каменно нависшего над глубокой поймой реки, это особенно заметно — угрюмый вид зеркальной глади почти сливается с мрачноватыми обложными тучами. Кажется, они совсем прикрыли собой и полдневный свет, и былую утреннюю лазурь, а в итоге сейчас не видать ни проблеска: хмарь на небе несусветная, а временами даже чуть-чуть пробрызгивает.

И только небольшая моторка, что оставляет после себя блестящий волнорезный клин, да люди в ней в оранжевых жилетах, точно огненные бутоны таёжных жарков, вносят разнообразие в унылую картину. Рыбаки в надувной лодке забрались на самую середину, идут строго по фарватеру, у прибрежных же заводей промышляют те, кому с водным транспортом не особо повезло.

Это сколько же нужно простоять на студёной быстрине, чтобы в один прекрасный момент какой-нибудь оголодавший ленок вдруг соблазнился на приманку и клюнул?! Два одиноких рыбака — как две забитых в воду сваи, с крутизны их и не воспринимаешь как-то иначе, по-другому. Вот бы многим из нас такое упорство в достижении цели, но здесь не столько цель, сколько спортивный интерес и охота, которая, как известно, пуще неволи...

Искал, но нигде не нашёл подтверждения, чтобы сибирский классик, подобно суворовским «чудо-богатырям», спускался вниз той тропой, по которой сейчас осторожно продвигаюсь я. Он только сетовал на то, что была когда-то прибрежная дорога (её проложила братия монастыря), да наводнение на реке, случившееся ещё в начале двадцатого века, слизало всё холодным языком. Су ров он, Енисей-батюшка!

Видимо, здесь, глядя вниз с крутизны, нависшей над водой буквально в нескольких шагах от городской квартиры писателя, он однажды философски заметил: «Реки — что человеческие судьбы: у них много поворотов, но нет пути назад».

Помню, как я откровенно обрадовался, что смогу показать этот кратчайший путь в обитель случайной незнакомке, которая, словно горная козочка, весело прыгала на своих высоких ботинках вплоть до середины маршрута. А потом на неё нашёл страх, она замерла над обрывом, торопливо объясняя, что у неё, оказывается, слабая нога: как назло, подворачивается в самой холке; стало быть, теперь моей спутнице придётся передать пакет, где лежат испечённые накануне куличи, столь дорогие ко Христову дню.

...Я стоял внизу, с грустью смотрел на удаляющуюся фигурку незадачливой прихожанки и думал, что дело, собственно, вовсе не в subtilной женской ножке, а в том лукавом шансе что-то переиграть в самый последний момент, который в качестве свободы выбора всегда имеет каждый из нас. Может быть, и впрямь измельчал современный человек? Он живёт бок о бок с великой природой, но почему-то не берёт пример с могучих рек — уж они-то ни за что не согласятся повернуть назад!

В тот пасхальный день немного взгрустнулось о том, что мне не удалось похристосоваться с хрупкой спутницей, зато я помолился за рабу Божию Татиану, которая умеет печь куличи и однажды всё-таки кратчайшим путём придёт в храм, но это уже будет другая затея в дань уважения большому мастеру слова.

Аделя Броднева

Поэт и муза

История любви и верности длиною в жизнь...

Тамара Константиновна Назарова ушла от нас в вечность с девятнадцатого на двадцатое июня 2020 года, практически в тот самый день, когда не стало Славы... Только между этими датами пролетело сорок три года...

Фантастически красивая и светлая женщина, настоящая муза поэта! Она пришла в Литературный музей в конце 1990-х годов. Прилетела из Москвы и привезла с собой рукописи Вячеслава Назарова. От неё мы узнали о поэте Вячеславе Назарове, которого помнили и любили в Красноярске друзья и поклонники, хотя прошло уже более двадцати лет с ранней его смерти. Тогда в доступности любителей поэзии было только четыре небольших сборника, изданных ещё в 1960-е годы, сборник стихов и поэм «Световод» (Красноярск, 1988), а также пять фантастических повестей.

Как здорово, что Вячеслав в Красноярске влюбился и покорило сердце сибирской красавицы Тамары Козловой! Она не только подарила в Литературный музей архив Вячеслава Назарова, но открыла заново для нас этого выдающегося поэта и патриота Сибири. Он ушёл так рано, на взлёте своего фантастически зрелого творчества, и благодаря Тамаре Константиновне интерес к его биографии и произведениям возрастает... Ей он посвящал стихи... ей он обязан своей долговечной славой.

ТАМАРЕ

Возьми стихи.
В них люди знают,
куда идут,
зачем живут.
В них тополя не облетают.
Любимые — не предают.
Возьми стихи.
Лучи и тучи,
ветра и штиль моих небес —
тебе, виновнице созвучий
и соучастнице чудес.

Доверься строчкам,
как девчонка.
Когда я буду вдалеке,
то сердце выпавшим грачонком
в твоей останется руке...

Она посвятила себя, уж простите за банальность, пропаганде творчества В. А. Назарова и передала в Литературный музей часть архива поэта, куда вошли рукописи повестей, неизданные поэмы и стихи, авторские рисунки. Многочисленные фотографии передают неотразимый вдохновенный поэтический облик творческого человека.

Поэт был ещё и замечательным художником, его апокалипсические картины напоминают нам о хрупкости цивилизации, погибшей оттого, «что люди перестали говорить и мыслить — украли Слово» (поэма «Атлантида»).

В разных разговорах, например, с литературным критиком В. Осиповым, Вячеслав Алексеевич как бы подводил итоги. Что после нас останется? Он не дожил до апокалипсиса, не видел, как рухнули в несколько минут башни-близнецы в Нью-Йорке, но предвидел такое событие...

«...если будет день, когда окаменевший пепел, ещё хранящий радиоактивность, покроет почву вымершей планеты, как полотно смирительной рубашки, стянувшей туго тело идиота... то я хочу быть спорой... серой спорой, с необоримую способностью деленья — живую спорой!...» (из поэмы «Атлантида»).

Уже тогда Вячеслав задумывался о будущем нашей планеты, о покое природы, которая корёжится, утужится бетоном и сталью...

Ни Богу, ни чёрту
не скрыть полотна.
Но снизу,
как мины,
гудят семена!
Не стройте на минах
свои города!

Совершенно логичен переход В. Н. от поэзии к социальной фантастике. В 1970-е он написал пять фантастических повестей («Зелёные двери Земли», «Силайское яблоко», «Бремя равных», Дороги надежд», «Синий дым»).

Поэт, мастер поэтического Слова, фантаст Вячеслав Назаров!

Интерес к творчеству начинается тогда, когда тебя что-то цепляет, трогает. Сегодня очень популярны его стихи, фантастика, в соцсетях десятки блогеров выражают своё отношение к прочитанному... В этом объективном процессе связующая нить принадлежит Тамаре Константиновне, которая все эти годы жила и дышала только для него!

В 1990-е трудно было представить, что снова будут издавать поэтов, и литература ушла в соцсети.

Комментарий из соцсетей: «Удивительно смелое для своего времени произведение. Вячеслав Назаров — из тех самых „шестидесятников“, которым довелось глотнуть обманного воздуха хрущёвской „оттепели“. И, как у многих „шестидесятников“, в творчестве Назарова причудливо уживались романтика комсомольскихстроек и трудные размышления о стране, где „убили слово“, и неопубликованное крамольное: „Мне приснилось сегодня, что Сталин воскрес...“» (Вертер де Гёте).

Тема власти и народа прорастёт позже — в удивительно смелой даже по современным меркам фантастической повести-памфлете «Силайское яблоко» (1975). Так уж случилось, что фантастика В. Назарова стала более применима к нашему дню, чем поэзия.

В поэтический сборник «Опять зовёт Полярная звезда» (Красноярск, 2017), вошли поэты 1960-х — Вячеслав Назаров, Роман Солнцев, Зорий Яхнин и Лира Абдуллина. Подготовил том в рамках гранта администрации Красноярского края «Из литературного наследия Красноярья» писатель Александр Астраханцев.

И приятно удивили нас красноярские школьники, которые на традиционном конкурсе поэзии, учреждённом четыре года назад Литературным музеем, — «Страна Сибирь», последний проведён в ноябре 2017 года, — читали стихи Вячеслава Назарова, Романа Солнцева, Игнатия Рождественского, Казимира Лисовского. Конкурс чтецов всякий раз убеждает нас, что Поэзия живёт и интерес к ней растёт с каждым годом, количество участников поэтического конкурса иногда доходит до пятисот человек, от первоклашек до выпускников.

Ребята берут фантастически сложные философские стихи В. Назарова, такие как «Сирень под солнцем», «Дорога снов», «Я знаю, как ели в Сибири растут». Поэзия стала доступна и понятна молодёжи...

По инициативе поэта Оксаны Горошкиной издан сборник избранных стихотворений В. Назарова «Теория невероятности» (Красноярск, «Палитра», 2018). Любимым поэтом молодой Оксаны стал Вячеслав Назаров. Её волнует сложный духовный мир поэта, она пытается найти его следы на книжных полках, в подшивках журналов, ходить с ним по одним улицам, дышать тем же воздухом. Стихи Вячеслава стали частью её жизни, а жизнь, прожитая очень насыщенно и густо, стала образцом для подражания...

И помнится, уже в сентябре 2000-го, после первой выставки и вечера памяти Вячеслава Назарова, на который собрались телевизионщики Юрий Устюжанинов, Геннадий Тюнис, актёр театра Пушкина Константин Вошиков, Валерия Размахнина, Роман Солнцев, Михаил Успенский, Олег Корабельников, Наталья Лебедева, Татьяна Садырина, — почти сразу появилась молодёжь, блогеры, навсегда отдавшие своё сердце любимому поэту. История познания планетарного имени — «Вячеслав Назаров» — продолжается...

Литературный музей каждые пять лет собирает друзей и почитателей творчества Вячеслава Назарова. Сколько раз Тамара Константиновна из далёкой благополучной Голландии приезжала в Красноярск, чтобы увидеться с друзьями, окунуться в атмосферу Красноярска, о котором она грезила во сне... Как она мечтала ещё раз вернуться в Красноярск...

Осенью 1963 года в Красноярске открылось молодёжное кафе «Мана». Рождались споры о живописи, архитектуре, были разговоры о фильмах и новых песнях, но горячее всего здесь звучали баталии о поэзии. «Оттепельные» годы достопамятны спорами о физиках и лириках, появлением новых городов — Братска, Дивногорска, Ангарска, бумом бардовских песен, где пелось о туманах и запахах тайги, о первых полётах на околоземную орбиту.

В Красноярске в 1960-х было три настоящих поэта, звучали их стихи... Вячеслав Назаров, Роман Солнцев, Зорий Яхнин, они — выпускники столичных университетов, с блестящим образованием, которым не могли похвастаться фронтовики — не успели.

Имена-то какие: Слава! Роман! Зорий! Они и выступали зачастую вместе, вместе ездили по краю, по стране, и везде их принимали как поэтов. Вспомним: «Поэт в России больше, чем поэт». В атмосфере поэтического состязания доказывали своё право на высокое звание поэта. Кто первый поэт? Равнение шло на самых-самых... Обменивались стихами...

Верная муза Поэта, Тамара бережно сохранила эти, ставшие уже раритетами, сборнички стихотворений. Как много говорят дружеские послания, адресованные, как оказалось, в вечность...

«Назаровым Тамаре и Славе на память о нашем удивительном времени. Когда-нибудь блеснут золотые лужицы старости, и мы над ними поплачем... Успехов! Новых viva poesia, Viva Komtunis! Ох, как нам весело!.. С уважением, Ваш Ромка. В гости приходите, черти! Адрес смотри в календаре» (автограф Романа Солнцева на книге стихов «Непокой», 1964).

«От Енисея до Онеги просторы пролегли светло, — не потому, что столько снега зимою этой намело. Дулоны северных сияний и зорь сибирских алых цвет нам говорят, что расстояний для настоящей дружбы нет.— Вячеславу Назарову, доброму собрату по творческим мукам во имя того, чтобы люди не испытывали лишних мук» (автограф на книге стихов И. Костина «От первого заснежья», 1975).

«Милой Тамаре — моему несчастному редактору от несчастного Романа, которого никто не любит... Выше голову! Мы ещё увидим небо в звёздах! Твой Ромка. 05.01.1966 г. PS. Эх. Где моя гитара!.. Роман Солнцев» (автограф на книге стихов «Годовые кольца», Красноярск, 1965).

«Славе Назарову — мы спиной к спине у мачты против тысячи — вдвоём — И. Кравченко. Г. Вологда» (автограф И. Кравченко на сборнике «Капля неба», Владивосток, 1966).

Тамара Константиновна, вместе с Р. Солнцевым и В. Назаровым, была составителем сборника «Красноярск. День поэзии 1967». В предисловии она написала: «Перелистываю страницы книги. В ней представлены стихи более чем сорока поэтов огромного края: известных в то время И. Рождественского, М. Кильчичакова, З. Яхнина, Р. Солнцева, В. Назарова, В. Белкина, А. Немтушкина, А. Фёдоровой и молодых поэтов». Именно она сохранила уникальные самые ранние трогательные снимки наших поэтов и передала нам на вечное хранение.

Двадцать четвёртого сентября 2015-го в Красноярском литературном музее имени В. П. Астафьева прошёл памятный вечер, посвящённый восьмидесятилетию поэта, писателя-фантаста, журналиста Вячеслава Назарова.

Инициатором его проведения выступила, как всегда, Тамара Константиновна: в пятый раз прилетела в Красноярск из Москвы, а ещё раньше прилетала из Голландии, где преподаёт в городе Делфте, в технологическом университете, её сын, известный профессор, физик-теоретик Юлий Вячеславович, растут внуки — Алексей, Николай и Василий.

...Небольшой, компактный зал Литературного музея забит до отказа: не всем желающим послушать Тамару Назарову и посмотреть документальные кадры, запечатлевшие писателя и поэта, нашлось место, многие стояли в проходах... Было много молодёжи, которая восприимчива к страстному поэтическому слову.

Рассказ Тамары Константиновны:

«Хотели направить в какую-то районную газету. Он отказывался. В конце концов пригласили его к секретарю крайкома партии. Тогда только начинала работать Красноярская студия телевидения, ему предложили заняться этим делом. Работал редактором, режиссёром студии, а затем — и всего кинокомплекса краевого телевидения. Там мы с ним и познакомились. Я вернулась из командировки, и мне сказали, что из МГУ приехал парень. Началось наше знакомство, дружба. Он был очень интересным, эрудированным, искренним... В 1959 году у нас уже была комсомольская свадьба, подарили нам сервиз, от которого у меня остался чайник с надписью „От комсомольцев телевидения“. В 1960 году родился сын Юлий».

Вспоминает Тамара Константиновна:

«Слава свою первую передачу написал в стихах. Студийцы, ничего не подозревая, собрались на летучке, чтобы обсудить сценарий молодого автора. И тут он встал и поэтически рассказал об энтузиазме и свершениях молодых советских людей середины двадцатого века:

...Здесь будет город?
Много городов.
Наш край в огнях
И гуле новостроек.
Я вижу их — все в зелени садов,

Бетон и сталь...
И нам их строить.

Сначала все слегка опешили от неожиданной жанровой формы, а после единодушно утвердили программу. Там ещё были строки, характеризующие личное отношение автора к малознакомому пока краю. Слава сказал, что Сибирь для него отныне — солнце, музыка и тепло. После сугубо городской Москвы сибирская ширь, где всё кипит и бурлит, где такие красивые сопки по осени — у него осенью день рождения, двадцать второго сентября, — покорила сердце поэта. К Красноярскому краю, к этой земле у Славы было совершенно дивное, любовное отношение. И Славу все любили на студии. Он был выдумщик, энтузиаст, эрудит».

Знал поэзию самиздатовских Николая Гумилёва, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, запрещённую прозу Михаила Булгакова. В Красноярске, далеко от столиц, в глубокой провинции, молодые, страстные, никого не боящиеся поэты спорят о поэзии Николая Гумилёва, Вячеслава Иванова, Оскара Уайльда, смотрят в далёкое будущее нашей планеты Земля.

Роман Солнцев на том памятном первом вечере в Литературном музее (2000 год) заметил, что Слава Назаров не писал стихов на злобу дня, а писал для вечности — ни много ни мало! «В отличие от многих из нас, он не тратил время на красноречие и суету. Стихи его живут и сегодня, и для меня это праздник».

Константин Вошиков: «Он для меня навсегда остался молодым, чрезвычайно эмоциональным, живо откликающимся на всё на свете».

В Литературном музее развёрнута экспозиция по фантастике «Зелёные двери Земли» (2015 год), где представлены писатели-фантасты, которыми так богата красноярская литература, в том числе рассказано о творчестве Вячеслава Назарова и выставлены мистические пророческие картины поэта.

В этом несомненная заслуга именно Тамары Константиновны. Она не скупилась на эмоции, когда встречалась с друзьями молодости, осталась настоящей сибирячкой, обаятельной и гостеприимной. Конечно, перед ней я всегда чувствовала ответственность, старалась отработать на все сто... И удивительно: на наши литературные посиделки откликнулись не только знавшие Тамару и Славу Назаровых, но и наши любимые преподаватели КГПУ, студенты-филологи, учащиеся школ. Каждая такая встреча была праздником поэзии.

В феврале 2018-го из Москвы от Тамары Константиновны в Литературный музей пришла огромная посылка — две коробки с бесценными рукописями (вторая часть архива). В настоящее время архив В. Назарова обработан и доступен для специалистов, исследователей литературы. Он включает уникальные авторские сценарии Красноярского телевидения, рецензии на произведения местных авторов, рекомендации для вступления в Союз писателей; рукописи, авторские

рисунки, документы, аттестат об окончании школы, дневник школьника Славы Назарова и фотографии семейного архива.

Долгое время Тамара Константиновна не решалась расстаться с портретом Вячеслава Алексеевича, который нарисовал знаменитый художник Геннадий Поздеев. Поэт изображен сказочным персонажем, неким божеством, властелином морей... Удивительный портрет! Написан, между прочим, в больничной палате, где поэт и художник лечились у знаменитого хирурга Юрия Ивановича Блау, основателя кардиологической службы в Красноярске.

Светлой, открытой, бескорыстной была Тамара Константиновна, сохранила молодой задор, красоту и щедрость духовную — «в душе ни одного седого волоса», как говорил великий поэт Владимир Маяковский. Такой красноярцы будут её помнить... Общаясь с Тамарой Константиновной, я поражалась и бесконечно благодарна ей за то, что она была снисходительной, забывала обиды, а ещё никогда не звучала тема болячек и различных неприятностей. Уж поверьте, много пришлось наслушаться от писателей и их близких всякого...

...Рассказать о Тамаре Константиновне невозможно, не рассказав о Вячеславе Назарове: ведь вся её дальнейшая деятельность — служение своему кумиру. *Большое счастье — прожить такую яркую жизнь!* Не каждому дано.

В эти скорбные дни мне пишет Елена Назарова, любимая невестка, и сын Юлий Вячеславович. Они поделились снимками с панихиды по Тамаре Константиновне, прислали последнюю фотографию, где запечатлён дорогой нежный образ... На фотографию Тамары Константиновны, где она совсем молодая и красивая, села бабочка... Вероятно, это её душа витает рядом с близкими, ведь душа ещё сорок дней с нами.

Елена написала: «Да, эта бабочка тоже меня тронула, действительно, душа где-то рядом порхает... И слова „бабочка“ и „бабушка“ ведь от одного корня. Мы её всегда называли бабушка Тамара, и она сама представлялась как ома (бабушка) Тамара. Было несколько голландских фраз, которые Т. К. выучила и употребляла. Всегда интересовалась у тех, кто ей приходил помогать последние два-три месяца, как семья, дети, детям передавала гостинцы. Всегда была благодарна за доброе отношение к ней врачей, знакомых».

...Низко кланяюсь Юлию Вячеславовичу и Елене Назаровым за присланные фотографии, возможность увидеть, хотя и на фотографиях, её последние снимки, за дружбу...

Пусть этот рассказ получился неровным, где-то нелогичным, но это оттого, что в моей жизни Тамара Константиновна занимала особое место: наши отношения более четверти века были похожи на отношения матери и дочери. Теплота и забота, которые соединяли нас, свидетельствуют об искренности и человечности Тамары Константиновны, её удивительной способности быть сопричастной к твоей судьбе.

Да хранит Господь Тамару! Вечная ей память!

Авторы

АХАДОВ ЭЛЬДАР АЛИХАСОВИЧ

Родился в 1960 году в Баку. Российский писатель. Окончил Ленинградский горный институт. В течение 10 лет руководил краевым литературным объединением при Государственном центре народного творчества Красноярского края и краевой литературной студией «Былина» для незрячих и слабовидящих. Автор более 30 книг поэзии и прозы. Основатель сайта «Миры Эльдара» и международного русскоязычного поэтического конкурса «Озарение». Произведения автора публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Мурзилка», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Кукумбер», «Сибирские огни», «Неизвестная Сибирь», «День и ночь», «Обская радуга», «Intelligent New-York» и др. Обладатель многочисленных литературных премий и наград. Живёт в Красноярске.

БРОДНЕВА АДЕЛЯ ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в 1949 году в Иркутске. Окончила Кызыльский педагогический институт. Заведующая Литературным музеем имени В. П. Астафьева (1993–2014), ныне — сотрудник этого музея. Работала учителем литературы в школе рабочей молодёжи. В 1982 году пришла работать в краеведческий музей. Заведовала историко-революционными филиалами КККМ. В 1992 году возглавила авторский коллектив по созданию Литературного музея, открытого в 1997 году. В 2001 году Литературному музею присвоено имя Виктора Петровича Астафьева. В 2005 году А. В. Броднева была удостоена звания «Заслуженный работник культуры». В 2011 году опубликовала историческую летопись-хронику из редкого фонда краевого краеведческого музея — «Из дневников протоиерея В. Д. Касьянова (1870–1897)», за публикацию которой получила премию имени Ивана Забелина первой степени за 2013 год. Автор книги «Кто Вы, доктор Крутовский?» (2014) и фотоальбома «Семейный альбом Крутовских. Семья красноярцев Владимира и Лидии Крутовских в контексте истории России (1881–1930)» (2015).

ГЕРМАН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

Родился в 1964 году. Окончил Кемеровский государственный институт культуры. С 1985 года работает актёром в театрах Красноярского края, с 1996 года — в Минусинске. Публикации в журналах «Истоки», «День и ночь», а также в коллективных сборниках.

ГЕРМАНОВА АННА

Родилась, училась и работала в Москве. С 2008 года живёт в Германии, в городе Оффенбах-на-Майне. Лауреат Пятого международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2016/2017». Лауреат Международного поэтического турнира «Дни русской поэзии в Ганновере-2018». Обладатель литературной премии имени Майи Шварцман в 2020-м. Лауреат Международного литературного конкурса «9-й открытый чемпионат Балтии по русской поэзии-2020». Публикации в «Литературной газете», в журналах и альманахах «Крещатик», «Тропы», «Эмигрантская лира», «Южное сияние», «45-я параллель» и других.

ЁЛТЫШЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1950 году в Красноярске. По окончании педагогического института (филологический факультет) учительствовал в сельской и городской школах, служил в армии. С 1975 года — журналист: корреспондент, ответственный секретарь, редактор в краевых газетах и журналах. Стихи пишет всю жизнь, публиковал их в краевых и центральных газетах и журналах, коллективных сборниках. Выпустил две поэтических книжки.

КОБЕЛЕВ АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ

Родился 5 апреля 1955 года в посёлке Залари Иркутской области. Детство прошло в Нукутском районе, где проживает и сейчас. Пишет стихи, иногда прозу, публицистику, критику. Автор поэтических сборников «Леший», «Дорога на Балтай», «Вещий камень» и сказки для детей «Жёлтый шарик».

КУЗНЕЦОВА ЗИНАИДА НИКИФОРОВНА

Поэт, прозаик. Член Союза российских писателей с 2003 года. Родилась 7 ноября 1945 года в Воронежской области. С 1966 года живёт в городе Зеленогорске Красноярского края. Автор восьми поэтических сборников и пяти книг прозы. Публикации в журналах «День и ночь», «Енисей», «Молодая гвардия», «Приокские зори», «Московский Парнас», «Царскосельская лира», «Новый Енисейский литератор», в русскоязычном альманахе «Литературная Канада», в альманахе «Всеамериканский литературный форум» (Канада), в «Антологии поэзии закрытых городов», «Стихи поэтов закрытых городов», в коллективных сборниках Красноярской писательской организации «Какие наши годы», «Послание в вечность», в трёхтомном издании Губернаторского благотворительного фонда «Времена любви», в различных коллективных сборниках Зеленогорска и Красноярска — всего более 90 публикаций. Автор очерков и редактор книг о городских предприятиях, организациях. Составитель и редактор книг городских авторов, коллективных сборников. Руководитель литературного объединения «Родники».

КУЗНЕЧИХИН СЕРГЕЙ ДАНИЛОВИЧ

Родился в посёлке Космынино под Костромой. После окончания химфака Калининского политехнического института уехал в Свирск, потом перебрался в Красноярск. За 20 лет работы инженером-наладчиком изъездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока, от Тувы до Чукотки. Печатался в журналах «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», в альманахе «День поэзии 1986», в коллективных сборниках. Автор книг стихов «Жёсткий вагон» (1979), «Соседи» (1984), «Поиски брода» (1991), «Похмелье» (1996), «Ненужные стихи» (2002), «Местное время» (2006), «Дополнительное время» (2010), «С точностью до шага» (2012), «Уходящее время» (2016). Выпустил книги прозы «Аварийная ситуация» (Москва, «Советский писатель», 1990), «Омүлёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Где наша не пропадала» (Красноярск, 2005), «Забавный народ» (Красноярск, 2007), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014). Член Союза российских писателей.

ЛЫСЕНКО ДАРЬЯ

Родилась в городе Абаза (Республика Хакасия). Стихи и прозу пишет с детства. Окончила институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, работает в охране природы. Вице-королева конкурса «Король поэтов-2006». Дипломантка I Всероссийского конкурса юных поэтов «Моя мечта — моя Россия» (2003) и премии «Одарённые дети Хакасии» (2003), а также победительница в номинациях «Литературная библиотека Времени» (2015) и «Поэзия» (2019) межрегионального литературного фестиваля на соискание премии имени Игнатия Рождественского (2015) и обладательница второго места того же фестиваля в номинации «Поэзия» (2016). Создательница и руководительница международного литературного проекта «Среда разборов: лаборатория для авторов». Лауреат премии Главы города в области культуры. Член Союза российских писателей.

МАЛИНОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА

В 2016 году окончила аспирантуру КГПУ имени В. П. Астафьева по филологическому направлению, получив статус преподавателя-исследователя. Лауреат премии Главы города Красноярска в номинации «Культура». Лауреат краевого литературного конкурса имени Игнатия Рождественского в номинации «Поэзия». В 2015 году стала полуфиналистом конкурса «Русские рифмы» (Москва) и вошла в двадцатку лучших молодых поэтов. Её стихи, посвящённые Сибири и родному городу, вошли в сборник «Русские рифмы. Родные города». Финалист конкурса «Король поэтов-2016». Постоянный участник городских литературных фестивалей, встреч, вечеров, семинаров, член жюри детских и молодёжных поэтических конкурсов.

МЕЛЬ СВЕТЛАНА ЛЕОНГАРДОВНА

Родилась 25 апреля 1960 года в Красноярске-26. Окончила механико-математический факультет Пермского государственного университета. Работала в НИИУМС (Пермь), с 1988 по 2016 год — в отделе информационных технологий строительной организации Железногорска. Стихи пишет с детства. Чуть позже начала писать песни на свои и чужие стихи. Участвовала в бардовских фестивалях в Перми, Красноярске, Ижевске, Ульяновске, Томске и других городах. Публиковаться начала с 1999 года в городской прессе, затем в различных альманахах. Первый сборник стихов «Блики и тени» вышел в красноярском издательстве «Кларетианум» в конце 2000 года, «Тот нечаянный глоток» — в 2008-м. В 2010 году вышла книга на двух авторов «Два крылатых коня» в Железногорске, в 2014 году — «Наслоения». Подборки стихов печатались в журнале «Европейская словесность» (Кёльн). Член Союза российских писателей с 2011 года.

НАИЛЬЕВНА ЕЛЕНА

Поэтесса из Самары. Окончила Самарский аграрный университет. Выпустила два поэтических сборника в Москве: «Под облаками» и «А яблок было!». Стихи публиковались в «Литературной газете», в журналах «Юность», «Белый ворон», «Литературный Иерусалим», «Формаслов», «Тропы», «Глагол», «Буквица» и других.

НЕМЕЖИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Родилась в 1965 году в Красноярске. Окончила с отличием два факультета в КИЦМ (ныне ИЦМиМ СФУ) по специальностям «горный инженер-геолог» (ленинская стипендиатка, 1987), «экономист» (1993). В 2019 году стала лауреатом краевого литературного конкурса имени И. Д. Рождественского в трёх номинациях: I степень — «Драматургия», II степень — «Поэзия», III степень — «Произведения для детей». Публикации: альманах «Енисей», журнал «День и ночь». Живёт в Красноярске.

ОВЧАРЕНКО ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ

Поэт, бард. Родился в 1973 году в Красноярске. Учился в Красноярском государственном университете. С 1993 года работал журналистом в газетах Красноярска «Свой голос», «Городские новости», «Евразия», «Красноярский комсомолец», «Сибирская газета», «Новые времена», «Новый гудок», «Вечерний Красноярск». В настоящее время работает на телевидении. В 2012 году занял второе место в краевом поэтическом конкурсе «Король поэтов», по итогам конкурса издана книга «Бог на крыше». В этом же году стал лауреатом краевого поэтического конкурса на соискание премии имени И. Рождественского.

РЕМИЗОВА ИРИНА

Родилась и живёт в Кишинёве. Окончила филологический факультет Молдавского государственного университета (специальность «Русский язык и литература»), работает там же, на кафедре русской филологии. Читает курсы истории русской литературы XVIII–XIX веков и теории литературы, а также спецкурсы по сравнительному стихосложению и анализу стихотворного текста. Автор книг стихов «Серебряное зеркало» (2000), «Прикосновения» (2003), «Неловкий ангел» (2010), «Вёрсты дождевые» (2017). Редактор-составитель сборника «Как слово наше отзовется» (Кишинёв, 2003).

ЮРЛОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в селе Вожгалы Кировской области в 1954 году. Окончил факультет журналистики УрГУ имени А. М. Горького (Екатеринбург). Работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, собственным корреспондентом газеты «Гудок» в Красноярске. Лауреат конкурса «Журналистская Россия-2009», победитель и лауреат IX межрегионального конкурса журналистского мастерства «Сибирь — территория надежд» (2010) в номинациях «Территория интеллекта» и «Добро пожаловать в Сибирь!». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», альманахе «Новый Енисейский литератор». Автор портала «Российский писатель» и сетевого журнала любителей русской словесности «Парус» (Москва), редактор отдела очерка и публицистики литературного альманаха «Новый Енисейский литератор». Автор книг «По Сибири с государевой оказией» (2002), «Шёл к Тунгуске звездолёт», «Звёздная миссия в прошлое» (2008), «По шпалам из века в век» (2011), «Зеркало антиквара» (2012). Научно-популярное издание «110 лет неизвестности» (2018) стало «Книгой года» по версии Красноярской краевой универсальной научной библиотеки имени В. И. Ленина.

ЯРОШ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1955 году в Каменске-Уральском Свердловской области, в семье инженеров-металлургов. В 1978-м окончил физтех Уральского политехнического института, получил распределение на электрохимический завод города Красноярск-45 (ныне Зеленогорск), где работал инженером-технологом основного производства. В Красноярске с 1988 года. Женат. Публиковался в журнале «День и ночь», в альманахе «Енисей».

ISBN 978-5-6044837-3-2

9 785604 483732